

Journal trimestriel | **LA PAROLE RUSSE** | Directeur N. MAYER

Союзъ для защиты чистоты русскаго языка

28, rue Serpente (Sociétés Savantes), Paris VI.

№ 3 — 1958 — Octobre, Novembre, Décembre — 1958 — № 3

Защита чистоты русскаго языка не реакція, не проповѣдь неизмѣняемости однажды принятыхъ формъ, не противодѣйствіе органическому развитію русскаго слова. Она притиводѣйствуетъ внѣдренію въ русскую рѣчь большевицкаго жаргона, эмигрантскихъ заимствованій и ничѣмъ необоснованныхъ претенціозныхъ искаженій.

Наша задача

Одной изъ задачъ русской эмиграціи является сохраненіе русскаго языка въ добольшевицкомъ его видѣ.

Какъ нельзя мириться съ тѣмъ, чтобы Россія называлась СССР-омъ, такъ нельзя позволить, чтобы названія вещей и понятій уродовались большевицкимъ жаргономъ, эмигрантскимъ «словотворчествомъ» и такъ называемой «новой» орфографіей».

Все это — явленія болѣзненныя, а стало быть временныя, преходящія. И чѣмъ сильнѣе, чѣмъ шире мы будемъ противиться имъ, тѣмъ скорѣе наступитъ выздоровленіе.

Развѣ не боленъ языкъ, создающій фразы неудобочитаемыя :

«В отделе архивоведения даются указания по вопросам архивоведения».

«Набрался мудрости заграницей и все-таки осел в СССР».

«Это темное село вдали».

или неудобопонимаемыя :

«Я пришел не судить мир, но спасти мир».

«Есть у нас что есть».

«Он любил ее собаку».

А между тѣмъ подобныхъ примѣровъ изорудованія нашего языка «новой орфо-

графіей» можно привести сколько угодно.

На вопросъ, нужно ли мириться съ этимъ или нѣтъ, нѣкоторые, считающіе себя въ силахъ бороться съ коммунизмомъ и съ большевизмомъ, признаютъ себя неспособными бороться... съ новой орфографіей и отвѣчаютъ : «Да, нужно !» Вѣдь двѣсти милліоновъ помирились съ ней».

Мы с непоколебимой твердостью отвѣчаемъ : «Нѣтъ !» и не только вѣримъ, но безъ тѣни сомнѣнія **знаемъ**, что придетъ время, когда не ихъ мнѣніе, но наше убѣжденіе восторжествуетъ. Мы призываемъ всѣхъ, кому дорого наше національное сокровище, нашъ великолѣпный русскій языкъ, присоединиться къ намъ и поддержать насъ въ стараніяхъ нашихъ ускорить наступленіе того періода русской культуры, когда будетъ дана заслуженная оцѣнка «новой орфографіи» и похоронена «мода» на нее, когда родится признаніе необходимости возврата къ подлинному русскому правописанію и пробудится въ широкихъ кругахъ русскихъ людей желаніе воскресить померкшую временно красоту нашего языка.

Мы понимаемъ, что сейчасъ обращаться къ органамъ эмигрантской печати, недавно измѣнившимъ русскому правописанію, съ уговорами опомниться и возвратиться къ нему, было бы безполезно. Для того, чтобы рѣшиться на такой шагъ въ условіяхъ сегодняшняго дня, нужна смѣлость. Они сдѣлаютъ это тогда, когда «мода» на подлинное русское правописаніе распространится.

«Русская Рѣчь» вступила въ кругъ тѣхъ эмигрантскихъ изданій, которыя эту «моду» поддерживаютъ и распространяютъ. Отклики, получаемые ею изо всѣхъ странъ русскаго разсѣянія, рождаютъ надежду на возможность расширенія дѣятельности Союза путемъ изданія брошюръ и книгъ на настоящемъ русскомъ языкѣ. Такое издательство было бы лучшей пропагандой идей Союза. Далекой мечтой является переизданіе нашихъ классиковъ въ не изуродованномъ ихъ видѣ.

Поле дѣятельности огромно.

Призываемъ всѣхъ подлинно русскихъ людей помочь Союзу въ его усиліяхъ.

СЛОВО

> "И въ Евангеліи отъ Іоанна сказано, что Слово — это Богъ".
>
> **Гумилевъ.**

Слово — живое дыханіе народа.

Пока жива народная душа — живо и Слово.

И оскудѣваетъ оно лишь тогда, когда духовный уровень націи снижается.

Душа молодого русскаго народа съумѣла создать такой прекрасный, такой полнозвучный языкъ, что горя желаніемъ достойнымъ образомъ восхвалить его, наши поэты нашли въ своихъ сердцахъ пламенное Слово любви и восхищенія.

«Въ дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбѣ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!»

Кто изъ насъ не помнитъ этихъ словъ Тургенева ?

«Берегите чистоту языка, какъ святыню, — завѣщаетъ онъ намъ, — никогда не употребляйте иностранныхъ словъ. Русскій языкъ такъ богатъ и гибокъ, что намъ нечего брать у тѣхъ, кто бѣднѣе насъ».

И развѣ можно но согласиться со словами, произнесенными тѣмъ же Тургеневымъ на засѣданіи Общества любителей русской словесности по поводу открытія памятника А. С. Пушкину :

«Какъ бы то ни было, заслуги Пушкина передъ Россіей велики и достойны народной признательности. Онъ далъ окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силѣ, логикѣ и красотѣ формъ признается даже иностранными филологами едва ли не первымъ послѣ древне-греческаго».

«Какъ матеріалъ словесности — говоритъ Пушкинъ по поводу предисловія г-на Леманто къ переводу басенъ И. А. Крылова — языкъ славяно-русскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими : судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI-мъ вѣкѣ древній греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи : словомъ, усыновилъ его, избавивъ такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго: но впослѣдствіи они сблизились и, такова стихія данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей».

«Дивишься драгоцѣнности нашего языка : что ни звукъ, то и подарокъ, все зернисто, крупно, какъ самъ жемчугъ, и право, иное названіе еще драгоцѣннѣе самой вещи», — говоритъ въ свою очередь Гоголь.

«Самъ необыкновенный языкъ нашъ есть еще тайна, — пишетъ онъ въ 1845 году, — въ немъ всѣ тоны и оттѣнки, всѣ переходы звуковъ отъ самыхъ твердыхъ до самыхъ нѣжныхъ и мягкихъ : онъ безпредѣленъ и можетъ, живой какъ жизнь, обогащаться

ежеминутно почерпая съ одной стороны высокія слова изъ языка церковно-библейскаго, а съ другой стороны выбирая на выборъ мѣткія названія изъ безчисленныхъ своихъ нарѣчій, разсыпанныхъ по нашимъ провинціямъ, имѣя возможность такимъ образомъ въ одной и той же рѣчи восходить до высоты, недоступной другому языку и опускаться до простоты ощутительной осязанію непонятливѣйшаго человѣка: языкъ, который самъ по себѣ уже поэтъ...»

«Опасно шутить писателю съ Словомъ» — пишетъ онъ в статьѣ «О тамъ, что такое Слово».

«Слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ ! Если это слѣдуетъ примѣнить ко всѣмъ намъ безъ изъятія, то во сколько кратъ болѣе оно должно быть примѣнено къ тѣмъ, у которыхъ порище — слово и которымъ опредѣленно говорить о прекрасномъ и возвышенномъ. Бѣда, если о предметахъ святыхъ и возвышенныхъ станетъ раздаваться гнилое слово, пусть ужъ лучше раздается гнилое слово о гнилыхъ предметахъ».

Не напоминаютъ ли намъ эти строки извѣстное стихотвореніе Гумилева подъ названіемъ «Слово» :

«Въ оный день, когда надъ міромъ новымъ
Богъ склонялъ лицо свое, тогда
Солнце останавливали словомъ,
Словомъ разрушали города.

И орелъ не взмахивалъ крылами,
Звѣзды жались въ ужасѣ къ лунѣ,
Если точно розовое пламя
Слово проплывало въ вышинѣ

и дальше :
Но забыли мы, что осіянно
Только Слово средь земныхъ тревогъ,
И въ Евангеліи отъ Іоанна
Сказано, что Слово — это Богъ.
Мы ему поставили предѣломъ
Скудные предѣлы естества,
И какъ пчелы въ ульѣ опустѣломъ
Дурно пахнутъ мертныя слова».

Все же главнымъ виновникомъ гибели и смерти языка не столь являются «скудные предѣлы естества», какъ выражается Гумилевъ, но матеріализмъ и безбожіе, погубившіе на нашей родинѣ не только нашъ прекрасный русскій языкъ, но и души человѣческія — милліоны душъ ! Тамъ, гдѣ нѣтъ духа, нѣтъ и вѣры, бѣднѣетъ и умираетъ языкъ, становится бездушнымъ, механическимъ. Тамъ, гдѣ попрано достоинство человѣческое, гдѣ издѣваются надъ образомъ и подобіемъ Божіимъ, тамъ рождается блатной, разбойничій жаргонъ. Теряя свой языкъ, человѣкъ теряетъ свою душу. Превосходство человѣка надъ животнымъ заключается не только въ томъ, что Творецъ даровалъ ему сознаніе, но и въ томъ, что человѣкъ обладаетъ даромъ Слова и что это Слово выражаетъ его мысль. Безгласной твари Господь слово не далъ. Но далъ Онъ его человѣку, которому надлежитъ свято хранить его.

Въ древнія времена, по словамъ Гумилева, «солнце останавливали Словомъ, Словомъ разрушали города». Слово — Глаголъ — Логосъ — три единозвучныхъ слова, величіе которыхъ заставляетъ трепетать наше сердце отъ священнаго восторга.

«Поэты берутся не откуда нибудь изъ за моря, но исходятъ изъ своего народа» — говоритъ Гоголь въ своей статьѣ «Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность». «Это огни, изъ него излетѣвшіе, передовые вѣстники его. Сверхъ того поэты наши сдѣлали добро ужъ тѣмъ, что разнесли благозвучіе, дотолѣ небывалое. Не знаю, въ какой другой литературѣ показали стихотворцы такое безконечное разнообразіе оттѣнковъ звука, чему отчасти, разумѣется, способствовалъ самъ поэтическій языкъ нашъ. У каждаго свой стихъ и свой особенный звонъ. Этотъ металлическій, бронзовый стихъ Державина, котораго до сихъ поръ не можетъ еще позабыть наше ухо: этотъ густой, какъ смола или струя столѣтняго токая, стихъ Пушкина: этотъ сіяющій, праздничный стихъ языка, влетающій какъ лучъ въ душу, весь сотканный изъ свѣта: этотъ облитый ароматомъ полудня стихъ Батюшкова, сладостный какъ медъ изъ горнаго улья: этот легкій воздушный стихъ Жуковскаго, порхающій какъ неясный звукъ Эоловой арфы : этотъ тяжелый, какъ бы влачащійся по землѣ стихъ Вяземскаго, проникнутый подчасъ ѣдкою, щемлящею русскою грустью, — всѣ они точно разнозвонные колокола или безчисленныя клавиши великолѣпнаго органа, разнесли благозвучіе по русской землѣ».

Для Пушкина поэтъ является пророкомъ, которого огненный Серафимъ однимъ прикосновеніемъ своимъ пробуждаетъ духовное зрѣніе и слухъ, и вырываетъ его грѣшный языкъ и сердце, замѣняя ихъ жаломъ мудрой змѣи и углемъ пылающимъ. Устами Всевышняго поэтъ восклицаетъ :

«Возстань пророкъ, и вождь и внемли
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли
Глаголомъ жги сердца людей».

Чувство отвѣтственности передъ Словомъ жило въ душѣ каждаго изъ нашихъ великихъ поэтовъ и писателей, но ни въ одномъ изъ нихъ не горѣло оно такимъ яркимъ пламенемъ, какъ въ душѣ Пушкина. «Никто изъ нашихъ поэтовъ не былъ такъ скупъ на слова и выраженія, какъ Пушкинъ», — утверждаетъ Гоголь — «такъ не смотритъ осторожно за самимъ собой, чтобы не сказать неумѣреннаго и лишняго, пугаясь приторности — и того и другого».

«Поэзія была для него святыней — точно какой то храмъ. Не входилъ онъ туда неопрятный и неприбранный».

Нельзя не вспомнить здѣсь прекрасное стихотвореніе В. Горянскаго, появившееся въ мартовскомъ номерѣ журнала «Возрожденіе» подъ заглавіемъ «Обращеніе къ поэтамъ» :

«Верните Слову благочестье:
Пусть будетъ каждое изъ нихъ
Какъ бы небесное предвѣстье.
И думъ иныхъ, и чувствъ иныхъ.

Одежды пышныя верните
И ходъ торжественный словамъ,
И по достоинству хвалите
Красу, открывшуюся вамъ.

Пусть уподобленно литаврамъ
Слова поэзіи звучатъ,
Благоухаютъ сельскимъ лавромъ
И свѣтъ заутренній лучатъ...

Не подвергайте укоризнѣ
Избранье строгое свое —
Слова предшествовали жизни
И унаслѣдуютъ ее.

Такъ пріобщайтесь же словами :
Минуя гробовую сѣнь,
Они предстанутъ передъ нами
Въ послѣдній незакатный день».

Христосъ — воплощенное Слово.

Служить Ему — значитъ служить Слову, святому, правдивому, неискаженному ложью.

Это знали наши великіе русскіе поэты, въ душахъ которыхъ жила высокая поэзія литургическихъ пѣснопѣній и молитвъ. И вылилалась она у величайшаго изъ нихъ, у Пушкина, въ удивительныхъ по красотѣ и строгости строкахъ переложенной на стихи великопостной молитвы Ефрема Сирина :

«Отцы пустынники и жены непорочны».

Можно смѣло утверждать, что ни на какомъ иномъ языкѣ начальныя слова Евангелія отъ Іоанна не звучатъ съ такой силой и полнотой, какъ звучатъ они на нашемъ родномъ языкѣ :

Въ началѣ было Слово
И Слово было у Бога,
И Слово было Богъ.

Эти мощные торжественные Глаголы — словно удары золотого колокола.

Въ нихъ доминируетъ солнечное О, такъ же, какъ въ побѣдномъ имени Христосъ.

Солнце правды — Христосъ, творческое Слово котораго должно отражаться въ нашемъ человѣческомъ словѣ. — И чѣмъ больше это наше земное слово будетъ стараться походить на Его вѣчный Глаголъ, тѣмъ ближе будемъ подходить мы къ истинной Соборности, въ которой заключается миссія славянской души.

Мнѣ кажется, что ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не съумѣлъ выразить это чаяніе великой грядущей эпохи «братской любви» съ такимъ чувствомъ и такой убѣдительностью, какъ Вячеславъ Ивановъ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи «Пасхальная Свѣча» :

«Пусть голодъ плѣнницъ душъ неутолимъ,
Все жъ ночью вешней колоколъ пасхальный,
Какъ бѣлый лучъ въ тюрьмѣ сердецъ страдальной
Затеплитъ Новый Іерусалимъ.

И вновь на мигъ подвигнутся сердца
И трепетно соприкоснутся свѣчи
Огнепричастьемъ богоносной встрѣчи.
И вспыхнетъ сокровенное далече
На лицахъ отсвѣтомъ Единаго лица».

«Верните Слову благочестье» — говоримъ мы вмѣстѣ съ Горянскимъ нашимъ братьямъ на далекой родинѣ.

Отбросьте гнилые, лживые, мертвые слова, присущія кривдѣ, завладѣвшей русской землей. Станьте вновь служителями Слова, Христа Воскресшаго !

Г. Ефимова

ИЗЪ «ПАМЯТКИ»
ЗАСОРЕНІЕ ИНОСТРАННЫМИ СЛОВАМИ

(Продолженіе)

Быть можетъ еще хуже, когда ненужное иностранное слово замѣняетъ собою не одно, а нѣсколько русскихъ словъ, что при богатствѣ русскаго языка случается даже и не рѣдко. Такъ, напримѣръ, часто употребляемое русскими французское слово «резонъ» означаетъ одновременно и разсудокъ, и разумъ. Въ выраженіи «Онъ не слушаетъ никакихъ резоновъ» — это слово становится на мѣсто русскихъ словъ, «доводовъ» или «объясненій». Въ выраженіи «Онъ говоритъ резонно» — это же слово, но уже въ видѣ нарѣчія, становится на мѣсто нашихъ «обоснованно», «правильно», «дѣльно», «дѣло». Французское слово «результатъ» вытѣсняетъ собою два русскихъ слова, имѣющихъ каждое свое особое значеніе : «итогъ» и «послѣдствіе». Слово «фиксировать» замѣняетъ собою наши слова «закрѣплять» и «сосредоточить»: «инспирировать» — замѣняетъ слова «вдохновлять—, «подстрекать», «внушать»: «проблема» — «задача» и « вопросъ».

Очевидно, что употребленіе этихъ и имъ подобныхъ словъ только обезцвѣчиваетъ, обезличиваетъ русскій языкъ, ставя одно безликое, чужеродное слово, на мѣсто двухъ, трехъ чисто русскихъ, имѣющихъ каждое свое собственное, особое значеніе. Внѣдреніе такихъ иностранныхъ словъ въ русскую рѣчь явно знаменуетъ собою не обогащеніе, а, наоборотъ, искусственное обѣдненіе ея.

Впрочемъ нерѣдко случается, что употребляемое въ русской рѣчи иностранное слово въ однихъ случаяхъ, когда оно вы-

ражаетъ какой-либо непередаваемый оттѣнокъ мысли, вполнѣ и допустимо и желательно, тогда какъ въ другихъ случаяхъ, когда это же слово употреблено вмѣсто точно ему отвѣчающаго русскаго слова, — оно является лишнимъ и не желательнымъ. Такъ, напримѣръ, слово «проблема» часто употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ слово «задача». Говорятъ : «Онъ рѣшалъ шахматную проблему». Въ такомъ случаѣ употребленіе этого иностранного слова не нужно и не желательно. Но когда, напримѣръ, хотятъ отвѣтить, что данный вопросъ очень серьезенъ, сложенъ и труденъ рѣшеніемъ, то говорятъ о «проблемѣ» : «Передъ обществомъ стояла сложная проблема». Въ подобномъ случаѣ это же иностранное слово можетъ оказаться вполнѣ допустимымъ, и употребленіе его вполнѣ оправданнымъ.

Особо хочется оговорить укоренившіяся неправильныя, невѣрныя примѣненія нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ. Напримѣръ, слово «масса» имѣетъ вполнѣ опредѣленное въ физикѣ значеніе. Масса какого либо тѣла — это количество заключающагося въ немъ вещества.

Между тѣмъ это же слово весьма часто употребляется взамѣнъ слова «много». Такія выраженія, как «собралась масса людей», «у насъ еще масса времени» и т. п. явно неправильны и ихъ надлежитъ избѣгать.

Часто приходится слышать выраженіе «будировать» въ смыслѣ «мутить», «подстрекать», «возстановлять противъ», «возмущать». «Онъ ихъ будируетъ противъ меня» и т .п. Это невѣрно. Французское слово «bouder» означаетъ «дуться», «сердиться». Это глаголъ возвратный, и онъ никакъ не можетъ быть употребляемъ съ прямымъ дополненіемъ (будировать кого нибудь). Поэтому допустимо еще сказать : «Онъ обиженъ и будируетъ», но вовсе неправильно говорить : «Онъ обиженъ, и его будируютъ противъ насъ». Но, конечно, лучше избѣгать это ненужное намъ иностранное слово, ибо оно вовсе не является для насъ необходимымъ.

Отчасти къ этого же рода неправильностямъ относится многими употребляемое выраженіе — «Чувствовать себя не въ своей тарелкѣ». Само по себѣ это сочетаніе словъ довольно безсмысленно, и выраженіе это происходитъ отъ невѣрнаго (въ шутку или по невѣжеству) перевода французскаго выраженія «Чувствовать себя не въ своемъ положеніи», такъ какъ слово «assiette» означаетъ не только «тарелка», но и «положеніе».

Неправильно употребляютъ многіе и слово «пара». Пара это двѣ сходныя единицы, вмѣстѣ составляющія нѣчто цѣлое. Напримѣръ : «Пара сапогъ», «Пара носковъ», «Дѣти шли парами». Неправильно употреблять это слово вмѣсто числительнаго «два», когда эти два предмета или понятія вовсе не парны. Такъ, неправильно говорить — «на пару словъ», «я провелъ тамъ пару дней», «онъ прислалъ пару строкъ» и т. п.

Очень многими употребляется слово «ликвидировать» въ разнообразныхъ смыслахъ — «уничтожить», «исчерпать», «побѣдить». Это и неправильно и ненужно. Французское слово «liquider» означаетъ «дѣлать жидкимъ» отъ «le liquide» — «жидкость», «текучее». Слово это вошло въ обиходъ бухгалтерскаго языка : «ликвидируютъ предпріятія», бываютъ «ликвидаціонныя комиссіи». Но очень нехорошо говорить : — «Шахматистъ ликвидировалъ своего противника», и еще хуже звучитъ — «я его ликвиднулъ».

Выше были приведены, такъ сказать, общерусскія злоупотребленія иностранными словами. Но теперь среди бѣженцевъ русскихъ страшнымъ зломъ является все усиливающаяся привычка обильно вставлять въ русскую рѣчь слова мѣстнаго нерусскаго языка. Этотъ смѣшанный русско-французскій, русско-нѣмецкій, русско-англійскій языкъ простителенъ развѣ не образованнымъ, полуграмотнымъ русскимъ, длительно живущимъ среди нерусскихъ. Въ устахъ же другихъ это звучитъ грубымъ неуваженіемъ къ своему родному языку, къ своей національности.

(Продолженіе слѣдуетъ)

О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ИЗДАТЕЛЬСТВѢ И О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

Странное заглавіе ! Какъ будто противопоставленіе Государственнаго издательства русскому языку !

Не иначе какъ злопыхательство эмигрантовъ, готовыхъ обвинить совѣтскую власть во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ и даже въ посягательствѣ на нашу національную святыню, на нашъ великолѣпный русскій языкъ.

Не совѣтская ли власть печатаетъ въ милліонахъ экземпляровъ (то, что она называетъ «массовыми серіями») произведенія нашихъ классиковъ ? Не она ли предоставляетъ ихъ читателю по всѣмъ доступнымъ цѣнамъ ? Не способствуетъ ли она этимъ повышенію культурности рядового совѣтскаго гражданина ? Не переиздала ли она для этой последней цѣли не только Пушкина, Тургенева, Гоголя, но даже, страшно сказать, Достоевскаго съ его «Бѣсами», романомъ, являвшимся если не явно, то тайно запрещеннымъ и, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, не доходившимъ до совѣтскаго читателя ?

Да, все это такъ. Но нельзя же забывать, что кромѣ издателя существуютъ еще и авторъ, и русскій языкъ, и русская литература — всѣ одинаково заинтересованные въ болѣе или менѣе пріемлемомъ опубликованіи авторскихъ трудовъ. И если въ этихъ милліонахъ экземпляровъ, въ этихъ «массовыхъ серіяхъ»

преподносится читателю не русскій языкъ, а злостная каррикатура на него, то не является ли и преступленіе это въ милліонъ разъ болѣе тяжкимъ ?

Вотъ передъ нами книжка въ 150 страницъ «А. С. Пушкинъ. Избранныя драматическія произведенія», прекрасно изданная, на хорошей бумагѣ, съ красивымъ цвѣтнымъ изображеніемъ царя Бориса на обложкѣ. Въ Парижѣ ее можно получить за 32 франка, т. е. дешевле русской газеты. Это «массовая серія», это «Государственное издательство художественной литературы». Тиражъ 750 тысячъ.

Откройте 93-ью страницу на монологѣ «Скупого рыцаря», являющемся одной изъ лучшихъ драгоцѣнностей русскаго языка и русской литературы. Вы прочтете тамъ строки 11—14 :

«Укравъ ключи у трупа моего
Он сундуки со смѣхомъ отопретъ.
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы».

Вотъ оскорбленіе, нанесенное Государственнымъ издательствомъ Александру Сергѣевичу Пушкину, руской литературѣ, русскому читателю и, чувствительнѣе всего, русскому языку.

Страницы 119—120 «Каменнаго гостя»:

«Съ данной Анной
Вы говорили ? Можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласкового слова».

Объ иныхъ мелочахъ въ томъ же родѣ, какъ, напримѣръ, превращеніи «скрипки» въ «скрыпку», «скрипача» въ «скрыпача» и т. п. не стоитъ говорить.

Такъ преподносятся читателю произведенія А. С. Пушкина по всѣмъ доступной цѣнѣ въ количествѣ сотенъ тысячъ экземпляровъ издательствомъ, имѣющимъ наглость именовать себя «Государственнымъ».

Какъ защитить русскій языкъ отъ совѣтскихъ наборщиковъ, корректоровъ и редакторовъ ?

не-Красовъ.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ
(Сообщено Юл. Ал. Кутыриной)
ПАСТУШЬЯ МОЛИТВА
Архангельск. губ.

Омоюсь росою, утрусь свѣтлою зарею, опояшусь облаками, утычусь частыми звѣздами, возьму березову вичку, встану благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, отъ воротъ къ воротамъ, путемъ и дорогою, выйду во чисто поле, на сильный вѣтеръ, на легкій воздухъ, подъ восточну сторону.

И есть подъ восточной стороной лѣстница златая отъ земли до небеси. Исходитъ той лѣстницей сама Мать Божья ко мнѣ на пособь и на помощь, мнѣ ограждаетъ она, — Пречиста Богородица Своей Нетлѣнной Ризою и на путь провожаетъ со скотомъ моимъ, съ милымъ любимымъ христьянскимъ животомъ, съ коннымъ и съ коровьимъ, съ овчимъ и съ свинымъ, чернымъ, бѣлымъ, краснымъ, чернопестрымъ, бѣлопестрымъ и красноперстнымъ. Укрываетъ меня мати Божья Своею нетлѣнною Ризою, небомъ и Землею-Матерью и въ день и въ нощь отъ весны и дс осени, отъ вешняго цвѣту и до бѣлого снѣгу.

И ограждаетъ милый любимый мой пастуший скотъ отъ всякаго врага и супостата, отъ опрокидня, отъ колдуна и вѣдуницы, отъ черного медвѣдя и бурого, отъ сѣрого волка долгохвостого и волчицы и хорька, и рыскуши и росомахи, и отъ змія и отъ скорпія. Отъ порчи и нечистого духа, и отъ повѣтрія и падежу отъ вѣтра и отъ вихоря ! Отъ семи вѣтровъ и 70 полувѣтровъ, отъ 7 вихорей и 77 полувихорей. — И какъ мураши расходятся по чисту полю по зелену луги и въ ночи собираются въ свое муравьище. — Какъ рѣки стекаются во Окиянъ-море, съ толкучихъ горъ, съ дремучихъ лѣсовъ, отъ мховъ и болотъ, так бы мой милый животъ, хрисьянский скотъ ко мнѣ бы сходилъ и со мной по домамъ раходился. Кладу я свои слова скотинѣ своей въ мѣсто нутрено, серчево, здохова, костно, зажильно, зашерстно, закопытно, а ключъ кидаю за быстры рѣки, за круты горы, за темны лѣса въ Киян-море. Аминь.

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

Въ своей статьѣ «Закатъ надъ Петербургомъ» («Возрожденіе», Май-Іюнь 1953 г.) онъ писалъ :

«Изъ всѣхъ поэтовъ жива только блиставшая въ Петербургѣ Анна Ахматова и когда то гулявшій въ нем — я...

Да, какъ это ни грустно и ни странно — я послѣдній изъ петербургскихъ поэтовъ, еще продолжающій гулять по этой становящейся все болѣе и болѣе неуютной и негостепріимной землѣ.

Впрочемъ, если бы она и не была такъ негостепріимна и неуютна, врядъ ли что нибудь существенно измѣнилось бы для меня безъ Петербурга, внѣ Петербурга :

Быть можетъ, города другіе и прекрасны,
Но что они для насъ? Намъ не забыть, увы,
Какъ были счастливы, какъ были мы несчастны
Въ волшебномъ городѣ на берегу Невы...

26-го Августа 1958 года умеръ во Франціи русскій поэтъ Георгій Ивановъ.

Н. М.

ИЗЪ ПИСЬМА

Читая «Русскую Рѣчь» такъ радостно и пріятно видѣть изящныя і, солидныя концовки ъ, съ достоинствомъ возвышающіяся ѣ и вообще дѣйствительно русскую печать, дышащую широтою, богатствомъ, щедростью и красотою. И такъ непріятно послѣ нея читать «по новому правописанію», — куцому, выхолощенному, похамски упрощенному.

Съ искренней симпатіей и глубокимъ уваженіемъ **И. Суздальцевъ**

СЛОВА, УРОДУЮЩІЯ РУССКУЮ РѢЧЬ

Въ отвѣтъ на нашу просьбу сообщать подобныя слова, получено нѣсколько указаній. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Остальныя будутъ помѣщены въ дальнѣйшихъ номерахъ.

Вотъ слова, уродующія русскую рѣчь въ Америкѣ :

«Вежетабли» — овощи, «лоты» — земельные участки, «апартманъ» — квартира, «гросеръ» — бакалейщикъ, «бучеръ» — мясникъ, «маркетъ» — рынокъ, «джабъ» — работа или служба, «пэйнтеръ» — маляръ, «лондри» — бѣлье или прачешная, «такса» — налогъ, «иншуренсъ» — страховка, «сторъ» — лавка, «бильднигъ» — зданіе, «сэйлъ» — распродажа, «собвей» — подземная дорога, «гарбаджъ» — мусоръ, «тэйлоръ» — портной, «киднапингъ» — похищеніе.

УСТАВЪ СОЮЗА

Въ виду поступающихъ въ редакцію запросовъ о правилахъ для вступленія въ число членовъ Союза для защиты чистоты русскаго языка сообщаемъ, что въ числѣ постановленій, вынесенныхъ на организаціонныхъ собраніяхъ Союза 16-го октября и 12-го ноября 1955 г. были слѣдующія :

Постановленіе о созданіи этого Союза, имѣющаго уже однимъ своимъ существованіемъ прервать молчаніе, царившее до сихъ поръ вокругъ совѣтскихъ и эмигрантскихъ искаженій русскаго языка, равно какъ вокругъ изорудованія его, причиняемаго новой орфографіей.

Постановленіе о пріемѣ въ число членовъ Союза всѣхъ, сочувствующихъ цѣлямъ его. Само собой разумѣется, что коммунисты, какъ работающіе на разрушеніе всего національно-русскаго, членами Союза состоять не могутъ.

Установленіе минимальнаго членскаго взноса 50 фр. въ мѣсяцъ. Желательно, чтобы лица, имѣющіе возможность увеличить свой членскій взносъ, сами установили бы его размѣръ или платили бы однимъ взносомъ за нѣсколько мѣсяцевъ.

Учрежденіе издательскаго фонда для печатанія по старому правописанію трудовъ авторовъ, состоящихъ членами Союза. Лица внесшія въ кассу фонда минимально одну тысячу франковъ, получаютъ: а) безплатно очередную изданную книгу, въ расходахъ на изданіе которой они своимъ взносомъ участвовали, б) возвратъ внесенной ими суммы после покрытія издательскихъ расходовъ. Желательно, чтобы лица, имѣющія возможность сдѣлать большій взносъ, сами установили его размѣръ.

——0——

Уставъ Союза, утвержденный постановленіемъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ 21-го Апрѣля 1958 г. (Ж. Оф. 25-го Мая 1958 г.), подтверждая изложенныя выше правила, даетъ Союзу право организовывать конференціи, спектакли, издавать журналы, книги и т. п.

Корреспонденцію всякаго рода по дѣламъ Союза адресовать :

N. MAYER (Association russe)
28, rue Serpente, Paris VIe.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

Въ защиту слова «бойцы» (см. № 2 «Русской Рѣчи») получены три письма съ указаніями, что Пушкинъ, Лермонтовъ, Аксаковъ пользовались имъ въ своихъ произведеніяхъ. Корреспонденты упускаютъ изъ виду, что «удалой боецъ» Лермонтова существовалъ въ ту эпоху, когда существовали и кулачные бои, давно уже забытые: что Пушкинъ пользуется словомъ «бойцы» въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ придать этому понятію героическій оттѣнокъ. Слово «боецъ» у нихъ законно, правдиво и красочно. Но вѣдь дѣло идетъ о современности, о томъ, что с е й ч а с ъ называть «бойцами» солдатъ русской арміи въ обыденной рѣчи, когда ни на какой героизмъ даже и не намекается, — неумѣстно. Неужели не оскорбляетъ Вашъ слухъ, когда Вы слышите или читаете фразы, подобныя слѣдующимъ : «Боецъ попросилъ у меня папиросу», «Боецъ сидѣлъ на скамьѣ» ? Неужели не слышится Вамъ въ нихъ самая пошлая совѣтчина ?

А. Крылову. Бельгія. Деньги получены. Новый адресъ отмѣченъ. Слово «стройка» было въ ходу и раньше.

С. Леонидову. Бруклинъ. Деньги получены. Спасибо за адреса, пошлемъ вмѣстѣ съ № 3. Присылайте матеріалъ. По содержанію, видимо, подходитъ, но... по размѣру ?

А. Бирюкову. Онтаріо. Интересное письмо. Пишите дальше. Размѣры «Русской Рѣчи» не позволяютъ вступать въ споръ.

Н. Потемкину. Люксембургъ. Переводъ полученъ. Съ 1-го октября вы числитесь членомъ Союза.

КЪ СВѢДѢНІЮ

Редакція «Русской Рѣчи» принимаетъ для разсмотрѣнія труды лицъ, состоящихъ членами Союза, написанныя по русскому правописанію.

Пріемъ по дѣламъ редакціи и конторы — въ дни собраній Союза отъ 2 до 4 ч. въ залѣ собраній. Адресъ редакціи и конторы для корреспонденціи всякаго рода :

N. MAYER (Association russe)
28, rue Serpente, Paris VI.

Распространители русскихъ печатныхъ изданiй во Францiи и внѣ ея приглашаются заявить конторѣ «Русской Рѣчи» о желанiи своемъ быть ея представителями.

Годовой подпиской считается подписка на четыре ближайшихъ номера газеты. Отдѣльный номеръ — 100 фр., подписка — 350 фр. или равныя суммы въ иностранныхъ валютахъ.

Участники Издательскаго Фонда Союза получаютъ безплатно по одному экземпляру каждаго труда, изданнаго Союзомъ послѣ вступленiя ихъ въ число участниковъ фонда.

Выписки, заимствованныя изъ другихъ органовъ печати, воспроизводятся въ «Русской Рѣчи» по русскому правописанiю, какъ бы ни были они напечатаны въ подлинникахъ.

Союзомъ издано открытое письмо съ портретомъ А. С. Пушкина. Цѣна — 35 фр., для членовъ Союза и перепродавцевъ — 25 фр.

Очередное собранiе Союза состоится въ воскресенье 12-го Октября отъ 4 до 6 ч., въ залѣ «В» (2-ой этажъ), «Сосiете Савант» — 28, рю Серпантъ, метро Одеонъ. Программа: «По слѣдамъ Донъ-Кихота», впечатлѣнiя отъ поѣздки въ Испанiю Г. Ефимовой, «Георгiй Ивановъ въ его Петербургскихъ зимахъ», докладъ Н. Майера. Текущiя дѣла.

Входъ свободный и безплатный.

Тамъ же отъ 2 до 4 ч. прiемъ по дѣламъ редакцiи и конторы «Русской Рѣчи».

ОБЪЯВЛЕНIЯ

Всѣ объявленiя печатаются по русскому правописанiю.

Объявленiя не свыше трехъ строчекъ лицъ, состоящихъ членами Союза печатаются безплатно.

——0——

Покупаю русскiя книги старыхъ изданiй. Писать въ адресъ редакцiи для N. 1.

—0—

Уроки русскаго и англiйского яз. Писать **Mme OLGA, 255, Av. Daumesnil, Paris.**

ПРОДАЮТСЯ

Романсы и пѣсни Аренскаго, Балакирева, Бородина, Даргомыжскаго и др. Писать на адресъ редакцiи для № 3.

Imprimerie S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant

Journal trimestriel

LA PAROLE RUSSE

Directeur N. MAYER

Союзъ для защиты чистоты русскаго языка

28, rue Serpente (Sociétés Savantes), Paris VI.

N° 4 — 1959 — JANVIER, FEVRIER, MARS — 1959 — N° 4

Защита чистоты русскаго языка не реакція, не проповѣдь неизмѣняемости однажды принятыхъ формъ, не противодѣйствіе органическому развитію русскаго слова. Она противодѣйствуетъ внѣдренію въ русскую рѣчь большевицкаго жаргона, эмигрантскихъ заимствованій и ничѣмъ необоснованныхъ претенціозныхъ искаженій.

Противъ теченія

Каждая эмиграція (въ смыслѣ совокупности эмигрантовъ) есть сообщество людей, плывущихъ противъ теченія. Какія бы ни существовали разногласія въ ихъ средѣ, всѣ эти люди связаны одной идеей, идеей основной, идеей нетерпимости къ тому теченію, по которому плывутъ всѣ оставшіеся на ихъ родинѣ. Эта идея лежитъ въ основѣ ихъ эмигрантскаго существованія, освѣщаетъ и освящаетъ смыслъ ихъ жизни, руководитъ ихъ мыслями, чувствами и поступками, хотятъ они этого или не хотятъ.

Идея эта временна, какъ и все временно въ этомъ мірѣ. Долго ли, коротко ли, но неизбѣжно произойдутъ событія, которыя уничтожатъ причины, родившія русскую эмиграцію. Она перестанетъ существовать въ тотъ моментъ, когда русскимъ людямъ, живущимъ внѣ предѣловъ ихъ родины, не нужнымъ уже окажется плыть противъ теченія; когда они не грѣша противъ совѣсти, не ломая своихъ представленій о нормальной жизни гражданина въ томъ государствѣ, частью котораго онъ является, но съ чистымъ сердцемъ и съ надеждами, которымъ ничто не будетъ мѣшать оправдаться, получатъ возможность вновь слиться со своимъ народомъ и поплыть вмѣстѣ

съ нимъ по новому теченію, пришедшему на смѣну тому, отъ котораго они ушли.

До этого дня будемъ же плыть противъ теченія, сохраняя все то прекрасное, что унесли мы съ собою изъ нашей родины въ чужіе края. Завѣщаемъ нашимъ дѣтямъ, чтобы если не мы, то они возвратили бы ей все то, что было сохранено нами, все то, въ чемъ и она будетъ вновь нуждаться послѣ своего возрожденія. А до того времени, чтобы если не мы, то они слѣдовали бы совѣту, данному графомъ Алексѣемъ Константиновичемъ Толстымъ въ его стихотвореніи того же наименованія «Противъ теченія», которое и приводимъ здѣсь цѣликомъ.

1.

Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный:
«Сдайтесь, пѣвцы и художники ! Кстати ли
«Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный ?
«Много ли васъ остается, мечтатели ?
«Сдайтеся натиску новаго времени !
«Міръ отрезвился, прошли увлеченія —
«Гдѣ жъ устоять вамъ, отжившему племени,
«Противъ теченія ?»

2.

Други, не вѣрьте ! Все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя !
Правда все та же ! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите во имя прекраснаго
Противъ теченія !

3.

Вспомните : въ дни Византіи разслабленной
Въ приступахъ ярыхъ на божьи обители,
Дерзко ругаясь святынѣ награбленной,
Такъ же кричали иконъ истребители :
«Кто воспротивится нашему множеству ?
«Міръ обновили мы силой мышленія —
«Гдѣ-жъ побѣжденному спорить художеству
«Противъ теченія ?»

4.

Въ оные жъ дни, послѣ казни Спасителя,
Въ дни, какъ апостолы шли, вдохновенные,
Шли проповѣдывать слова Учителя,
Книжники такъ говорили надменные :
«Распятъ мятежникъ ! нѣтъ проку въ осмѣянномъ,
«Всѣмъ ненавистномъ, безумномъ ученіи !
«Имъ ли, убогимъ, идти, галилеянамъ,
«Противъ теченія ?»

5.

Други, гребите ! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею :
На-берегъ скоро мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею!
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія !

ЗНАМЕНІЕ

О Пастернакѣ написано много страницъ. Благодаря великолѣпной совѣтской рекламѣ «Доктору Живаго» значеніе этого романа возросло до размѣровъ чуть ли не мірового событія. «Русская Рѣчь», защищающая русское слово и русскую литературу, не можетъ оставить его безъ своего отклика.

Редакція

О трагедіи Пастернака много писали. Фактъ, что писатель принужденъ былъ, ввиду травли, поднятой противъ него въ совѣтской печати, отказаться отъ Нобелевской преміи, глубоко взволновалъ общественное мнѣніе. Хотя заранѣе уже было извѣстно, что всѣ протесты и воззванія ни къ чему не приведутъ, тѣмъ не менее, самые значительные представители культурнаго міра съ возмущеніемъ высказались противъ посягательства на право свободы писателя и человѣка.

Западный міръ лишній разъ могъ убѣдиться въ томъ, что отъ правительства страны, гдѣ съ человѣческой личностью, какъ съ таковой не считаются, ожидать нечего.

Можно только изумляться тому, какъ авторъ «Доктора Живаго» могъ хотя бы на мгновеніе подумать, что его трудъ напечатаютъ въ Москвѣ. Для этого слѣдовало бы уничтожить болѣе половины текста, и вычеркнуть цѣликомъ послѣднюю главу, представляющую собой духовное наслѣдіе покойнаго доктора, — состоящее изъ цѣлаго ряда стихотвореній, изъ коихъ многія являются стихами духовнаго содержанія, какъ напримѣръ : «Рождественская Звѣзда», «Страстная недѣля», «Дурные дни», «Смоковница», «Марія Магдалина», «Гефсиманскій Садъ. Говорятъ что онѣ были напечатаны въ Совѣтской Россіи. Возможно. Оторванныя отъ романа онѣ могли не вызвать неодобренія со стороны властей. Но въ рамкахъ «Доктора Живаго» онѣ пріобрѣтаютъ совершенно иной смыслъ и значеніе — и раскрываютъ тайну души Пастернака.

«Докторъ Живаго». Какая странная фамилія. Но развѣ трудно догадаться, въ чемъ тутъ дѣло ? Вѣдь читали же мы всѣ Пас-

хальное Евангеліе. Кому изъ насъ не памятны слова Ангела, обращенныя къ женамъ-муроносицамъ : «Что ищете живаго между мертвыми. Его здѣсь нѣтъ, он воскресъ». И можно ли усумниться въ смыслѣ стихотворенія подъ названіемъ «Гамлетъ», съ котораго начинается эта пресловутая послѣдняя глава.

«На меня наставленъ сумракъ ночи
тысячью биноклей на оси.
Если только можно Авва Отче,
чашу эту мимо пронеси.

Но продуманъ распорядокъ дѣйствій
и неотвратимъ конецъ пути,
Я одинъ, — все тонетъ въ фарисействѣ
Жизнь прожить — не поле перейти.

Поэтъ — какъ свободная личность одинокъ среди фарисеевъ, лизоблюдовъ и прихвостней коммунистической власти, продавшихъ живую душу свою за тридцать серебрянниковъ.

И чашу горечи пришлось таки ему выпить до дна. Не миновала она его. Не ссылка, не тюрьма, не разстрѣлъ ! Хуже : покаянное письмо. Посыпались упреки со стороны Западныхъ Защитниковъ : Какая слабость ! Какое униженіе ! Рыцарь правды и чести, — и вдругъ сдалъ, потерялъ гордость, достоинство, унизительно умоляетъ Хрущева не выселять его за предѣлы родной страны. Да, — горько это читать. Еще горше — переживать. — Сдалъ — да !

Но вѣдь мы всѣ знаемъ, что такое Совѣтская власть и каковы ея пріемы. Пожалѣемъ несчастнаго поэта. Не суди — да не судимъ будешь... Прочтемъ его стихотвореніе «Душа». Въ немъ высказано все, чѣмъ наболѣла душа писателя.

«Душа моя печальница,
О всѣхъ въ кругу моемъ,
Ты стала усыпальницей
Замученныхъ живьемъ.

Тѣла ихъ бальзамируя
И посвящая стихъ,
Рыдающего лирою
Оплакивая ихъ.

Ты въ наше время шкурное
За совѣсть и за страхъ,
Стоишь могильной урною
Покоящей ихъ прахъ.

Ихъ муки совокупныя,
Тебя склонили ницъ,
Ты пахнешь пылью трупною
Мертвецкихъ и гробницъ.

Душа моя, скудельница.
Все видѣнное здѣсь,
Перемоловъ какъ мельница,
Ты превратила въ смѣсь.

И дальше перемалывай
Все бывшее со мной,
Какъ сорокъ лѣтъ безъ малаго,
Въ погостный перегной».

То, что сдѣлалъ Пастернакъ созданіемъ своей книги въ тяжелыхъ условіяхъ совѣтской дѣйствительности — равнялся подвигу. Когда всѣ остальные писатели на службѣ у власти, — онъ одинъ осмѣливается сказать правду, бросить вызовъ не революціи какъ таковой, а нивелирующей бездарной системѣ марксизма и діалектическаго матеріализма.

«Христіанство — мистерія личности», утверждаетъ онъ. Излагая свои идеи о народѣ и о индивидуальности, онъ восклицаетъ : «да и о какомъ народѣ вообще можетъ быть рѣчь въ христіанское время !» Вѣдь это не просто народы, а обращенные, претворенные народы, и все дѣло именно въ превращеніи, а не въ вѣрности старымъ основаніямъ. Вспомнимъ Евангеліе, что оно говоритъ на эту тему ?

Во-первыхъ : то не было утвержденіемъ : такъ то молъ и такъ то. Оно было предложеніемъ наивнымъ и несмѣлымъ. Оно предлагало : «Хотите существовать по новому, какъ не бывало, хотите блаженства духа ? И всѣ приняли предложеніе, захватившее ихъ на тысячелѣтія».

Эта книга, которую Пастернакъ писалъ въ теченіи десяти лѣтъ, и которую онъ мечталъ дать русскому народу съ цѣлью наставить его на вѣрный путь, избранный этимъ народомъ съ самаго начала его сознательнаго бытія, — я подразумѣваю христіанскій путь, — съ котораго онъ сошелъ, — волей судебъ очутилась на западѣ.

Но она и тутъ имѣетъ свою миссію, а именно : довести до сознанія западнаго человѣка то, надъ чѣмъ онъ не задумывается, и чего лишенъ подсовѣтскій человѣкъ, а именно : свободы мысли, свободы творчества, свободы воли. —

Когда мы тутъ на Западѣ напримѣръ утверждаемъ, что христіанство является основой нашей культуры, или что нужно оставаться вѣрнымъ Евангелію и Христу, то для насъ это является общепринятой истиной. Тамъ же высказываніе подобныхъ идей — граничитъ съ подвижничествомъ.

Скудоуміе началось у насъ съ марксистской идеологіи. Въ то время, когда советская власть считаетъ себя столь прогрессивной и такъ гордится этимъ, Пастернакъ смотритъ на ея скудоумную идеологію и ея приверженность къ древнимъ дохристіанскимъ принципамъ — какъ на духовный регрессъ.

«Что касается понятій о жизни и философіи благоденствія, которыя стараются въ наше время насадить у насъ, говоритъ онъ, — то съ трудомъ вѣрится, что это говорится серьезно, до того это кажется очевиднымъ пережиткомъ прошлаго...

Эти восхваленія вождей и народа возвращаютъ насъ къ временамъ ветхозавѣтныхъ кочевниковъ и ихъ патріарховъ»...

Это ли не ударъ, уничтожающій цѣликомъ всю марксистскую идеологію ?

Этого кремлевскія власти простить не могли, такого человѣка надо было убрать,

уничтожить, стереть съ лица земли. Ссылка и тюрьма нынѣ не въ модѣ. Есть пріемы болѣе тонкіе, чтобы обезвредить противника, напримѣръ : заплевать, затерѣть лицо того, кто сказалъ : я не сдѣлаю ни единаго движенія, чтобы измѣнить свое лицо».

Въ свей бесѣдѣ съ нѣмецкимъ журналистомъ Гердомъ Рюгэ, поэтъ говоритъ : «прокламаціи, шумъ, гомонъ, экзальтація, все это кончено. Въ данное время мы присутствуемъ при рожденіи чего-то новаго, что растетъ молчаливо, какъ трава. Это нѣкое, что зрѣетъ незамѣтно какъ плодъ — въ дѣтяхъ.

Самое важное событіе нашего времени это то, что новая свобода готова родиться».

—0—

Да, на это мы надѣемся. Спасибо Пастернаку за эти слова.

Не извнѣ должно придти избавленіе Россіи, а изнутри, изъ самаго сердца многострадальнаго русскаго народа.

Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ писатель жилъ въ уединеніи, какъ внутренній эмигрантъ, вдали отъ общественной жизни, занимаясь переводами и прислушиваясь къ тихому росту воскресающей русской души. Свое христіанское міровоззрѣніе онъ выстрадалъ въ тяжелые годы большевизма. Оттого и стихи его, посвященные религіознымъ темамъ такъ волнуютъ душу. Недаромъ говоритъ о немъ Борисъ Зайцевъ : «Вотъ у насъ, въ свободномъ русскомъ мірѣ, въ зарубежьѣ, кто такъ мажорно, бурно и съ восторгомъ неприкрытымъ откликнулся на Евангеліе ? Труба эта раздалась въ Россіи».

Стихотвореніе «Гефсиманская ночь», которое заключаетъ послѣднюю главу романа, заканчивается словами Спасителя :

Я въ гробъ сойду и въ третій день возстану
И, какъ сплавляютъ по рѣкѣ плоты,
Ко мнѣ на судъ, какъ баржи каравана
Столѣтья поплывутъ изъ темноты.

Въ кромѣшной тьмѣ россійскаго безвременья внезапно сверкнулъ ослѣпительный лучъ. Крестъ — знаменіе вспыхнулъ въ небесахъ надъ нашей Родиной.

Іисусъ Христосъ, Царь Славы — **Н и к а**, гласитъ надпись на древнихъ русскихъ деревянныхъ крестахъ сѣвера.

Симъ побѣдиши.

Г. Ефимова

Совѣтская «драматургія»

Въ области драматическаго творчества совѣтскіе авторы не создали ничего значительнаго. Однимъ лишь «Клопомъ» Маяковскаго увлекся французскій театръ «Ателье» и готовитъ его къ постановкѣ. Да еще новостью является пополненіе совѣтскаго жаргона новымъ словечкомъ «драматургія», имѣющимъ означать совокупность драматическаго творчества совѣтскихъ авторовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если существуетъ металлургія, почему не существовать драматургіи ? Въ особенности, если принять во вниманіе, что производится она по рецепту сварки металловъ. — Столько то процентовъ одного вещества, столько другого, нужная температура въ столько то градусовъ и получается чугунъ или сталь. Въ «драматургіи» столько то процентовъ революціоннаго героизма, столько подхалимства передъ вождями, столько подлостти и тупоумія «капиталистовъ» и пьеса, удовлетворяющая совѣтскимъ требованіямъ готова.

Насколько она удовлетворяетъ совѣтскаго зрителя — вопросъ совершенно третьестепенный. Лопай что даютъ !

Но вотъ двѣ книги совѣтскихъ пьесъ дошли до насъ, эмигрантовъ, обладающихъ правомъ свободно выражать свои мнѣнія. Какъ не воспользоваться возможностью оцѣнить эту «драматургію» не съ какой либо специальной, партійной, совѣтской и т. п. точки зрѣнія ,но отправляясь отъ нормальныхъ требавній, предъявляемыхъ къ каждому произведенію нормальнаго драматическаго творчества.

Одна книга издательства «Правды» озаглавлена «Пьесы», другая государственнаго издательства «Искусство» озаглавлена «Совѣтская драматургія».

Обращаемся къ первой : восемь пьесъ восьми совѣтскихъ авторовъ. Критика каждой изъ нихъ, по всей вѣроятности, давно уже сдѣлана и насъ онѣ интересуютъ не какъ таковыя, а какъ часть нѣкоего цѣлаго, именуемаго совѣтской «драматургіей», какъ представительницы ея характерныхъ чертъ.

«Любовь Яровая» К. Тренева хочетъ представить атмосферу гражданской войны и на фонѣ ея показать разнообразные типы красныхъ и бѣлыхъ персонажей. — Предвзятость въ оцѣнкѣ дѣйствующихъ лицъ слишкомъ груба, отсутствіе объективности слишкомъ очевидно — всѣ красные хороши, всѣ бѣлые дурны. Но не въ этомъ главная бѣда, и даже не въ томъ, что слишкомъ лубочны и революціонеры, какъ напр. комиссаръ Кошкинъ или безграмотный, но стопроцентный большевикъ матросъ Швиндя и контръ-революціонеры, какъ бывшій жандармскій полковникъ Малининъ и царскій офицеръ Яровой. Бѣда въ томъ, что пьеса художественно безграмотна. Безграмотна настолько, что даже тотъ жизненный нервъ пьесы, каковымъ должна была бы быть любовь Любови Яровой къ ея мужу, совер-

шенно смазанъ различными политическими перепетіями.

Именно въ драматическихъ произведеніяхъ художественность должна стоять на первомъ мѣстѣ. Если въ романѣ или разсказѣ отсутствіе художественности можетъ быть въ какой то мѣрѣ искуплено занимательностью ли сюжета, оригинальностью ли мыслей автора, то въ драматическомъ произведеніи это отсутствіе ничѣмъ не можетъ быть замѣнено, потому что не только каждая фраза, не только каждое слово, но каждая запятая или многоточіе воплощается въ жестъ или въ мимику актера, проявляющаго такимъ образомъ ихъ художественную цѣнность передъ самымъ незаинтересованнымъ и суровымъ критикомъ — зрителемъ. Каждое ненужное, лишнее слово дѣлаетъ пьесу скучной, расхолаживаетъ зрителя. Каждый невѣрно разсчитанный словесный эфектъ рождаетъ внутреннее сопротивленіе, протестъ, разсѣивающіе обаяніе автора и его героевъ, необходимое для того, чтобы пьеса захватила и подчинила себѣ.

Идея «Любови Яровой» — прославить во что бы то ни стало революцію и посрамить контр-революцію, извинительна въ творчествѣ совѣтскаго автора, но есть въ этой пьесѣ нѣчто не извинительное, повторяющееся слишкомъ часто во всей совѣтской «драматургіи». — Не извинительно ни для кого, никогда и ни при какихъ условіяхъ отсутствіе таланта. И еще болѣе не извинительна совѣтская увѣренность въ томъ, что даже не обладая талантомъ, можно создать что либо цѣнное.

Гораздо болѣе искусный авторъ К. Симоновъ. Онъ умѣло оснащаетъ политическую тему человѣческой трагедіей. Его пьеса «Русскій вопросъ» написана для узкой цѣли показать, что СССР не хочетъ войны. Этой цѣли пьеса не достигаетъ, потому что никакихъ объективныхъ доказательствъ она не приводитъ. Все ограничивается лишь завѣреніями журналиста Смита (герой пьесы), командированнаго редакторомъ американской газеты на три мѣсяца въ СССР для того, чтобы по возвращеніи онъ написалъ книгу о томъ, какъ СССР хочетъ войны. Онъ написалъ какъ разъ обратное, на него сыплются кары и возмездія, его продаютъ съ молотка, жена уходитъ отъ него.

Понятно, желанія Симонова въ судьбѣ журналиста Смита, неугодившаго патрону и стертаго имъ съ лица земли, найти нѣкоторое самоутѣшеніе въ его печальной роли совѣтскаго драматурга. Понятно и желаніе его оправдать отсутствіе свободной прессы въ СССР, приписавъ тотъ же грѣхъ и Америкѣ, но Симоновъ забываетъ упомянуть о маленькой подробности, а именно о томъ, что въ Америкѣ журналисту, не согласному съ мнѣніями своего патрона, ничто не мѣшаетъ предложить свои услуги другому патрону, съ мнѣніями котораго онъ согласенъ, въ то время какъ въ СССР такого разнообразія въ выборѣ патроновъ не существуетъ, ибо во всѣхъ редакціяхъ, на всей территоріи СССР имѣется лишь одинъ патронъ — партія отъ котораго никуда скрыться нельзя и который въ случаѣ явнаго несогласія съ его мнѣніями не продаетъ журналиста съ молотка, а отправляетъ его въ Нарымскій Край умирать на каторжныхъ работахъ.

Такой маленькой лжи въ формѣ ли умолчаній или утвержденій, слишкомъ примитивной и слишкомъ очевидной, рождающей недовѣріе къ творчеству авторовъ, полны пьесы совѣтскихъ драматурговъ.

«Безпокойная старость» Л. Рахманова — исторія знаменитаго профессора, признавшаго съ самаго начала, въ Ноябрѣ 1917 г., совѣтскую власть и геніальность Ленина. Его герой подвергся бойкоту со стороны интеллигентовъ и былъ понятъ матросами. Пусть будетъ такъ! Но вотъ опять нѣчто, заставляющее относиться съ недовѣріемъ и къ этой пьесѣ и ко всему творчеству этого автора : послѣ долгихъ пререканій со своимъ помощникомъ о томъ, кто изъ нихъ будетъ читать докладъ матросамъ, профессоръ Полежаевъ отправляется на корабль. Для этого ему нужно добраться до Николаевскаго моста на Невѣ, сѣсть въ шлюпку, подъѣхать на ней къ кораблю, прочесть докладъ и такимъ же образомъ вернуться обратно. Онъ уходитъ и во время его отсутствія на сценѣ происходятъ разговоры, могущіе занять самое большее четверть часа или двадцать минутъ. Въ теченіе этихъ минутъ Полежаевъ успѣваетъ продѣлать два путешествія, прочесть докладъ и вновь появиться въ своей квартирѣ. При всей снисходительности повѣрить такой быстротѣ невозможно. Можетъ быть это и мелочь, но она показываетъ насколько не серьезно отношеніе этого автора къ своему творчеству. Рождается впечатлѣніе, что пьеса изображаетъ не реальную жизнь, а придуманную, нужную автору для того, чтобы привести пьесу къ желательному для него окончанію, но непріемлемую для зрителя.

«Нашествіе» Л. Леонова. — Маленькій городокъ подъ нѣмецкой оккупаціей. Звѣрскій комендантъ Шпурре, героическій Колесниковъ и молодой человѣкъ Ѳедя, безпутный и чахоточный, принятый нѣмцами за Колесникова и позволяющій имъ его повѣсить вмѣсто настоящаго Колесникова.

«Человѣкъ съ ружьемъ» Н. Погодина. — Этотъ человѣкъ, Иванъ Шабринъ солдатъ, сперва въ окопахъ, а потомъ въ Смольномъ, въ Петроградѣ, разворачивающійся въ правовѣрнаго большевика.

«Слава» В. Гусева. — Пьеса въ стихахъ. — Для того, чтобы писать пьесу въ стихахъ нужно прежде всего умѣть писать стихи. Что сказать объ авторѣ, не имѣющемъ ни малѣйшаго представленія о роли и значеніи размѣра въ стихотвореніи ? Почти каждая строфа грѣшитъ противъ такового. Въ остальномъ все благополучно, имѣется партійный герой, подхалимство, совѣтскій энтузіазмъ.

Эти три послѣднія пьесы составлены по всѣмъ правиламъ «драматургіи», но какъ ни

стараются авторы заинтересовать читателя идейными переживаніями своихъ героевъ, ихъ усилія остаются безплодными и пьесы ничѣмъ не нарушаютъ скучное однообразіе совѣтской продукціи.

«Броненосецъ 14-69» Вс. Иванова. — Возстанія дальневосточныхъ крестьянъ противъ бѣлогвардѣйцевъ, японцевъ и американцевъ — совершенно сумбурная галиматія и это все что можно сказать объ этой пьесѣ.

И, наконецъ, настоящій перлъ «драматургіи» — «Интервенція» Л. Славина. Нѣчто до такой степени низкопробное, что говорить объ этой пьесѣ нельзя безъ отвращенія. Вотъ, напримѣръ, какъ авторъ представляетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ : «Мадам Ксидіасъ — негоціантка ,одѣтая въ черный шелкъ и золото». Въ представленіи людей извѣстнаго сорта «капиталисты», конечно, не могутъ быть одѣтыми иначе, какъ въ шелка и въ золото. Пьеса пестритъ прелестями солдатско-матросскаго жаргона, среди которыхъ такія какъ «шибздикъ», «дерьмо» не являются самыми выразительными, имѣются еще болѣе гнусныя. При всемъ профессіональномъ самоотверженіи критику не хватаетъ силъ ворошить до конца эту кучу словеснаго навоза.

Нужно ли продолжать это путешествіе по галлереѣ совѣтскихъ драматическихъ произведеній ? — Полагаемъ, что нѣтъ. Опредѣленіе всей «драматургіи» напрашивается само собой. Лучше всего оно выражено словами одной маленькой дѣвочки, такъ говорившей о своей фарфоровой куклѣ : «Эта дѣвочка не взаправдошная, а нарочно». Такъ и произведенія совѣтскихъ драматурговъ показываютъ не взаправдошную жизнь, а состряпанную «нарочно».

Почему ? — Да потому что первоисточники истиннаго творчества находятся въ той области, входъ въ которую совѣтскимъ авторамъ воспрещенъ, въ той таинственной области человѣческаго существа, гдѣ зарождается сама идея того или иного созиданія. Въ любомъ творчествѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ идея и затѣмъ уже слѣдуетъ ее оформленіе. Творецъ выбираетъ ее въ размѣръ своего таланта и въ этомъ выборѣ онъ долженъ быть совершенно свободнымъ.

Почемъ знать ? — Можетъ быть Симоновъ или Рахмановъ, не плохо изобразившій своего профессора Полежаева и могли бы дать нѣчто цѣнное въ условіяхъ творческой свободы. Увы ! вмѣсто того, чтобы работать надъ свободно избранными темами, они принуждены жевать безвкусную жвачку о томъ, какъ СССР не хочетъ войны или о томъ, какъ матросы почитаютъ культуру. СССР не нуждается въ подлинномъ драматическомъ творчествѣ, его запросы въ полной мѣрѣ удовлетворяются «драматургіей».

Н. Майеръ

Русская народная поэзія

СВЯТОГОРЪ-БОГАТЫРЬ

Выѣзжалъ ли Святогоръ гулять въ чисто поле,
Никого-то Святогоръ онъ не нахаживалъ,
Съ кѣмъ бы силой богатырскою помѣряться;
А самъ чуетъ въ себѣ силу онъ великую,
Чуетъ — живчикомъ по жилкамъ разливается,
Грузно съ силы Святогору, какъ отъ бремени.
И промолвилъ Святогоръ свѣтъ похваляючись :
«По моей ли да по силѣ богатырской
Кабъ державу мнѣ найти, всю землю поднялъ бы».
Со тѣхъ словъ увидѣлъ Святогоръ прохожаго,
Сдалека въ степи идетъ прохожій съ сумочкой,
И поѣхалъ Святогоръ къ тому прохожему.
Ѣдетъ рысью, все прохожій идетъ передомъ, —
Во всю прыть не можетъ онъ догнать прохожаго.
Закричалъ тутъ Святогоръ да громкимъ голосомъ :
«Гой, прохожій человѣкъ, пожди немножечко,
«Не могу догнать тебя я на добромъ конѣ».
Сдалека прохожій Святогора слушался,
Становился, съ плечъ на землю бросалъ сумочку.
Наѣзжаетъ Святогоръ на эту сумочку,
Своей плеточкой онъ сумочку пощупывалъ, —
Какъ урослая та сумочка не тронется.
Святогоръ съ коня перстомъ ее потрогивалъ, —
Не сворохнется та сумка ,не шевельнется.
Святогоръ съ коня хваталъ рукой, потягивалъ. —
Какъ урослая та сумка не поднимется.
Слѣзъ съ коня тутъ Святогоръ, взялся за сумочку,
Онъ приладился, взялся руками обѣими,
Во всю силу богатырскую принатужился, —
Отъ натуги по бѣлу лицу ала кровь пошла,
А поднялъ суму отъ земли только на волосъ,
По колѣна-жъ самъ онъ въ мать сыру землю угрязъ.
Взговоритъ ли Святогоръ тутъ громкимъ голосомъ :
«Ты скажи же мнѣ, прохожій, правду-истину,

«А и что, скажи ты, въ сумочкѣ, накладено?»
Взговоритъ ему прохожій да на тѣ слова:
«Тяга въ сумочкѣ отъ матери сырой земли».
Взговоритъ тутъ Святогоръ да ко прохожему:
«А ты самъ кто есть, какъ звать тебя по имени?»
Взговоритъ ему прохожій ли на тѣ слова:
«Я Микула есмь, мужикъ я, Селяниновичъ,
«Я Микула, — меня любитъ мать сыра земля».

ВЪ ВЕЛИКОЙ ТЯЖБѢ КТО ПОБѢДИТЪ? КОЛХОЗЫ СЪ СОВХОЗАМИ ИЛИ МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ?

ВЪ ЗАЩИТУ РУССКАГО ЯЗЫКА

Очень портитъ нашъ разговорный языкъ употребленіе множества неправильныхъ выраженій, внесенныхъ въ него инородцами, иностранцами и привившихся въ силу попустительства. Но есть, конечно, и свои собственныя неправильности.

Напримѣръ:

1) — Неправильно говорятъ многіе: — «Займите мнѣ», желая сказать «дайте мнѣ взаймы». Можно сказать — «займите у него», «займите у него для меня», но правильнѣе сказать — «дайте мнѣ взаймы», «ссудите мнѣ», избѣгая слова «займите». Слово «занять» имѣетъ только значеніе «брать взаймы», но ни въ коемъ случаѣ не «дать взаймы».

2) — Не слѣдуетъ смѣшивать глаголовъ «проводить», «провести», и «провожать», говоря «я проведу» вмѣсто «я провожу». Глаголъ «проведу» можетъ быть употребленъ только въ случаѣ, если цѣлью проводовъ является указаніе пути, напримѣръ, — «я проведу Васъ по кратчайшей дорогѣ», «я проведу Васъ черезъ садъ». Если же рѣчь идетъ лишь о проводахъ въ смыслѣ совмѣстнаго слѣдованія, надо говорить: «я провожу Васъ». Кромѣ того не слѣдуетъ забывать и присущаго выраженію «провести», «проведу» значенія «обманыванья».

(Продолженіе слѣдуетъ)

ИЗЪ ПИСЕМЪ

«Самъ авторъ, упрекающій русскаго сапожника изъ бывшихъ легіонеровъ въ томъ, что тотъ обращаясь къ своей дочуркѣ, говоритъ: «Марія ,принеси ка шезъ !» — опускаетъ въ медъ своей рѣчи каплю дегтя — пресловутую «учебу» («дѣти продолжали свою «учебу») не на томъ мѣстѣ, гдѣ ей полагается быть по своему значенію. Почему въ данномъ случаѣ «учебу»? Прислушайтесь къ вѣковой пѣвучести пословицы: »Ученье — свѣтъ, неученье — тьма» и сравните съ совѣтской ея передѣлкой: «Учеба — свѣтъ, неучеба — тьма»... Такъ зачѣмъ же свѣтъ — радость «ученья» замѣнять сѣрой нудой «учебы»?

Г. и К. Б.

Рѣчь идетъ о статьи Д. Прокопенко «Судьбы русскаго языка» въ № 1280 «Русской Мысли» отъ 21-го Октября 1958 г.

Ред.

Получена слѣдующая выписка изъ воспоминаній лица, недавно вырвавшагося изъ краснаго «рая», гдѣ авторъ провелъ въ мытарствахъ по лагерямъ и тюрьмамъ болѣе 10-ти лѣтъ:

«Я встрѣчалъ «тамъ» людей, продолжающихъ писать у себя дома по старой русской орѳографіи. Это приосходитъ не отъ старой привычки, нѣтъ, а въ пику ненавистному коммунизму, въ честь и память свѣтлаго прошлаго и отъ желанія сохранить письменный языкъ чистымъ, безъ упрощеній и искаженій, принесенныхъ ему новой орѳографіей, онъ не смѣетъ этого сдѣлать, а кто помнитъ и чтитъ славное прошлое своей Родины, тотъ еще пишетъ по старому и уважаетъ старое правописаніе».

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

Всѣмъ представителямъ «Русской Рѣчи». Въ виду необходимости годового отчета просьба сообщить въ ближайшій срокъ результаты продажи «Русской Рѣчи» за 1958 годъ.

П. Цырасъ. Германія. — Съ 1-го Ноября вы числитесь членомъ Союза. Изъ полученной суммы: подписка на «Русскую Рѣчь» 1959 г., членскіе взносы, остальное — стоимость книги и пересылка. Книга отправлена 28-го Ноября.

Отцу С. Кондратьеву. Ліонъ. — Всѣ четыре номера «Русской Рѣчи» будутъ посланы въ Біевръ по указанному адресу. Покорная просьба извинить за опозданіе. Письмо по недосмотру затерялось временно среди прочей корреспонденціи.

КЪ СВѢДѢНІЮ

Редакція «Русской Рѣчи» принимаетъ для разсмотрѣнія труды лицъ, состоящихъ членами Союза, написанныя по русскому правописанію.

Пріемъ по дѣламъ редакціи и конторы — въ дни собраній Союза отъ 2 до 4 ч. въ залѣ собраній. Адресъ редакціи и конторы для корреспонденціи всякаго рода:

N. MAYER (Association russe)
28, rue Serpente, Paris VI.

Принимается подписка на №№ 5, 6, 7 и 8 «Русской Рѣчи» — 350 фр. Адресъ редакціи.

Распространители русскихъ печатныхъ изданій во Франціи и внѣ ея приглашаются заявить конторѣ «Русской Рѣчи» о желаніи своемъ быть ея представителями.

Годовой подпиской считается подписка на четыре ближайшихъ номера газеты. Отдѣльный номеръ — 100 фр., подписка — 350 фр. или равныя суммы въ иностранныхъ валютахъ.

Участники Издательскаго Фонда Союза получаютъ безплатно по одному экземпляру каждаго труда, изданнаго Союзомъ послѣ вступленія ихъ въ число участниковъ фонда.

Выписки, заимствованныя изъ другихъ органовъ печати, воспроизводятся въ «Русской Рѣчи» по русскому правописанію, какъ бы ни были они напечатаны въ подлинникахъ.

Союзомъ издано открытое письмо съ портретомъ А. С. Пушкина. Цѣна — 35 фр., для членовъ Союза и перепродавцевъ — 25 фр.

Очередное собраніе Союза состоится въ воскресенье 4-го Января отъ 4-хъ до 6-ти часовъ въ залѣ В (2-ой этажъ) «Сосіете Савантъ» — 28, рю Серпантъ; метро Одеонъ. Программа: «Рождественская Легенда», прочтетъ Г. Ефимова, «Человѣкъ — гражданинъ вселенной», докладъ Н. Майера. Текущія дѣла.

Входъ свободный и безплатный.

Тамъ же отъ 2 до 4 ч. пріемъ по дѣламъ редакціи и конторы «Русской Рѣчи».

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Всѣ объявленія печатаются по русскому правописанію.

Объявленія не свыше трехъ строчекъ лицъ, состоящихъ членами Союза печатаются безплатно.

—0—

Покупаю русскія книги старыхъ изданій. Писать въ адресъ редакціи для N. 1.

—0—

Уроки русскаго и англійского яз. Писать **Mme OLGA, 255, Av. Daumesnil, Paris.**

—0—

Ищу одну или двѣ комнаты съ кухней. Дамъ отступного. Писать на адресъ редакціи для № 4.

ПРОДАЮТСЯ

Романсы и пѣсни Аренскаго, Балакирева, Бородина, Даргомыжскаго и др. Писать на адресъ редакціи для № 3.

Imprimerie S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant

Journal trimestriel

LA PAROLE RUSSE

Directeur N. MAYER

Союзъ для защиты чистоты русскаго языка

84, Boulevard Malesherbes — Paris (8e)

N° 9 — 1960 — AVRIL, MAI, JUIN — 1960 — N° 9

Защита чистоты русскаго языка не реакція, не проповѣдь неизмѣняемости однажды принятыхъ формъ, не противодѣйствіе органическому развитію русскаго слова. Она противодѣйствуетъ внѣдренію въ русскую рѣчь большевицкаго жаргона, эмигрантскихъ заимствованій и ничѣмъ необоснованныхъ претенціозныхъ искаженій.

Хранители русской культуры

Пасха ! Самый большой русскій праздникъ !

Весенній праздникъ, дни возвращенія жизни и къ жизни.

"Ярко свидѣтельствуютъ громкія жалобы представителей совѣтской власти о трудности борьбы съ религіозными предразсудками, которыхъ они не могутъ погасить ни терроромъ, ни насиліемъ, ни лживою безбожной пропагандой. Скрывавшіеся въ катакомбахъ церковники открыто выходятъ на свѣтъ Божій и зовутъ народъ на старые пути русскаго благочестія, въ уцѣлѣвшіе въ Россіи монастыри и къ другимъ святынямъ. Еще не заросли на-

Prix — 100 fr. **Abonnement — 350 fr.**

родныя тропы въ обитель преподобнаго Сергія. Неудержимая стихія пламенной народной вѣры русскихъ людей, особенно женщинъ, исконныхъ ревнительницъ нашего благочестія, заставила безбожную власть открыть заключенныя ею врата Троицкой Лавры и снова воспламенила угасшія лампады передъ его гробницей. — сообщаетъ "Православная Русь" — "И быть можетъ, тамъ, у его святыхъ мощей, творится великая тайна обновленія русской народной души и воскресенія Россіи".

Литература подобна религіи. Обѣ онѣ создаются проявленіями народной души, хотя и въ различныхъ формахъ. Религія есть внѣшняя форма народной вѣры въ божественность мірозданія; литература — внѣшняя форма народныхъ представленій о добрѣ и злѣ, о красотѣ и безобразіи. И какъ въ религіи эта душа народная выражается во внѣшнихъ формахъ церковныхъ обрядовъ, такъ въ литературѣ выражается она внѣшне въ обрядовыхъ формахъ литературнаго языка, въ его правописаніи.

Обѣ онѣ — столпы народнаго быта. Обѣ онѣ — то общее, что связываетъ народъ въ нѣчто цѣлое, указываетъ ему его предназначеніе и ведетъ по путямъ его осуществленія. Уничтожить ихъ невозможно.

Коммунизму для торжества его всемірныхъ идей нужно во что бы то ни стало, если не уничтожить противустоящія ему религію и литературу, то хотя бы свести ихъ съ праваго пути, подмѣнить ихъ искаженнымъ ихъ изображеніемъ.

Борьба съ религіей легка, потому, что методы ея ясны. Возгласы діакона "О свышнемъ мірѣ" отзвучали и пронеслись, "Иже херувиме" спѣты хоромъ и умолкли. Для того, чтобы они не повторялись — закрыть церкви, сослать въ концлагеря или разстрѣлять священнослужителей, а для церквей, оставленныхъ открытыми поневолѣ, придумать "Живоцерковниковъ". Не такъ проста борьба съ литературой. Огненныя строки Пушкина:

"И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
Возстань, пророкъ! и виждь и внемли,
Исполнись **волею моей**,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей".

проникновенно-созерцательныя Лермонтова:
"Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ
И въ небесахъ я вижу Бога,
И счастье вновь могу постигнуть на землѣ".

отпечатаны въ милліонахъ экземпляровъ и хранятся на книжныхъ полкахъ милліоновъ людей.

Какъ совѣтскіе "живоцерковники" искажаютъ церковные обряды, отнимая у нихъ тайну претворенія хлѣба и вина въ плоть и кровь Христову, погашая значеніе совершающагося божественнаго чуда, такъ литературные живоцерковники — совѣтскія издательства разрушаютъ обрядовыя формы литературнаго русскаго языка, выбрасывая на рынокъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ произведенія нашихъ классиковъ, обезображенныя такъ называемой "новой орфографіей", искажая плоды свободныхъ, безстрашныхъ, божественныхъ вдохновеній авторовъ гнусными нелѣпостями совѣтскаго языка.

Это акты не созиданія культуры, но разрушенія. Того разрушенія, которое начала наша "передовая" интеллигенція, а заканчиваетъ большевизмъ.

Въ той же "Православной Руси" М. Черносвитова вспоминаетъ статью проф. Кульмана, въ которой онъ приводитъ свой разговоръ съ умирающимъ проф. Шахматовымъ. "А знаете, — сказалъ Шахматовъ, — въ томъ что происходитъ сейчасъ, отчасти и мы виноваты. Засѣданіе, въ которомъ мы приняли новую орфографію, было по настроенію большевицкимъ. Вы были правы, назвавши циркуляръ Мануйлова "приказомъ № 1". Мы тоже разрушители".

На проведеніе въ жизнь этого циркуляра Русккая Академія Наукъ, къ чести ея, никогда согласія не давала. (О Русской Академіи Наукъ и о проф. Шахматовѣ см. № 2 "Русской Рѣчи").

Скоро будетъ 43 года, какъ идетъ разрушеніе русской культуры. И только сейчасъ "скрывавшіеся въ катакомбахъ церковники открыто выходятъ на свѣтъ Божій" и зовутъ обезбоженный русскій народъ къ одному изъ главныхъ устоевъ ея — религіи. Только два года тому назадъ появилась "Русская Рѣчь" и зоветъ всѣхъ, кому это возможно, вернуться къ подлинному русскому слову — неотъемлемой части русской культуры. Не сравнимъ, конечно, вызывающій преклоненіе подвигъ церковниковъ, "выходящихъ на свѣтъ Божій", не взирая на возможность разстрѣла или смертельной ссылки, съ малымъ дѣломъ участниковъ Союза для защиты чистоты русскаго языка, осуществляемымъ каждымъ изъ нихъ по мѣрѣ силъ и въ доступной ему степени безъ катакомбъ и безъ опасностей. Пусть, тѣмъ не менѣе, зачтутся имъ ихъ старанія оберечь нѣкую часть русской культуры отъ переживаемой ею общей смертельной опасности.

Въ эти весенніе дни надеждъ и воскресеній хочется вспомнить исполнившуюся молитву, читавшуюся на алтаряхъ всѣхъ русскихъ церквей, о защитѣ Россіи отъ угрожавшаго ей смертью Наполеоновскаго нашествія. Вотъ нѣсколько ея строкъ:

"Се врагъ, смущай землю Твою и хотяй положити вселенную всю пусту, возста на ны: се люди беззаконія собрашася, еже погубити достояніе Твое, разорити честный Іерусалимъ Твой, возлюбленную Твою Россію: осквернити храмы Твои, раскопати алтари и поругатися Святынѣ нашей. Доколѣ Господи, доколѣ грѣшницы восхвалятся ?"

"Сердце чисто созижди въ насъ и духъ правъ обнови во утробѣ нашей; всѣхъ насъ укрѣпи вѣрою въ Тя, утверди любовью, вооружи единодушіемъ на праведное защищеніе".

Да совершится такъ, какъ въ тѣ времена, когда эта молитва читалась !

Крестъ на груди

(Эмигрантская повѣсть)

Глава VI.

Они поднялись въ верхній этажъ. На площадку выходили три двери. Осининъ открылъ крайнюю слѣва и черезъ двѣ маленькія совершенно пустыя комнаты они вступили въ третью, представлявшую собою широкій и длинный залъ въ четыре окна, огромные съ полукруглыми наверху рамами. По серединѣ его было нѣсколько столовъ, на которыхъ стояли странные механизмы съ металлическими шарами, круглыми стеклянными дисками или стрѣлками. Цѣлая серія измѣрительныхъ приборовъ помѣщалась на стѣнныхъ полкахъ или была прикрѣплена непосредственно къ стѣнамъ. Къ каждому изъ этихъ аппаратовъ спускалось сверху по нѣсколько проволокъ, свисавшихъ, словно струи дождя изъ тучи, изъ густой проволочной сѣти, помѣщавшейся подъ самымъ потолкомъ. Моторъ занималъ уголъ комнаты, огороженный толстымъ краснымъ шнуромъ, протянутымъ по верху желѣзныхъ прутьевъ. Во всемъ этомъ нагромождeніи техническихъ матеріаловъ чувствовался своеобразный порядокъ, какая то строгая схема. Столы стояли ровно по серединѣ комнаты, въ проводахъ была симметрія и все, что находилось здѣсь, бросалось въ глаза своей четкостью, добротностью и чистотой. Казалось во всей этой огромной комнатѣ нельзя было найти ни одной пылинки.

Осматривая все это Карминъ чувствовалъ, что волненіе захватываетъ его все больше. Отвлеченная идея, облекаясь въ конкретныя формы, начинала жить реальной жизнью, становилась добромъ или зломъ, вовлекала его въ орбиту своего существованія. Какъ гимназистъ, свободно и широко мечтающій о заманчивыхъ приключеніяхъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, чувствуетъ себя потеряннымъ еще только вступивъ на пароходъ, стоящій у пристани, считаетъ себя связаннымъ уже совершеннымъ первымъ шагомъ и испуганно глядитъ въ будущее, полное опасностями, съ которыми такъ легко было справляться, когда они были далеки и которыя такъ безмѣрно выростаютъ по мѣрѣ приближенія, — такъ и Карминъ именно здѣсь, именно на этомъ первомъ этапѣ реализаціи своего фантастическаго плана, почувствовалъ всю громадность возможныхъ послѣдствій, всю тяжесть отвѣтственности, которую онъ принималъ на себя.

Онъ видѣлъ кромѣ того съ перваго же взгляда на этотъ внушительный залъ, что Осининъ великолѣпно справляется со своей задачей, что этотъ серьезный человѣкъ началъ серьезное дѣло и что, согласившись продолжать работу, онъ будетъ и въ дальнѣйшемъ такъ же добросовѣстенъ, какъ и въ началѣ. Лучшаго сотрудника нельзя было желать, его присутствіе увеличивало шансы на успѣхъ, отъ котораго зависѣло такъ неизмѣримо многое...

Карминъ почувствовалъ, что у него перехватываетъ горло. Повернувшись къ Осинину, черезъ судорожно сведенныя губы глухимъ голосомъ онъ произнесъ:

— Спасибо! — и крѣпко пожалъ ему руку.

Осининъ удивленно посмотрѣлъ на него. Онъ не разсчитывалъ, что Карминъ пойметъ и оцѣнитъ положенный имъ на эту комнату трудъ. Благодарность Кармина дала ему охоту подробнѣе показать свою работу и методическимъ голосомъ, какимъ въ былое время онъ читалъ лекціи, онъ началъ свои объясненія. Медленно подвигались они къ концу комнаты, подолгу останавливаясь передъ отдѣльными аппаратами. Мало по малу передъ взоромъ Кармина обозначались этапы развитія дерзкой мысли, положенной въ основу этой лабораторіи, воплощенной въ стеклянные и металлическіе приборы, въ сотни разноцвѣтныхъ проволокъ, во весь этотъ сложный комплексъ человѣческаго искусства, знаній и дерзновенія.

Они подошли къ послѣднему столу. На немъ было собраніе разноцвѣтныхъ стеколъ, какой то аппаратъ, отдаленно напоминающій фонарь и большая подставка, на которой ничего не стояло. Остановившись передъ этимъ столомъ Осининъ долго молчалъ и началъ объясненіе какъ то нехотя.

— Здѣсь, разумѣется, должно находиться такъ сказать увѣнчаніе, вѣрнѣе — логическое завершеніе всего того, что мы уже разсмотрѣли. Какъ видишь, здѣсь пустое мѣсто. Если все то, что размѣщено на тѣхъ столахъ построено согласно уже провѣреннымъ и признаннымъ принципамъ, теоріямъ, вычисленіямъ и подлежитъ только контролю и регулированію, то на этомъ столѣ должно появиться нѣчто совершенно новое, никому неизвѣстное, о чемъ у меня имѣется лишь смутное представленіе. Голая идея. Понимаешь? Удастся ли мнѣ ее осуществить и если удастся, то когда именно, я не знаю и никакихъ обязательствъ въ этомъ отношеніи принять на себя не могу.

— И ты хотѣлъ отказаться отъ этого? Когда тебѣ осталось сдѣлать, можетъ быть, одинъ только шагъ? Послѣдній шагъ? Ты хотѣлъ...

Карминъ смотрѣлъ въ упоръ въ лицо Осинину и какъ тотъ не былъ защищенъ стеклами очковъ, видѣлъ въ его глазахъ нѣчто необычное для этого спокойнаго человѣка и не могъ рѣшить, что это такое — растерянность или мечтательность или, можетъ быть, просто усталость.

Осининъ не выдержалъ прямого взгляда Кармина.

— Ну, что тамъ! — отмахнулся онъ и, спасаясь отъ преслѣдовавшаго его взора, поспѣшилъ вернуться къ объясненіямъ, которыхъ раньше не собирался продолжать.

— Не знаю, съумѣлъ ли я — говорилъ онъ, досадуя на себя, — показать тебѣ, что вся эта серія аппаратовъ служитъ одной цѣли — комбинированію электрическихъ волнъ, отъ самыхъ короткихъ до самыхъ длинныхъ, отъ самыхъ слабыхъ до самыхъ мощныхъ. Въ основу изобрѣтенія, надъ которымъ ты предложилъ

мнѣ работать, я положилъ явленіе детонаціи и руководящая мысль моя такова: если посредствомъ детонаціи можно перевести то или иное вещество изъ инертнаго состоянія въ динамическое, то нельзя ли посредствомъ той же детонаціи, точнѣе сказать, посредствомъ того, что я имѣю изобрѣсти и что я нѣсколько преждевременно окрестилъ "антиритмомъ", достигнуть обратныхъ результатовъ, то есть изъ состоянія динамическаго перевести нужное намъ вещество въ состояніе инертное. Изобрѣсти аппаратъ, излучающій антиритмъ противъ любого ритма, автоматически соразмѣряющій его частоту и силу и есть моя задача. Ты понимаешь, если качающемуся маятнику нанести встрѣчный ударъ соотвѣтственной силы, онъ остановится... Если посредствомъ встрѣчной вибраціи остановить вибрацію человѣческаго сердца и этимъ прекратить подачу крови... въ человѣческомъ организмѣ на короткое время...

Осининъ, повернувъ голову, посмотрѣлъ въ глаза Кармину и встрѣтилъ тотъ же упорный взглядъ.

Оба молчали, спаявшись взглядами.

— Я понимаю, — наконецъ тихо произнесъ Карминъ — ты не вѣрилъ мнѣ ? Не вѣрилъ въ серьезность моего отношенія къ этому дѣлу. Можетъ быть еще что нибудь?... Да! Ты сомнѣвался, сказалъ ли я тебѣ всю правду о конечной цѣли нашихъ поисковъ. Ты правъ, конечно. Мы слишкомъ мало открылись другъ другу для того, чтобы ты могъ повѣрить мнѣ до конца. Слушай же и не жди чего либо необыкновеннаго. То что я скажу тебѣ уже давно стало банальщиной, общимъ мѣстомъ. Дѣло, видишь ли, въ томъ, что гуманитарныя науки, считавшіяся въ теченіе вѣковъ эссенціей человѣческой мудрости, долженствовавшія избавить человѣчество отъ всѣхъ золъ, оказались лишенными приводныхъ ремней къ реальной жизни. Онѣ утверждали и съумѣли убѣдить большинство благоразумныхъ людей, что, напримѣръ, война есть зло, и что же? Перестали люди воевать? Онѣ утверждаютъ, что человѣческая добродѣтель есть продуктъ знанія, просвѣщенія — и со времени этихъ утвержденій народилось мошенниковъ, воровъ и убійцъ впятеро противъ прежняго. Вышло такъ, что онѣ сами по себѣ, а люди сами по себѣ. И только съ развитіемъ техники, механики, химіи, съ появленіемъ изобрѣтеній именно въ этой области точныхъ наукъ, на первый взглядъ столь далекой отъ всякой идейности, война, напримѣръ, стала менѣе осуществимой. Именно потому, что благодаря техническому прогрессу возможные ужасы ея возросли до поражающихъ фантазію размѣровъ. Именно эти поносимыя на всѣхъ перекресткахъ технизація и механизація міра за какое нибудь полстолѣтіе достигли тѣхъ результатовъ, надъ которыми безплодно бились философы, юристы и политики впродолженіе вѣковъ. И если намъ съ тобой удастся найти универсальное орудіе разрушенія, передъ которымъ эта послѣдняя ведетта, атомная бомба, окажется пустякомъ, то это будетъ лучшей гарантіей вѣчнаго мира. Все это, конечно, старо, извѣстно гимназистамъ, но вѣдь до сихъ поръ это не осуществлено и потомъ... послушай, Осининъ! Вѣдь могутъ же быть и спеціальныя цѣли!... Въ особенности у насъ, у эмигрантовъ... Наши эмигрантскія спеціальныя цѣли...

Осининъ во всѣ глаза смотрѣлъ на Кармина, на его поблѣднѣвшее лицо, на разгорѣвшіеся каріе глаза и ему казалось, что этого человѣка онъ видитъ впервые. У того, котораго онъ зналъ раньше, незамѣтно было такого широкаго лба подъ густыми мягкими каштановыми волосами, не было въ очертаніяхъ нижней части носа и рта той воли и рѣшительности, которыя сейчасъ какъ будто тянулись отъ него къ Осинину.

— У-ди-ви-тельно! — произнесъ онъ и глубоко вздохнулъ.

На лѣстницѣ скрипѣли ступени. Кто то шелъ къ нимъ. Послышалось покашливаніе и въ дверяхъ показался Дмитрій.

— Прощенія прошу, можетъ побезпокоилъ. Я насчетъ того, что ежели угодно будетъ закусить по случаю новоселія, такъ у меня все готово.

— Вотъ это вотъ идея! — воскликнулъ Осининъ — куда намъ съ тобой! Перещеголялъ насъ Дмитрій. А я то все думаю, чего это мнѣ не хватаетъ, послѣ этакого смотра военнаго. Только теперь понялъ, что водки. Безъ нея не опамятоваться. Я вѣдь надолго не могу такъ... на воздуси подниматься.

Конецъ первой части.

Н. Майеръ

Мертвое море

Все въ природѣ торопится жить и радуется солнцу.

Въ расщелинахъ каменной панели, среди асфальтовыхъ мостовыхъ, гдѣ, казалось бы, все задушено камнемъ, мѣстами всетаки прорывается къ солнцу зеленая травка.

На старыхъ башняхъ, колокольняхъ, среди вѣтхихъ замковъ, среди каменныхъ щекъ голыхъ горъ, на легкомъ налетѣ осѣвшей пыли зеленѣетъ неизвѣстно кѣмъ, когда и зачѣмъ посаженное... Зеленѣетъ, цвѣтетъ и радуется... Всюду, вездѣ жизнь. Жизнь, жизнь, всюду жизнь...

Есть однако, единственный въ мірѣ, очевидно, Богомъ проклятый уголокъ, гдѣ нѣтъ жизни. Это Мертвое Море, въ Іорданской долинѣ, въ Палестинѣ, на Святой Землѣ.

Удивительное, научно неразгаданное, таинственное Мертвое Море, съ уровнемъ на 1300 футовъ ниже уровня океана, съ необыкновенно плотной водой, насыщенной хлористымъ кальціемъ, натріемъ, магніей, отъ которыхъ гибнетъ все живое. Ни рыбы, ни растеній. Даже въ воздушной надъ моремъ полосѣ никогда не появляются птицы.

Ни геологія, ни археологія не разгадали тайнъ

происхожденія какъ самого Мертваго Моря, такъ и необыкновенныхъ явленій въ окрестностяхъ его.

Въ ближайшей Либійской пустынѣ тысячелѣтіями лежатъ остекляненныя частицы, научно теперь именуемыя **текитами**, содержащія радіоактивные элементы. Вблизи неразгаданная Баалбековая терраса, похожая на огромную платформу среди каменныхъ скалъ въ горахъ Ливана и Сиріи.

Библія повѣствуетъ... Мертвое Море произошло отъ гибели самыхъ нечестивыхъ на землѣ городовъ — Содома и Гоморры. Дошелъ до Господа Бога Содомскій и Гоморрскій вопль — великъ онъ и грѣхи ихъ весьма тяжелы. И сошелъ Господь съ двумя Ангелами на землю, чтобы убѣдиться, такъ ли это? Два Ангела или Мужи оттуда пошли на Содомъ, а стоящему передъ Лицомъ Его Аврааму Господь повѣдалъ Волю Свою.

— "Убѣдившись въ страшномъ нечестіи Содома и Гоморры, Я истреблю ихъ". Авраамъ сталъ молить Господа, да не погубитъ Онъ съ нечестивыми и праведныхъ.

— "Пощажу и не истреблю весь городъ, если найду тамъ хотя-бы 10 праведныхъ". Въ Содомѣ и Гоморрѣ и десяти праведниковъ не оказалось. И вошли мужи — два Ангела въ Содомъ, гдѣ жилъ племянникъ Авраама праведный Лотъ. Принялъ Лотъ пришельцевъ, сдѣлалъ Имъ угощеніе: испекъ пресные хлѣбы, которые Они ѣли. И помѣстилъ ихъ Лотъ въ домѣ своемъ. Нечестивые Содомляне, отъ малаго до стараго, окруживъ домъ Лота, просили выдать имъ "чужаковъ", дабы, надругавшись, расправиться съ ними. Въ гнѣвѣ Содомляне готовы были выломать двери дома, въ которомъ укрылъ ихъ Лотъ, но пришельцы поразили всѣхъ ихъ слѣпотой, а Лота съ женой и двумя дочерьми вывели изъ города, приказавъ имъ бѣжать и не оглядываться.

Тогда пролилъ Господь на Содомъ и Гоморру дождь изъ сѣры и огня и ниспровергъ нечестивые города сии и всю окрестность сию и всѣхъ жителей городовъ сихъ и всѣ произрастанія земли. Шедшая позади Лота жена его оглянулась и обратилась въ соляной столбъ. На слѣдующее утро Авраамъ пошелъ на мѣсто, гдѣ стоялъ передъ Лицомъ Господа, и посмотрѣлъ къ Содому и Гоморрѣ и на все пространство окрестностей и увидѣлъ: — "Вотъ дымъ поднимается съ земли, какъ дымъ изъ печи". На мѣстѣ же нечестивыхъ городовъ Содома и Гоморры образовалось поглотившее ихъ Мертвое Море, въ которомъ нѣтъ никакой жизни. Мертвое море".

Въ наши дни — совѣтскій ученый, физико-математикъ М. Агрестъ, поразилъ мыслящій міръ гипотезой, высказавъ фантастическое предположеніе, что Содомъ и Гоморра были разрушены въ исторіи Міра первымъ термоядернымъ взрывомъ, произведеннымъ вторгшимися на землю пришельцами съ другой планеты, возможно с Марса, подкрѣпивъ свои предположенія продуманными доводами.

Пришельцы — въ Библіи именуются не только Ангелами, но и "Мужи оттуда". Праведный Лотъ, обращаясь къ Нимъ, зоветъ Ихъ "Государи мои" и омываетъ имъ ноги, приготовляетъ для нихъ пищу. Особенно Агрестъ обращаетъ вниманіе, что жена Лота, оглянувшись обратилась въ соляной столбъ, а тѣ, которые смотрѣли на пылающее пламя, потеряли зрѣніе. По мнѣнію Агреста, это указываетъ на то, что пожравшее Содомъ и Гоморру пламя было не обычнымъ простымъ пламенемъ, отъ котораго не слѣпнут. Агрестъ напоминаетъ объ атомной бомбѣ, сброшенной на Херошиму, когда многіе пережившие и находившіеся вдали отъ взрыва ослѣпли. Найденные в окрестностяхъ Содома и Гоморры "Текиты", по мнѣнію Агреста, происхожденіемъ своимъ также подтверждаютъ наличіе термоядернаго взрыва, т. к. могли они получиться только отъ развитія невѣроятно высокой температуры, которая въ наше время получается только при атомныхъ и термоядерныхъ взрывахъ. Въ отношеніи Баалбековой терассы ученый Агрестъ предполагаетъ, что эта гладкая платформа была спеціально сооружена Пришельцами "Оттуда" для запуска обратно своего межпланетнаго корабля.

Въ наши дни всѣ фантастическія предположенія ученаго М. Агреста не кажутся уже фантастическими: они какъ бы подтверждаютъ возможность осуществленія современныхъ исканій межпланетнаго общенія и подкрѣпляютъ увѣренность, что жизнь существуетъ не только на землѣ, но и на другихъ планетахъ.

С. Бельдениновъ

Наякъ, 22 февраля 1960 г.

Николай Алексѣевичъ Клюевъ

Крестьянскій поэтъ

Многое написанное Клюевымъ, быть можетъ даже большая часть, пропало, повидимому навсегда. Но и то что намъ иззѣстно изъ его творчества въ достаточной мѣрѣ обрисовываетъ его какъ одну изъ крупнѣйшихъ фигуръ на фонѣ предреволюціонной России и первыхъ двухъ десятилѣтій большевизма. Онъ въ равной степени интересенъ и какъ крупный поэтъ, и какъ представитель мало извѣстной намъ русской мужицко-крестьянской духовной жизни, и какъ поневольная политическая величина. Поневольная потому, что каждый, выступающій публично, хочетъ онъ или не хочетъ, такую величину собою представляетъ.

Для того, чтобы говорить о немъ, нужно прежде всего удивиться тому, что не взирая на многочисленные литературные отклики, вызванные своевременно его произведеніями, онъ такъ мало извѣстенъ не только намъ, эмигрантамъ, но и у себя на родинѣ. Тамъ — это объясняется

травлей, поднятой противъ него совѣтскою властью въ послѣдніе годы его жизни, продолжающеюся и по сейчасъ. "Нѣтъ поэта, болѣе преслѣдуемаго даже послѣ смерти, чѣмъ Клюевъ; имя его въ СССР изъято не только изъ энциклопедій, но и изъ новыхъ изданій стиховъ его ученика Есенина, изъ книгъ по литературѣ, издаваемыхъ въ СССР. Книги его въ СССР изъяты изъ библіотекъ, сама память о поэтѣ тщательно вытравляется".

— Такъ говоритъ издательство имени Чехова въ предисловіи къ выпущенному имъ двухъ-томному собранію произведеній Клюева. Здѣсь — у насъ, у эмигрантовъ, эта малая освѣдомленность происходитъ отъ полнаго отсутствія на книжномъ рынкѣ его отдѣльныхъ произведеній, многократно издававшихся и въ Россіи, и заграницей, а также и отъ того, что прекрасно изданное, упомянутое собраніе его сочиненій, многимъ не по карману (6 долл. = 3.000 фр.).

Размѣры "Русской Рѣчи" не позволяютъ дать полный отчетъ объ этихъ двухъ томахъ, вполнѣ ими заслуженный. Укажемъ только, что какъ представитель мужицко-крестьянской Руси и, какъ политическая величина, Клюевъ полностью представленъ читателю редакторомъ Борисомъ Филипповичемъ, въ его прекрасной передовой статьѣ, богатой біографическими свѣдѣніями о Клюевѣ и обильно документированной.

Только о большомъ поэтѣ хочетъ напомнить эта статья, приведя нѣсколько его стихотвореній и объяснивъ изъ какого источника черпалъ онъ свою огромную творческую мощь. Нужныя для этого свѣдѣнія сообщены, главнымъ образомъ, Б. Филипповымъ.

Клюевъ родился въ 1887 г. въ лѣсной деревушкѣ, 500 верстъ отъ желѣзной дороги, близъ г. Вытегра. На томъ русскомъ сѣверѣ, который издавна былъ пріютомъ религіознаго сектантства разныхъ толковъ. Были тамъ и хлысты, и скопцы, и самосожженцы, и бѣгуны. Дѣдъ Клюева былъ поводникомъ медвѣдя и сказителемъ старинъ и стиховъ духовныхъ до тѣхъ поръ, покуда не далъ Имп. Николай I приказъ уничтожить этотъ промыселъ, а медвѣдей убить. Шкура этого дѣдовскаго друга еще въ дѣтствѣ Клюева висѣла въ избѣ. Отецъ Клюева — Николаевскій солдатъ (25 лѣтъ дѣйствительной службы), также начетчикъ и пѣснотворъ. Мать, родомъ изъ Пріонежья, была извѣстна, какъ плачея-вопленница и сказительница. Это она научила грамотѣ будущаго поэта. Хотя и православная, она, повидимому, склонялась къ хлыстовству. Братъ ея — самосожженецъ. Въ обстановкѣ крѣпкаго, кондоваго крестьянства протекло дѣтство Клюева. Еще отрокомъ онъ отпросился у матери въ Соловецкій монастырь и не только отбываетъ тамъ строгій послухъ монашій, но еще и вериги носитъ. Недолго онъ задерживается тамъ, потому что "имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ"; потому что душа его была шире монастырскаго устава. Повидимому, именно этому душевному раздвоенію, испытанному въ Соловкахъ, отвѣчаетъ его позднѣйшее стихотвореніе:

"Помню я обѣдню раннюю,
Вереницы клобуковъ,
Надъ толпою покаянною
Тяжкій гулъ колоколовъ.

Опьяненный перезвонами,
Гуломъ каменно-глухимъ,
Далъ обѣтъ я предъ иконами
Стать блаженнымъ и святымъ.

И въ отвѣтъ мольбѣ медлительной,
Покрывая мѣдный вой,
Голосъ ясно-повелительный
Мнѣ отвѣтилъ: "Ты не Мой".

Съ той поры я перепутьями
Невидимкою блуждалъ,
Подъ валежникомъ и прутьями
Вмѣстѣ съ вѣтромъ ночевалъ.

Истекли грѣхопаденія
И посланецъ горнихъ силъ
Безглагольнаго хваленія
Путь заблудшему открылъ.

Знаки замысла предвѣчнаго —
Зодіака и Креста,
И на платѣ солнца млечнаго
Ликъ прощающій Христа".

Пѣснетворчество Клюева началось чрезвычайно рано. Въ 15 лѣтъ онъ извѣстенъ уже въ раскольничей средѣ, какъ стихослагатель и избранъ "Давидомъ хлыстовскаго корабля". Быть можетъ именно припѣвъ хлыстовскаго раденія "Хлещи, хлещи, Христа ищи!" запечатлѣлся на всю жизнь въ его душѣ, сдѣлалъ его искателемъ не монастырскаго, а своего особаго Клюевскаго Христа, чуждаго "глагольному" (монастырскому? — Н. М.) хваленію. Даже въ недолгіе дни его увлеченія "рабоче-крестьянской" революціей онъ остается все тѣмъ же Богоискателемъ:

"Обожимся же, братья, на яростной свадьбѣ
Всенароднаго сердца съ Октябрьской грозой".

Оставляя въ сторонѣ его стихи, проникнутые сперва про, а потомъ анти-большевицкими тенденціями, приведемъ лишь нѣсколько тѣхъ его произведеній, которыя, представленныя во всей красотѣ подлиннаго русскаго правописанія, наилучше рисуютъ его какъ поэта высокой одаренности:

"О, поспѣшите, братья, къ намъ,
Въ нашъ чудный храмъ, гдѣ зори-свѣчи,
Гдѣ предалтарный фиміамъ —
Туманы дремлющихъ порѣчій!

Спѣшите къ намъ, пока роса
Поитъ возжаждавшія травы,
И въ зоревые пояса
Одѣты дымныя дубравы

Служить заутреню любви,
Вкусить кровей, живого хлѣба...
Кто живъ, души не очерстви
Для горнихъ трубъ и зововъ неба!

Въ передразсвѣтный тайный часъ,
Подъ заревыми куполами,
Какъ лѣтній дождь, сойдетъ на насъ
Всеомывающее пламя.

Продлится мигъ, какъ долгій вѣкъ, —
Взойдутъ невѣдомые свѣты...
У лучезарныхъ райскихъ рѣкъ
Сойдемся мы, въ виссонъ одѣты.

Довѣрясь радужнымъ ладьямъ
Мы поплывемъ, минуя мысы...
О, поспѣшите, братья, къ намъ
Въ нетлѣнный садъ, подъ кипарисы!"

⁂

"Есть то, чего не видѣлъ глазъ,
Не уловляло вѣчно ухо:
Цвѣты, лучистѣй, чѣмъ алмазъ,
И дали, призрачнѣе пуха.

Недостижимо смерти дно,
И рѣки жизни быстротечны, —
Но есть волшебное вино
Продлить чарующее вѣчно.

Его испивъ, не меркнущъ я,
Въ полетѣ времени безлетенъ,
Какъ моря валъ изъ бытія —
Умчусь пѣвучъ и многоцвѣтенъ.

И всѣмъ, кого томитъ тоска,
Любовь и бренные обѣты,
Зажгу съ высотъ Материка
Путеводительные свѣты".

⁂

"Дремны плески вечерняго звона,
Мглистѣй дали, туманнее боръ.
Отъ закатной черты небосклона
Ты не сводишь молитвеный взоръ.

О туманахъ, о сѣверномъ лѣтѣ,
О пустынѣ моленья твои
Обо всѣхъ, кто томится на свѣтѣ
И кто ищетъ ко Свѣту пути.

Отлетятъ лебединыя зори,
Мракъ и вьюги на землю сойдутъ
И на тлѣюще-дымномъ просторѣ
Безотзывно молитвы замрутъ.

⁂

— — — — — — —

"Такая хрупко-испитая
Разсвѣтнымъ кажешься ты днемъ,
Непостижимая, святая,
Небесъ отмѣчена перстомъ.

Наединѣ, при встрѣчѣ краткой,
Давая совѣсти отчетъ,
Тебя вплетаю я украдкой
Въ видѣній пестрый хороводъ:

Панель, толпа... И вотъ картина,
Необычайная чета:
Въ слезахъ лобзаетъ Магдалина
Стопы пречистыя Христа

Какъ ты, раскаяньемъ объята,
Янтарь разсыпала волосъ, —
И взоромъ любящаго брата
Глядитъ на грѣшницу Христосъ".

"Радость видѣть первый стогъ,
Первый снопъ съ родной полоски,
Ѣсть отжиночный пирогъ
На межѣ, въ тѣни березки,

Знать, что небо ввечеру
Надъ избой затеплитъ свѣчки,
Лики ангеловъ въ бору
Отразятъ лѣсныя рѣчки...

Счастье первое дитя
Усыплять въ скрипучей зыбкѣ,
Темной памятью летя
Въ край, гдѣ пѣсни и улыбки,

Уповать, что міръ потерь
Канетъ въ сумерки безвѣстья,
Что какъ путникъ, стукнетъ въ дверь
Ангелъ съ вѣтвью благовѣстья".

⁂

"Прохожу ночной деревней.
Въ темныхъ избахъ нѣтъ огня
Явью сказочною, древней,
Потянуло на меня.

Въ настоящемъ разувѣрясь,
Стародавнихъ полонъ силъ,
Распахнулъ я лихо ферязь,
Шапку-соболь заломилъ.

Свистнулъ, хлопнулъ у дороги
Въ удалецкую ладонь,
И, какъ вихорь, звонконогій
Подо мною взвился конь

Прискакалъ. Дубровнымъ звѣремъ
Конь храпитъ, копытомъ бьетъ;
Предо мной узорный теремъ,
Нѣтъ дозора у воротъ.

Привязалъ гнѣдого къ тыну;
Будетъ лихо, али прокъ, —
Поясъ шелковый закину
На точеный шеломокъ.

Скрипнетъ крашеная ставня...
"Что, разлапушка, — не спишь?
Не спроста повѣсу-парня
Знаютъ Кама и Иртышъ!

Наши хаживали струги
До Хвалынщины подчасъ, —
Не изсякнутъ у подруги
Бирюза и канифасъ..."

Прояснилися избенки,
Рѣчка въ утреннемъ дыму.
Гусли-морокъ, всхлипнувъ звонко,
Искрой канули во тьму.

Но въ душѣ какъ хмѣль струится
Вѣщихъ звуковъ серебро —
Отлетѣвшей жаро-птицы
Самоцвѣтное перо".

⁂

— — — — — — —

"Источая кровь и пламень,
Шестикрылъ и многоликъ,
Съ начертаньемъ бѣлый камень
Мнѣ вручилъ Архистратигъ.

И сказалъ: "Вѣнчайся бѣлымъ
Твердо-каменнымъ вѣнцомъ,
Будь убогъ и теменъ тѣломъ,
Свѣтелъ духомъ и лицомъ.

И другому талисману
Не ввѣряйся никогда —
Я пасти не перестану
Съ высоты свои стада.

На крылахъ кроваво-дымныхъ
Облечу подлунный храмъ,
И изъ пепла тѣлъ невинныхъ
Жизнь лазурную создамъ".

Вѣренъ ангела глаголу,
Вдохновившему меня,
Я сошелъ къ земному долу
Полонъ звуковъ и огня".

Трудно повѣрить, что стихи такого изящества были написаны крестьяниномъ-самоучкой.

Въ 1933 г. онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Нарымскій край по однимъ свѣдѣніямъ за его "Погорѣльщину", по другимъ — за выступленія его на собраніяхъ, устраиваемыхъ для него его друзьями; вѣрнѣе же всего за то, что былъ онъ самый опасный, "нутряной" врагъ совѣтской власти и она это понимала. Клюевъ умеръ осенью 1937 года въ вагонѣ желѣзной дороги во время какого то своего переѣзда. Похороненъ онъ близъ желѣзнодорожной станціи, но какой именно, никто не знаетъ. Багажъ, въ которомъ онъ везъ многія свои позднѣйшія произведенія, утерянъ.

Такъ погибъ вышедшій изъ самой народной толщи русскій крестьянинъ, большой поэтъ, не слагатель рифмъ, но человѣкъ, надѣленный поэтическимъ міровоспріятіемъ и даромъ слова для того, чтобы излить его въ художественныхъ формахъ, полныхъ звуковой и смысловой красоты. Погибъ оттого, что его "всенародное сердце", послѣ того, какъ ознакомилось поближе съ невѣстой, отказалось вѣнчаться съ "Октябрьской грозой".

Н. М.

О мѣстѣ и времени очереднаго собранія членовъ Союза будетъ сообщено своевременно.

Imprimerie S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant

Journal trimestriel

LA PAROLE RUSSE

Directeur N. MAYER

Союзъ для защиты чистоты русскаго языка

84, Boulevard Malesherbes — Paris (8e)

N° 10 1960 — JUILLET, AOUT, SEPTEMBRE — 1960 N° 10

Защита чистоты русскаго языка не реакція, не проповѣдь неизмѣняемости однажды принятыхъ формъ, не противодѣйствіе органическому развитію русскаго слова. Она противодѣйствуетъ внѣдренію въ русскую рѣчь большевицкаго жаргона, эмигрантскихъ заимствованій и ничѣмъ необоснованныхъ претенціозныхъ искаженій.

Дѣло Пастернака

Это заглавіе можетъ быть понято различно.

Во первыхъ, какъ административное дѣло о Пастернакѣ, какъ дѣло совѣтскаго правосудія надъ Пастернакомъ, съ необходимой канцелярщиной т. е. съ документами, постановленіями, административной перепиской и пригозоромъ, общій смыслъ котораго намъ извѣстенъ — признать Пастернака, какъ писателя, опасной для совѣтской власти величиной.

Во вторыхъ, какъ дѣло всей жизни Пастернака, дѣло, которому онъ служилъ своимъ творчествомъ, своими поступками; какъ дѣло, ради осуществленія котораго онъ пожертвовалъ легло дававшейся ему славой совѣтскаго писателя, связаннымъ съ этимъ званіемъ широкимъ матеріальнымъ благополучіемъ, Нобелевской преміей, восторгами совѣтской толпы, если и не искренними, то во всякомъ случаѣ обезпе-

Prix — 100 fr. **Abonnement — 350 fr.**

ченными для каждаго признаннаго совѣтами автора; того дѣла, которое онъ, если не вполнѣ, то въ большой мѣрѣ и осуществилъ. Можетъ быть даже неожиданно для самого себя.

Объ административномъ шумѣ, поднятомъ совѣтами вокругъ "Доктора Жизаго" и о политическомъ значенiи этого романа написано съ избыткомъ и въ эмигрантской, и въ иностранной прессѣ. И только о подлинной литературной цѣнности этого произведенiя не написано достаточно, равно какъ и о причинѣ тѣхъ большихъ послѣдствiй, которыя были вызваны такимъ маленькимъ событiемъ, какъ появленiе на свѣтъ "Доктора Живаго".

Теперь, по-смерти Пастернака, можно восполнить этотъ пробѣлъ безобидно для кого бы то ни было.

Исторiя этого романа даетъ яркiй примѣръ того ненормальнаго явленiя, что произведенiе какого либо искусства оцѣнивается, иной разъ, не по достоинствамъ самого произведенiя, но или по предшествовавшимъ заслугамъ автора, или по инымъ окольнымъ причинамъ, вызвавшимъ незаслуженный шумъ вокругъ него.

Давно уже пора сказать, что "Докторъ Живаго" романъ слабый, ничѣмъ не замѣчательный ни со стороны художественной, ни даже съ точки зрѣнiя политическаго его значенiя. Если бы безъ всякаго шума онъ былъ напечатанъ въ СССР, то, по всей вѣроятности, онъ остался бы такъ же мало извѣстенъ заграничнымъ читателямъ, какъ и большинство произведенiй совѣтскихъ авторовъ.

Совѣтскiй Союзъ Писателей, которому Пастернакъ представилъ его, совершилъ крупную ошибку, забраковавъ его какъ не отвѣчающiй генеральный политической линiи. Утративъ надежду на изданiе его в СССР Пастернакъ передалъ его посѣтившему его члену итальянской коммунистической партiи издателю Фельтринелли для изданiя его заграницей. Узнавъ объ этомъ Александръ Сурковъ по порученiю Союза совершилъ путешествiе въ Италiю и, отъ имени автора, потребовал рукопись, якобы для внесенiя въ нее поправокъ, на что, конечно, Пастернакомъ уполномоченъ не былъ. Фельтринелли, понимая что это значитъ, отказалъ. Романъ вышелъ въ свѣтъ на итальянскомъ языкѣ, сопутствуемый репутацiей "запрещеннаго", что и создало ему мiровую извѣстность. Съ этой репутацiей онъ и началъ свое дальнѣйшее путешествiе по бѣлу-свѣту, вызывая протесты по поводу ущемленiя совѣтами свободы слова, рождая желанiе пойти на встрѣчу смѣлому автору, переступившему съ большимъ рискомъ и опасностями чрезъ совѣтскiя запрещенiя, которыя ему легко было предвидѣть.

Такова странная судьба этого романа, такова странная судьба его автора. Непонятна слава, пристегнувшаяся къ этому посредственному произведенiю, непонятенъ резонансъ ея у насъ на родинѣ. Можетъ быть потому именно такъ и широкъ тамъ этотъ резонансъ, что только онъ одинъ и доходитъ туда, романъ вѣдь запрещенъ. Несомнѣнно лишь то, что этимъ романомъ Пастернакъ завершилъ дѣло своей жизни.

Онъ не мирился съ положенiемъ дѣлъ въ странѣ. Это ясно изъ его поэзiи. Своимъ словомъ, своимъ талантомъ онъ хотѣлъ бороться противъ существующаго режима и даже готовился быть призваннымъ къ отвѣту за то немногое, что въ порядкѣ этой борьбы онъ совершилъ:

"Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси".

Онъ испилъ чашу горечи. Но обстоятельства помогли ему выполнить его дѣло. Чѣмъ незначительнѣй поводъ, чѣмъ слабѣе романъ, тѣмъ выпуклѣе сказалась назрѣвшая у людей потребность противиться насилiю. "Спасибо, Пастернакъ", "спасибо отъ художниковъ", "спасибо отъ рабочихъ" звучало надъ его могилой. Изъ устъ людей, едва ли державшихъ въ рукахъ этотъ романъ, знакомыхъ съ нимъ только по резонансу.

Въ нихъ проснулось чувство чести.

Нормальная задача писателя выполнена Пастернакомъ.

Онъ можетъ спать со спокойной совѣстью.

Крестъ на груди

(Эмигрантская повѣсть)

Часть II

Глава I.

Съ тѣхъ поръ, какъ Анна и Кеннель появились въ Парижѣ, жизнь Кармина завертѣлась бѣшеннымъ темпомъ, превратилась въ сплошное празднество и, — что наиболѣе ее осложняло, — въ нее вклинился новый интересъ, настолько сильный, что имъ отодвинуто было на второй планъ все остальное. Раньше она цѣликомъ была заполнена хлопотами по управленiю гаражемъ и исполненiемъ требованiй Осинина по созданiю и дѣятельности лабораторiи. Теперь всѣ помыслы Кармина были заняты Анной. Его отношенiя къ ней принимали все болѣе странныя очертанiя. Никогда, ни къ какой женщинѣ онъ не испытывалъ подобныхъ чувствъ. Она безконечно нравилась ему физически. Кромѣ того она была умна, добра и отзывчива, съ тою тонкостью, которою бываютъ одарены немногiя, избранныя индивидуальности. Онъ не могъ сомнѣваться также и въ томъ, что и онъ, въ свою очередь, нравится ей. Онъ чувствовалъ это, какъ чувствуетъ каждый мужчина истинный смыслъ отношенiй къ нему

избранной имъ женщины. Казалось бы все должно завершиться самымъ обычнымъ, нормальнымъ концомъ, но вотъ этого то конца онъ и не могъ себѣ представить. Еще болѣе страннымъ было то, что не смотря на его страстное желаніе какъ можно тѣснѣе связаться съ Анной, полная близость съ нею казалась ему не только не нужной, но въ какой то мѣрѣ какъ будто даже пугала его. Онъ рѣшительно не могъ разобраться въ томъ, что съ нимъ происходитъ и предпочиталъ встрѣчаться съ Анной только на людяхъ и въ такой обстановкѣ, которая исключала возможность откровенныхъ разговоровъ. Онъ принималъ Анну такою, какой она являлась ему въ короткіе отрѣзки времени ихъ общихъ свиданій — чисто внѣшней, со скрытымъ, незнакомымъ ему внутреннимъ содержаніемъ и потаенною внутренней жизнью.

Въ тотъ годъ, не смотря на конецъ сентября, парижская осень, обычно мозглая и холодная, не хотѣла вступать въ свои права. Дни стояли теплые и прозрачные. Кеннель развернулся во всю ширь. Пикники со своими припасами, слѣдовавшими въ особомъ автомобилѣ, съ остановками на лонѣ природы въ первомъ попавшемся живописномъ мѣстечкѣ окрестностей Парижа, театры, осмотры музеевъ съ послѣдующими обѣдами и ужинами въ самыхъ разнообразныхъ ресторанахъ, не прекращались.

Каждую попытку Кармина участвовать въ расходахъ Кеннель принималъ чуть ли не какъ личную обиду, настаивая на томъ, что это онъ въ долгу у его милыхъ гостей, согласившихся показать ему Парижъ. Особенно интересовался онъ всѣми проявленіями русской эмигрантской жизни. Посѣщая русскій кафедральный соборъ въ Парижѣ онъ, повидимому, былъ взволнованъ, насколько вообще волненіе было ему доступно, великолѣпными церковными пѣснопѣніями православной литургіи. Онъ же широко поощрялъ показывавшихъ свое искусство гитаристовъ и пѣвцовъ въ русскихъ кабаретныхъ пристанищахъ.

Неизмѣнныхъ участниковъ было трое — Анна, Кеннель и Карминъ. Каждый разъ назначались время и мѣсто слѣдующаго свиданія и получалось такъ, что все свободное отъ дѣлъ гаража время Кармина оказывалось занятымъ все новыми и новыми времяпрепровожденіями. Выходило такъ, что то главное дѣло, ради котораго состоялось знакомство Кармина съ Кеннелемъ при посредничествѣ Анны, отошло въ сторону, уступивъ мѣсто именно этимъ развлеченіямъ, отъ которыхъ Карминъ не имѣлъ силъ отказаться, потому что они являлись предлогомъ для его встрѣчъ съ Анной, а съ нею все крѣпче и крѣпче связывали его какія то странныя, не ясныя для него узы.

Только одинъ разъ онъ бесѣдовалъ съ Кеннелемъ о своемъ проэктѣ, о лабораторіи, о происходящей тамъ работѣ Осинина и самъ Кеннель, насколько могъ, сократилъ его объясненія, заявивъ, что въ общихъ чертахъ онъ уже знакомъ съ сущностью этого проэкта по объясненіямъ Анны, что онъ находитъ его вполнѣ гуманитарнымъ, заслуживающимъ поддержки и проситъ считать его, Кеннеля, участникомъ этого предпріятія. Онъ познакомился съ Осининымъ, внимательно выслушалъ его объясненія, попросилъ немедленно поставить телефонъ и, кромѣ визитовъ туда время отъ времени вмѣстѣ съ Анной и Карминымъ, часто звонилъ Осинину, чтобы пригласить его принять участіе въ той или иной дружеской встрѣчѣ. Первое время Осининъ охотно принималъ эти предложенія и они веселились вчетверомъ.

Глава II.

Кармина тревожили первоначально взаимоотношенія Кеннеля и Анны. Онъ вообще ничего не зналъ о ней, ни ея прошлаго, ни настоящаго. Зналъ только, что она вдова, была замужемъ за грекомъ и что фамилія ея Киріадисъ. Единственный ихъ разговоръ наединѣ, когда приподнялась чуть-чуть завѣса надъ ихъ внутренней жизнью, произошелъ въ вечеръ ихъ перваго знакомства, когда они, сойдя съ поѣзда, блуждали въ невѣдомыхъ французскихъ поляхъ. Съ тѣхъ поръ интересъ ихъ встрѣчъ исчерпывался тѣмъ, что въ данный моментъ занимало ихъ вниманіе, тѣмъ, что происходило внѣ ихъ.

Онъ не зналъ того, на какія средства живетъ Анна. И мысль, не помогаетъ ли ей Кеннель и если да, то чѣмъ она платитъ ему за это, тревожила его. И вновь было странно, что не ревность создавала въ немъ это безпокойство, а боязнь, что открытіе чего либо большаго, чѣмъ простая дружба между Анной и Кеннелемъ, уничтожитъ ту чистоту, которою такъ явственно, казалось ему, овѣянъ былъ обликъ этой милой его сердцу женщины.

Кеннель не могъ скрыть своего обожанія, не смотря на всю свою холодность и сдержанность. Оно выдавало себя иной разъ особой пристальностью его взгляда, иной разъ непроизвольной торопливостью движенія его для той или другой незначительной услуги Аннѣ. Его отношенія къ ней были слишкомъ очевидны. Она же держала себя въ той мѣрѣ независимо и въ той мѣрѣ просто по отношенію къ Кеннелю, какъ не могла бы держать себя женщина, чѣмъ либо ему обязанная. И предположеніе свое о какой либо связи ихъ, кромѣ дружеской, Карминъ отбросилъ радостно и съ чистымъ сердцемъ.

Желаніе же свое понять до конца истинный смыслъ своихъ собственныхъ отношеній съ Анной онъ отбросить не могъ и зналъ, что не успокоится до тѣхъ поръ, покуда они не станутъ совершенно ясными. По недавно заведенному имъ обычаю обращаться за помощью къ дневнику въ случаяхъ трудныхъ думъ и переживаній, онъ и теперь прибѣгъ къ этому средству. Получилось нѣчто совершенно невразумительное. Когда онъ еще только начиналъ дневникъ, онъ взялъ за правило записывать съ абсолютной искренностью, не стыдясь себя, рѣшительно всѣ свои мысли и всѣ свои чувства, такъ, какъ они выливаются, какъ бы ни были они нелѣпы или чудовищны. Такъ онъ и дѣлалъ до сихъ поръ. На этотъ разъ, когда онъ излагалъ то, что творилось въ его душѣ, получалось нѣчто ни съ чѣмъ несообразное. Онъ писалъ, и вмѣсто мыслей и доводовъ, при-

годныхъ къ тому, чтобы объяснить происходящую въ немъ сумятицу, изъ подъ пера его выливались чуть не стихотворенія въ прозѣ.

Вотъ нѣкоторыя его записи:

"Странныя чувства у меня къ этой женщинѣ. Я вижусь съ ней только днемъ, когда она скрыта досаднымъ платьемъ, крадущимъ чистоту ея формъ и движеній. И слова, которыя она произноситъ, въ свою очередь окутываютъ ее безцвѣтнымъ хитономъ.

Они звучатъ гдѣ то тамъ, внизу, какъ будто мы стоимъ на горѣ, а они раздаются въ долинѣ. Они говорятъ про что то ненужное, иногда задѣваютъ насъ и царапаютъ.

Я боюсь въ эти минуты, что она подойдетъ ко мнѣ близко, потому что всякій разъ, какъ это случается, что то сильнѣйшее меня толкаетъ упасть на колѣни и обнять руками то, что украдено у меня ея платьемъ.

Я заставляю себя застыть въ неподвижности и, взамѣнъ, лишь фантазіей прикосновеній возстанавливаю тайную связь, которая могла бы существовать между нами.

Иногда мой отвѣтъ на ея слова бываетъ невпопадъ, оказывается такимъ, что изумляетъ ее и приводитъ ее въ замѣшательство. Но если взглядъ мой говоритъ въ то же время: "Я рабъ твой! Ты — самое дорогое, что существуетъ для меня на свѣтѣ!", то мгновенный румянецъ покрываетъ ея щеки и неловкія движенія ея сдерживают ея порывъ приблизиться ко мнѣ.

Что все это значитъ?"

⁂

Я ни разу не слыхалъ изъ ея устъ: "люблю!"

Можетъ быть она считаетъ это излишнимъ, если все ясно и безъ того?

Она ошибается! Я жажду сверкающаго зигзага слова, я жду признаній, я жажду слезъ, какъ освѣжающаго дождя.

Безъ всего этого какой то грозовой тучей окутано мое тяжкое счастье.

⁂

Иной разъ, по вечерамъ, когда я остаюсь одинъ у себя, я люблю представить себѣ, что то, что кажется мнѣ такимъ далекимъ и недостижимымъ, уже произошло, что грань, покуда еще раздѣляющая насъ какъ мужчину и женщину, перейдена.

И вотъ она у меня, въ этой комнатѣ, въ моей постели. Она спитъ въ широкой, раскидистой позѣ. Легкая рубашка едва скрываетъ ея полуобнаженныя груди, такія молодыя, такія веселыя.

Въ тѣ мгновенья, когда угасаетъ ея духъ, я люблю ее полной любовью.

Мой рабочій столъ я примостилъ къ ея изголовью. Низкій зонтикъ-лампа стоитъ клубкомъ мягкаго свѣта и освѣщаетъ поверхность стола, тратя на это всѣ свои силы. Постель ея въ полумракѣ, но я знаю, что она тамъ. Я знаю, что въ этой постели лежитъ прекрасное. Прекрасное, становящееся для меня безупречнымъ, когда угасаетъ ея духъ.

Это прекрасное — мое.

Я могу взять его въ свои тѣлесныя объятія, прижать къ себѣ, ощутить его прикосновенія... но этого нельзя сдѣлать не разбудивъ ея мыслей и чувствъ.

Въ эти минуты я больше люблю только знать что оно мое.

Я становлюсь на молитву, когда она засыпаетъ... то есть я сажусь за столъ и пишу вотъ этотъ мой жалкій дневникъ, но я знаю, что это существо, когда оно спитъ, прекрасное какъ синеокое озеро, какъ розовый отъ восхода солнца стволъ березы, какъ снѣговыя вершины горъ, как весь солнечный радостный міръ — мое.

Тогда расширяется грудь и трепещетъ; прохладныя волны касаются лба; губы повторяютъ прозрачныя слова.

И когда она пытается пробудиться и сонно лепечетъ ласковые упреки, я тороплюсь вновь усыпить ее и шепчу: "Спи, милая, спи!"...

Почему все это невозможно? И почему живетъ во мнѣ увѣренность въ томъ, что это невозможно?

⁂

Какая сила связываетъ насъ? Что бросило насъ другъ къ другу? Почему, когда я долго не вижу ее, я тоскую и не нахожу себѣ мѣста? — Тогда тускнѣетъ міръ и жизнь гаснетъ какъ расписной фонарь, свѣтившійся тысячью красокъ, заманчивыхъ и радостныхъ и вдругъ померкшій.

И почему, при всемъ томъ, я боюсь ея близости и избѣгаю ее? Почему глубину ея духа я не знаю и не хочу узнать?

Какимъ образомъ форма, земная форма, можетъ родить восторгъ низъяснимой цѣнности, далекій отъ вожделенія, пропитанный... чѣмъ то... Чѣмъ?

И что это такое? — Солнечный лучъ, родившійся отъ земли? Загадка тѣла? Неизмѣримый вопросъ о взаимодѣйствіи матеріи и духа?"

(продолженіе слѣдуетъ)

Н. Майеръ

Русская народная поэзія

КАКЪ СВЯТЫЯ ГОРЫ ВЫПУСТИЛИ ИЗЪ КАМЕННЫХЪ ПЕЩЕРЪ СВОИХЪ РУССКІИХЪ МОГУЧІИХЪ БОГАТЫРЕЙ

(Былина, напѣтая одной изъ сказительницъ. Олонецкой губерніи)

(Начало см. № 5)

IV.

Отъ гласа тово Богородичнова,
Отъ зова тово Матери-земли сырой
Заскрипѣли, закряхтѣли, застонали горы каменныя.
Всколебалися онѣ, всколыхалися...

Растворялися, разступалися, разъѣзжалися.
Просыпался великой изъ великихъ богатырь,
Богатырь — отъ самъ Святогоръ огромадной,
Открывалъ онъ карманы свои — пещеры темныя,
Выѣзжали изъ тѣхъ пещеръ глубокіихъ
Славные и могучіе богатыри,
Богатыри Свято-Русскіе и всѣ рядышкомъ:
Илья Муромецъ, роду крестіянскова,
Добрыня Никитичъ, боярскій сынъ,
Алеша Поповичъ, роду поповскова,
Иванъ Гостинной, купеческій сынъ
Васька Буслаевъ отъ слободнова Новгорода.
Выѣзжали они, снявъ шеломы, крестилися,
На всѣ стороны, на четыре всѣ низко кланялись,
Подтянувъ богатырскихъ коней, подправлялися,
Пріѣзжали къ ночи на Сафат-рѣку.
Разбивъ бѣлъ шатеръ на рѣкѣ, молилися,
Помолившись, опочивъ держали,
Опочивъ держали, окромя атамана свово,
Казака старова-свѣтъ Ильи Муромца,
За всѣхъ печальника — сына крестіянскова.

***

Богатырскій сонъ глубже моря-океана,
Богатырскій храпъ — на сто верстъ кругомъ.
Не змѣя подколодная — ночка темная
Вкругъ Ильи с сладкимъ шепоткомъ увивается.
— «Ты усни, Илья. приклонись, — сонъ дороже матушки.
Какъ безъ сна бой держать и побѣду кончать?»
Илья слушаетъ, думаетъ, усмѣхается,
Сѣдымъ крутитъ усомъ своимъ, забавляется.
— «Ахъ ты ноченька, ночь, тюрьма каменная!
Не сидѣлъ ли Илья за рѣшеткой твоей,
Слушалъ пѣсни твои, наговоры твои,
Чтобъ уснуть старъ-Ильѣ, чтобъ забыть вся и всѣхъ?...
Не уснулъ, не вздремнулъ сынъ крестіянской Илья,
И сквозь пѣсни твои услыхалъ стонъ Руси,
Разслыхалъ и воззвалъ... Услыхали его.
Сталъ на стражу Илья, за покой мать-земли.
Ахъ, ты, ноченька-ночь, тюрьма каменная!
Сладки пѣсни твои, ко сну тянутъ онѣ.
Да заснетъ старъ-Илья и конченье прійдетъ
Православной Руси и всѣмъ дѣткамъ ее".
Огрызнулась ночка темная вѣтромъ буйнымъ, холоднымъ,
Пролила вѣдьма дождь на Илью съ облака висячева.
Стала змѣя собираться въ путь-дорогу далекую...
А на Божьей сторонѣ, на восточной, цвѣты алые показалися.
Поднялась, заиграла, разсмѣялась Ильѣ зорька свѣтлая,
Передъ солнышкомъ яснымъ — передъ молодцомъ добрымъ вся раскраснѣлася.
Выпрямлялся Илья въ богатырскій свой ростъ,
Воздыхалъ грудью полною,
Омывался въ рѣкѣ, поклонялся Христу,
Припадалъ къ землѣ-матери.
Возставалъ — «что за шумъ? Аль ослышался?» —
Оглянулся. Видитъ онъ — ко Сафатъ-рѣкѣ
Ползетъ туча темная-черная, грозная-превеликая,
Идетъ войско Кривды самой — бусурманское.
И кричитъ старъ-Илья зычнымъ голосомъ.
— Ой, ужъ и гдѣ вы, эсаулы мои, братья названные?
Вы проснитеся, подымитеся, на борзыихъ коней садитеся!
Пріѣзжайте къ атаману своему, Ильѣ — сыну крестіянскому».
Просыпалися витязи могучіе,
Подымалися эсаулы отъ зова богатырскова,
Христу молилися, на коней добрых на своихъ садилися,
Къ атаману свому всѣ съѣзжалися.
И возговоритъ Илья Ивановичъ — сын крестіянской:
— »Ой, и гой же вы эсаулы мои храбрые,
Витязи русскіе могучіе!
Старой казакъ Илья Муромецъ самъ въ лобъ на Кривду пойдетъ.
Ты, Добрыня Никитичъ, ударь справа по Кривдѣ,
Ломи слѣва, Алеша, силу проклятую!
Нажимай ее съ тылу, Иванъ Гостинной!
А ты, Васька изъ Новагорода,
Какъ примѣтишь, гдѣ слобода твоя нужна,
Воля твоя нужна, гулящая да непокорная,
Тамъ и ударь на Кривду!
Да ударь съ гикомъ и посвистомъ молодецкіимъ,
Чтобы Кривда эта испужалася,
Не такъ меча твово булатнова испужалася,
Какъ гика и посвиста твово молодецкова,
Молодецкова, слабоднова да гулящева».
Не соколы ясные на краснова звѣря кидалися,
Русскіе витязи на войско Кривды бросалися.
Стали они силу Кривды колоть-рубить.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ.
Какъ взмахнетъ мечъ булатный Ильи — просѣка видна!
Въ лобъ на Кривду пошел Муромецъ.
Показалась она... Огромадная вся...
Однимъ глазомъ глядитъ... Кривобокая!
Песье рыло замѣсто лица,
Языкомъ, что съ версту обтирается.
Булавой въ сорокъ пудъ размахнулся Илья...
Потемнѣло въ глазахъ, подвернулась нога —
Съ пустымъ мѣстомъ борьба не подъ силу...
Когда всталъ, Кривды нѣтъ... На просѣкахъ вездѣ
Полнымъ-полно опять черной рати...
Тридцать денъ, три часа, три минуточки
Смертнымъ боемъ такимъ бились витязи...

Утомились ихъ плечи могутныя,
Уходились ихъ кони добрые,
Иступились мечи ихъ булатные,
А Кривда все съ боемъ идетъ,
Все новую силу съ боемъ ведетъ.
И упалъ тады Илья — сынъ крестіянской,
И припалъ онъ къ Матери — сырой землѣ.
— «Ой, и гой еси Ты, Богородица,
Богородица моя, Мать — сыра земля!
Ты прислушайся къ Ильѣ, сыну Твому,
Сыну Твому вѣрному — крестіянскому.
Не очамъ его дано было то видѣть,
Не ушамъ его дано было то слышать, —
Сердцу его, оглянувшись, душа тихо
молвила,
Что сила нѣздѣшняя, не небесная,
Не небесная, пододонная,
Рядомъ съ Кривдой стоитъ,
Бой держать Кривдѣ неустанной велитъ».
Подымался старъ-Илья отъ земли на ноги,
Божій крестъ клалъ на себя по писанному.
Почалъ звать эсауловъ — своихъ
товарищей
На послѣдній совѣтъ, на завѣщанной.
Побѣжали они вчетверомъ, становилися:
Усталые, исхудалые, почернѣвшіе,
потемнѣвшіе.
Только слово свое Илья молвилъ,
вздохнувъ,
Какъ примѣтилъ, что витязей больше:
всѣхъ пятеро!
Диво-дивное! Чудо-чудное!
Захотѣлъ опросить, да взглянувъ, опозналъ
Одного изъ воителей, отъ которыхъ бѣжалъ
въ горы каменныя.
Опознали всѣ витязи, опознавъ признали
Вѣрнова братца свово названнаго —
Егорія Храброва.
Склонились отъ стыда жгучева головы
витязей.
Надъ кѣмъ хвастались?.. Съ кѣмъ
боролися? Ково испужалися?
Забывъ службу свою православной Руси
Куда спрятались храбрые?.. На ково
Свято-Русскую бросили...

V.

То не вѣтеръ утренній, ласковой
Пролеталъ надъ дубами высокими,
могучими,
Пролеталъ, пробуждалъ, поднималъ
Головы ихъ ночью темною къ долу
пригнутыя...
То Егорій — свѣтъ Храбрый подходилъ
Подходилъ, подымалъ головы
Русскія-богатырскія,
Подымалъ обнималъ, цѣловалъ,
Цѣловалъ свѣтъ-Егорій, улыбаючись.
То не птичка Божія — жаворонокъ въ небѣ
Дню рабочему-трудному, крестіянскому,
Пѣснь свою ясную, от солнышка завсегда
теплую,
Изъ поднебесья возсылала заутра.
То Егорій Святой своимъ голосомъ,
Распѣвомъ своимъ чистымъ, ангельскимъ,
Смѣючися, утѣшалъ тихо Русских витязей-
работничков:
— "Кто старое, братцы мои, помянетъ тому
глазъ вонъ»!
Отъ цѣлованія тово братскаго-Егорія,
Отъ прощеннаго гласа его теплова, веселова,
Становилися витязи во весь ростъ свой
огромадной,
Раздвигали, выпрямляли богатыри плечи
свои о косу сажень,
Подымали головы свои непобѣдныя съ
шеломами желѣзными,
Хваталися руками могутными своими за
мечи булатные,
Наливалися по жилушкамъ своимъ силою
Русскою стародавнею,
Смотрѣли, не насматривалися на Егорія
Храброва,
На свѣт-Егорія, Заступника земли
Свято-Русской,
По колена ноги у Егорія въ чистомъ
серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голоза у Егорія вся жемчужная,
Власы у него свѣтло-русые и всѣ въ
кудренькахъ,
По всемъ Егории чисты звѣзды.
Младъ, юнъ, неизреченно прекрасенъ
свѣтъ-Егорій,
И горятъ огнемъ глаза ево отъ сердца ево
горячева,
Отъ сердца ево горячово, отъ любви ево къ
землѣ Свято-Русской.
И возговоритъ Алеша-младъ, что первымъ
въ старое время расхвастался:
— «Ты скажи намъ, Егорій-свѣтъ, Егорій
нашъ милостивецъ,
Что эта ль не увидѣлся намъ ты давеча на
Сафатъ-рѣкѣ,
На Сафатъ-рѣкѣ съ звѣздами на небѣ
чистыми?..
Что эта ль не примѣтили мы тебя въ
чистомъ серебрѣ, въ красномъ золотѣ,
Въ красотѣ твоей неизреченной и съ
гласомъ твоимъ ангельскимъ?
Неужели примѣтивъ тебя мы бы съ тобой
дралися, билися»?
И отвѣчаетъ Егорій-свѣтъ гласомъ
своимъ ангельскимъ:
— «Братъ мой, названный, Алеша-младъ,
богатырь Русскій, могучій,
Тебе первому мое наученіе, а прочимъ не
наученье — совѣтъ доброй:
Гнило слово похвальное, —
Похвала человѣку пагуба.
Темнитъ слово похвальное, поспѣшное,
громкое,
Темнитъ разумъ, Господомъ Богомъ
дарованной,
А безъ свѣтлова разума ночка въ сердцѣ
темная....
Много ль, Алеша видится, примѣчается
ночкой осенней-темною»?

(Продолженіе слѣдуетъ)

Вѣчная память участнику Союза
ВЛАДИМИРУ ВЛАДИМИРОВИЧУ
ДЕЙТРИХЪ-КОХАНОВСКОМУ
скончавшемуся 10-го Іюня въ Афинахъ.

Русское слово — русская мысль

Нѣсколько словъ приснопамятнаго Архіепископа Иннокентія Херсонскаго въ защиту чистоты Русскаго языка сто лѣтъ тому назадъ.
(Скончался А. И. въ 1857 г.)

Архіепископъ Херсонскій и Таврическій Иннокентій, по отзыву митрополита Макарія, "не только отличный знатокъ, но геніальный художникъ отечественнаго слова".

Владыка Иннокентій, владѣвшій нѣсколькими иностранными языками, терпѣть не могъ иностранныхъ словъ въ русскомъ текстѣ и въ разговорѣ, безъ которыхъ богатый и даровитый Русскій языкъ свободно можетъ обходиться.

Найдя какъ то въ одной статьѣ иностранное слово архіепископъ Иннокентій обратился къ автору статьи, своему духовному сыну, съ горькимъ упрекомъ:

"Какъ и ты, Брутъ, съ береговъ родимой матушки Волги, за то же? И ты со своимъ перомъ на **родное слово?**. Чувствуешь ли, какъ оно вянетъ на русскихъ губахъ? Но ты вникни въ дѣло поглубже. Я не буду говорить о томъ, что стыдно пренебрегать такимъ богатымъ языкомъ, какъ нашъ языкъ, и что на этом языкѣ мы можемъ свободно, со всею полнотою, выражать и всѣ истины ума, и всѣ ощущенія сердца. Но вотъ во что нужно покрѣпче вдумываться. Мысль и слово находятся между собою въ самой тѣсной связи: и мысль рождаетъ слово, и слово рождаетъ мысль. Ты знаешь: и самъ высочайшій Умъ, Богъ бѣ Слово. А потому я положительно утверждаю, что иноземныя слова замедляютъ развитіе русскаго ума, удерживають его отъ самобытности, самодѣятельности, даже отъ сознанія своихъ силъ. А это само собой разумѣется, не можетъ не сопровождаться самыми худыми послѣдствіями. Если къ Россіи привились науки, если нашъ умственный кругозоръ расширился, то знаешь ли, кого русская земля должна благодарить за это? Да почти исключительно тѣхъ, которые умѣли говорить и писать только по-русски, т. е. лицъ изъ средняго или даже низшаго слоя русскихъ людей. Отъ кого бы, кажется, ближе всего ожидать самаго широкаго развитія нашихъ мыслительныхъ словъ, какъ не отъ нашего передового сословія, гдѣ воспріимчивость впечатлѣній и способность ощущеній и мышленія развились ранѣе, чѣм у насъ съ вами, лапотниковъ или босоногихъ мальчишекъ. Но я, не обинуясь, скажу, если не на него палъ этотъ жребій, то потому, что высшій слой русскаго общества, разучившись писать и даже говорить на родномъ языкѣ, разучился и мыслить по-русски. Ты скажешь: и творцы нашего слова — Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ, Жуковскій, на которыхъ, по обычаю у насъ ссылаются, забывая духовныхъ писателей, которые не менѣе, если не болѣе, и во всякомъ случаѣ ранѣе трудились надъ разработкою родного слова? — Ломоносовъ былъ сынъ народа; Карамзинъ, Пушкинъ, Жуковскій и другіе, хотя и принадлежали къ высшему слою русскаго общества, но могутъ ли они назваться творцами русскаго слова, какъ ихъ обыкновенно величаютъ? То были зодчіе, и безспорно великіе; но откуда они брали матеріалъ для своихъ построекъ, во всякомъ случаѣ прекрасныхъ? Не творили они его и не съ неба доставали; этотъ матеріалъ приготовила для нихъ развившаяся и разнообразившаяся жизнь народа, или вѣрнѣе — жизнь грамотной среды его, т. е. жизнь, работа надъ роднымъ словомъ средняго слоя русскаго общества. Вникни, Брут — волжанинъ, поглубже въ слова мои, и не клади грѣха измѣны родному слову на свою грѣшную душу".

Архіепископъ Иннокентій говаривалъ: "Хорошо идти впередъ, но не слѣдуетъ забывать и прошлаго. Жизнь народная не любитъ скачковъ. Она тогда только правильно развивается, когда похожа на рѣку плавно и тихо текущую въ своихъ берегахъ. Когда трудишься не задавай себѣ вопросовъ: будет ли оцѣненъ твой трудъ?... принесетъ ли онъ чаемую пользу? Если сознаешь, что дѣло полезное — трудись надъ нимъ".

Форбахъ.

Записалъ **Иг. Ѳеодосій.**

ОТДѢЛЪ СОЮЗА ВЪ НЬЮ-IОРКѢ

Въ текущемъ году исполнилось двадцать пять лѣтъ существованія "Общества имени А. С. Пушкина въ Америкѣ" (1935-1960). На пятый годъ существованія "Союза защиты чистоты русскаго языка" дѣятельность этихъ обѣихъ организацій соприкоснулась. Подъ водительствомъ Предсѣдателя Общества Б. Л. Бразоля при немъ образовался "Отдѣлъ Союза защиты чистоты русскаго языка при Обществѣ имени А. С. Пушкина".

Въ немъ принимаютъ участіе (въ алфавитномъ порядкѣ). В. Г. Базилевъ, Н. А. Болотова, Б. Л. Бразоль, А. П. Волковъ, В. И. Карповъ, А. М. Михѣева, Л. И. Михѣевъ, Г. В. Мѣсняевъ, Н. П. Хирьяковъ, выработавшіе программу дальнѣйшей дѣятельности Отдѣла.

"РОССІЙСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ"

№ 12-й журнала новой эмиграціи въ Америкѣ "Россійская Независимость" прибѣгаетъ къ такой рекламѣ: "Вниманіе! Если ты русскій и тебѣ дорога честь твоей націи, то исполни свой національный долгъ. Купи нѣсколько номеровъ "Россійской Независимости" и пошли ихъ своимъ друзьямъ и знакомымъ".

Обращаемся къ ней той же манерой:

"Россійская Независимость"! Вниманіе! Если ты русская и тебѣ дорога честь твоей націи, то исполни свой національный долгъ. Перестань писать по-совѣтски и научись писать по-русски".

Руководствуйся вышеприведеннымъ образцомъ.

НѢКОТОРЫЯ ПРАВИЛА ПРАВОПИСАНІЯ

Буква "э" употребляется только въ началѣ нѣкоторыхъ мѣстоим., нарѣч., и междом.: этотъ, этакъ, эхъ. Чаще всего она встречается въ словахъ иностранныхъ: экзаменъ, элементъ, поэзія и др.

"Ъ" и "ь" ставятся только послѣ согласныхъ; "ъ" показывает твердое, "ь" мягкое произношеніе.

Внутри словъ "ъ" пишется только въ приставкахъ передъ гласными е, ѣ, э, я, ю, чтобы звуки эти не сливались съ предшествующимъ въ одинъ слогъ: подъемъ, объясненіе, трехъэтажный. Передъ а, о, у "ъ" выпадаетъ: отобѣдать, сумасшедшій.

"Ъ" + "и" составляютъ "ы": предыдущій (предъидущій).

«РУССКАЯ РѢЧЬ» ПРОДАЕТСЯ:

Книжный магазинъ — 10 рю де Карм, Парижъ 5.

Книжный магазинъ «Кама» — 27, рю де Виллье, Нейи.

Ростовцевъ — 45, рю Вавэн, Париж 6.

«Семис» — 125, рю дю Театр, Париж 15.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

Членамъ Союза и подписчикамъ "Рус. Рѣчи". Не забудьте п рислать ваши членскіе взносы и возобновить абонементъ на слѣдующіе за вашимъ срокомъ номера "Русской Рѣчи". Всю корреспонденцію, въ томъ числѣ и денежную, слѣдуетъ направлять по адресу:

N. Mayer — 8, rue St. Julien-le-Pauvre, Paris 5-me.

Желающихъ получить письменный отвѣтъ на присылаемыя письма просимъ прилагать соотвѣтствующую марку. Почтовые расходы стали обременительными.

Слѣдующее очередное собраніе членовъ Союза состоится въ концѣ Сентября, о чемъ будетъ своевременно оповѣщено.

"ЗНАМЯ РОССИИ" № 197.

"Историат" въ статьѣ Чухнова.
"Констатація" въ статьѣ П. Лиходѣя.

Imprimerie S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant

Journal trimestriel

LA PAROLE RUSSE

Directeur N. MAYER

Союзъ для защиты чистоты русскаго языка

84, Boulevard Malesherbes — Paris (8e)

N° 11 1960 — OCTOBRE, NOVEMBRE, DECEMBRE — 1960 N° 11

Защита чистоты русскаго языка не реакція, не проповѣдь неизмѣняемости однажды принятыхъ формъ, не противодѣйствіе органическому развитію русскаго слова. Она противодѣйствуетъ внѣдренію въ русскую рѣчь большевицкаго жаргона, эмигрантскихъ заимствованій и ничѣмъ необоснованныхъ претенціозныхъ искаженій.

Подвигъ С. А. Толстой

Женщинамъ больше, чѣмъ мужчинамъ, свойственны жертвенность и подвижничество. Только лучшіе изъ лучшихъ мужчинъ вмѣщаютъ этотъ даръ, какъ величайшее достиженіе ихъ духовной красоты. У женщинъ онъ есть результатъ ихъ предназначенія въ страданіяхъ и восторгахъ самопожертвованія производить себѣ подобныхъ, результатъ почти цѣликомъ ихъ физическаго устройства. Способность къ этому обычному, никого не удивляющему подвигу, свойственна всѣмъ женщинамъ, даже остающимся дѣвственными всю жизнь. Эта физическая потребность жертвеннаго материнства неистребима у женщинъ и расточается ими не только на тѣхъ, кого онѣ производятъ своимъ тѣломъ, но и на тѣхъ, кого усыновляютъ своимъ духомъ, своей всегда жертвенной женской любовью.

Одно изъ лучшихъ подтвержденій этихъ истинъ даетъ Софья Андреевна Толстая, па-

Prix — 100 fr. **Abonnement — 350 fr.**

мять о которой ея мужъ заслонилъ своей огромной тѣнью. Она была первой и наиболѣе пострадавшей жертвой той двойственности, той внутренней борьбы съ самимъ собой, которую носилъ въ себѣ всю свою жизнь Левъ Толстой, она больше, чѣмъ кто либо, отдала всю себя на служенiе своему генiальному мужу.

Среди огромной "Толстовской" литературы имѣется нѣсколько книгъ, касающихся непосредственно нашей темы. Одна изъ нихъ "Мадамъ Толстая", Сюзанны Норман, написана въ 1932 г., другая, появилась въ Iюнѣ 1960 г., будто прiуроченная къ предстоящей въ Ноябрѣ пятидесятой годовщинѣ смерти Толстого, — "Мифъ Толстого" Эме Александр. Она настолько близка нашей темѣ, что съ полнымъ правомъ могла бы быть озаглавлена "Мифъ Толстого и быль Толстой".

Журналистъ, давшiй о ней отчетъ, подписанный буквами П. К., назвалъ ее "страшной книгой". Это вѣрно, но не полно. Нельзя не прибавить, что эта книга одна изъ тѣхъ, которыя не только читаются, но и перечитываются.

Эти двѣ книги интересны для насъ еще и потому, что написаны онѣ женщинами о женщинѣ.

⁂

Еще дѣвочкой слушала Сонечка разсказы Толстого о войнѣ. Онъ былъ другомъ ея семьи. Онъ былъ старше нея на шестнадцать лѣтъ. Когда онъ отправился въ Севастополь, она завязала узломъ ленту на стулѣ, на которомъ онъ сидѣлъ... Узелъ!.. Предзнаменованiе?

Восемнадцати лѣтъ она стала женой. Женщины иной раз выходятъ замужъ только для того, чтобы увидѣть себя во всей красотѣ подвѣнечнаго платья. А тутъ еще и графиня! и жена писателя, о которомъ кричитъ печать!

Увы! еще до свадьбы въ радужный вѣнокъ ея дѣвическихъ надеждъ стали вплетаться тернiи, превратившiе его постепенно въ мученическiй вѣнецъ жены Толстого. Черезъ девятнадцать дней послѣ объявленiя помолвки онъ, какъ впослѣдствiи его автобiографическiй Левинъ, далъ невѣстѣ прочесть свой дневникъ. Въ это "познай себя" онъ записывалъ съ предѣльной искренностью всѣ взлеты и паденiя своей холостяцкой жизни, не исключая и ту грязь, въ которую позволялъ себѣ падать. Не потому, можетъ быть, что толкали его въ нее его животные инстинкты; дѣйствительно для того, можетъ быть, чтобы лучше понять самого себя, чего до конца своей жизни онъ такъ и не успѣлъ; потому, можетъ быть, что предписывало ему подсознательное стремленiе творца скульптурныхъ образовъ своихъ героевъ узнать до конца человѣческую душу во всѣхъ ея проявленiяхъ? — Можетъ быть. Какъ бы то ни было въ дневникѣ была грязь.

Это былъ первый узелокъ, связавшiй ихъ судьбы. Принимавшая уже поздравленiя невѣста Соничка не могла безъ ущерба для своей женской гордости отказать жениху. Можетъ быть надѣялась она, что любовь все искупитъ. Можетъ быть она не поняла многаго въ этомъ дневникѣ. Одного въ немъ она не поняла несомнѣнно, а именно того, что женихъ передалъ ей дневникъ, чтобы облегчить себя, чтобы избѣжать раскаянiя въ старыхъ грѣхахъ, которое пришло бы, если бы онъ скрылъ ихъ отъ нея и продолжало бы обременять его душу. Если не откажетъ, значитъ простила. Ему легче, но... Соничкѣ-то?... тяжелѣе?.. Даже въ томъ случаѣ, если казалось ему "нечестнымъ" скрыть отъ нея себя, такого, какимъ былъ онъ на самомъ дѣлѣ, то какъ же не указала ему совѣсть на святость такого обмана? — Уже въ этомъ небреженiи къ духовному мiру своей невесты, къ ея страданiямъ, какъ и вообще ко всѣмъ страданiямъ, кромѣ собственныхъ, весь Толстой, "непревзойденный эгоистъ". "Несчастье Толстого въ томъ, что онъ не способенъ любить кого бы то ни было, кромѣ самого себя" — сказалъ Тургеневъ. "Это ложь! — воскликнула одна француженка, поклонница романиста Толстого. — Человѣкъ, описавшiй любовь Вронского и Карениной, не могъ не умѣть любить". — Логическому французскому разсудку чужда нелогичность русской души. Толстой самъ признается: "Какъ ужасно, что я не могу любить". Проходя гостинную онъ видитъ двухъ сыновей и говоритъ о нихъ: "Два бородатыхъ мужика играли въ шахматы". Софья Андреевна отмѣчаетъ слова Толстого: "Я живу какъ христiанинъ. Ты этого не понимаешь". — "Какъ говорить о жизни христiанина тамъ, гдѣ нетъ ни одной капли любви ни для дѣтей, ни для меня, ни для кого бы то ни было, кромѣ самого себя".

48 лѣтъ супружеской жизни. За двадцать пять лѣтъ она была беременной тринадцать разъ, а онъ... Онъ такъ и не научился понимать живыхъ женщинъ. Въ "Крейцеровой сонатѣ": "Перiоды чувственности перемежаются съ перiодами охлажденiя въ результатѣ удовлетворенности". Это невѣрно. "Частыя физическiя сношенiя не удовлетворяютъ женщину, но сильнѣе возбуждаютъ ее. Спокойствiе наступаетъ послѣ долгаго ихъ перерыва". И дальше: "Если бы поклонники "Крейцеровой сонаты" знали правду о его любовной жизни, они сбросили бы свое божество съ пьедестала, на который они его поставили". Когда послѣ ночи любви она ищетъ нѣжности и ласки, онъ замыкается въ своей непревзойденной горделивости и въ отвѣтъ она встрѣчаетъ холодные удивленные глаза. "Когда онъ закончитъ свою любовную жизнь со мной, онъ выброситъ меня изъ своей жизни цинично и безжалостно". Такъ и произошло. "Чего я достигла своей любовью? Она принесла мнѣ только страданья и униженiя". Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ своей жизни онъ дошелъ до убiйственной фразы: "Тамъ, гдѣ ты — воздухъ отравленъ".

"Какой жалостный конецъ одной изъ супружескихъ авантюръ!" — подводитъ итогъ Александръ.

Какой трагическiй образъ одной великой любви, отравленной безотвѣтностью.

⁂

Въ совмѣстную жизнь Толстой внесъ свою двойственность: человѣка обыкновенного и человѣка необычного, "четырехъ измѣренiй", сверхчеловѣка и постоянную борьбу между ними. Софья Андреевна была свидѣтельницей ея,

а часто и участницей. Постепенно раскрывались передъ нею безпредѣльное честолюбіе мужа, его стремленіе проповѣдывать то, чего онъ самъ не могъ осуществить, его жажда безсмертія вмѣстѣ съ неотступно преслѣдующимъ его страхомъ смерти. Постепенно она поняла его постоянный самообманъ и научилась не вѣрить тѣмъ маскамъ, которыя онъ надѣвалъ, чтобы спастись отъ самого себя. Какія переживанія должна была она перенести, чтобы превратиться изъ веселой, полной юношескихъ силъ Сонички, вѣрующей всѣмъ существомъ своимъ что жизнь прекрасна, въ разочарованную Софью Андреевну, потерявшую все, кромѣ своей оскорбленной, никому не нужной, растоптанной и все таки не оставляющей ее любви. И чѣмъ была заполнена пропасть, которая отдѣлила женщину, писавшую въ 1883 г.: "Левъ Толстой человѣкъ, идущій впереди толпы, указывающій ей путь, а я — я часть толпы, слѣдую по теченію. Я вижу свѣточь, но не могу итти быстрѣе другихъ", отъ той же женщины, спрашивавшей себя нѣсколько лѣтъ позднѣе: "Свѣточь, которымъ мой мужъ потрясаетъ передъ ослѣпленнымъ человѣчествомъ, — не свѣтлячокъ ли это, отъ котораго только дурной запахъ останется, если его раздавить".

⁂

Подвигъ Софьи Андреевны состоитъ въ томъ, что она не только не мѣшала, но помогала своему обыкновенному мужу превращаться въ необыкновеннаго и воплошаться въ Наташу Ростову, въ князя Андрея, въ Наполеона, чтобы изсѣкать словами ихъ неумирающіе образы, какъ изсѣкаютъ рѣзцомъ изъ мрамора. Если бъ не было ея около Толстого, если бъ не создавала она того окруженія, которое нужно было ему для его работы, неизвѣстно, были бы написаны его единственныя въ мірѣ произведенія.

И внушала ей этотъ подвигъ ея неугасимая любовь, заставившая ее подражать Толстому и обманывать себя такъ, какъ онъ обманывалъ себя всю жизнь. "Я прожила со Львомъ Николаевичемъ сорокъ восемь лѣтъ и не смогла узнать что это за человѣкъ". — Она прекрасно знаетъ что это за человѣкъ, но не позволяетъ себѣ признаться въ этомъ, запрещаетъ себѣ повѣрить тому, что она знаетъ. Она знаетъ его лучше, чѣмъ онъ самъ себя: "Я въ восторгѣ, прочтя, что ты хочешь вновь заняться литературой! Ты угадалъ то, чего я ждала и такъ долго хотѣла. Въ этомъ спасеніе, въ этомъ истинная радость. Это насъ вновь соединитъ, утѣшитъ тебя и освѣтитъ нашу жизнь. Ты созданъ для этого труда и безъ него никогда не найдешь покоя".

Неистребимая любовь велитъ ей простить ему все что она знаетъ, — отъ обманувшаго ее свѣточа до внушавшихъ ей отвращеніе грязныхъ ногъ его въ періодъ "опрощенія", до посѣщавшихъ ее мыслей о самоубійствѣ, виновникомъ которыхъ былъ онъ.

Это любовь ведетъ каждый день ее, семидесятилѣтнюю старуху къ могилѣ ея Левушки, чтобы положитъ на нее цвѣты.

Та любовь, которая всю ея жизнь дѣлала ее счастливою своимъ несчастьемъ.

⁂

Да будетъ этотъ отчетъ о книгѣ "Мифъ Толстого" не хулою на нашего великаго художника, но воздаяніемъ должнымъ должнаго.

Русская народная поэзія

КАКЪ СВЯТЫЯ ГОРЫ ВЫПУСТИЛИ ИЗЪ КАМЕННЫХЪ ПЕЩЕРЪ СВОИХЪ РУССКІИХЪ МОГУЧИХЪ БОГАТЫРЕЙ

(Былина, напѣтая одной изъ сказительницъ Олонецкой губерніи)

Стародавнія былины разсказываютъ, что перевелись богатыри на русской землѣ черезъ ихъ хвастовство. Побѣдивъ однажды силу басурманскую богатыри стали хвастаться, а Алеша Поповичъ прямо заявилъ: "Подавай намъ силу нездѣшнюю, мы и съ той силой справимся". И сейчасъ же предстала передъ ними сила нездѣшняя — двое воителей и сказали: "А давайте съ нами, витязи, бой держать. Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро". Не признали богатыри, что эти двое были Егорій Храбрый и Архангелъ Михаилъ и стали съ ними биться. Какъ разсѣкутъ двоихъ, ихъ становится четверо, разсѣкутъ и ихъ, станетъ восьмеро, и такъ все росла и росла сила нездѣшняя. Испуганные богатыри кинулись спасаться подъ защиту своего старшаго брата, вѣчно спящаго Святогора. "Позналъ сердцемъ мольбу витязей горькую, хватилъ Святогоръ русскихъ витязей. По карманамъ своимъ — по пещерамъ глубокіимъ поразсовалъ".

О томъ же разсказываетъ и начало предлагаемой былины. Дальше она повѣствуетъ уже явно о современности; о томъ, какъ въ этихъ пещерахъ богатыри "не спятъ и въ темнотѣ своей не видютъ, но усе слышуцъ, усе разумомъ своимъ понимаютъ. Какъ по Святой Руси Кривда пошла, разгулялася, какъ она поѣдомъ-ѣстъ народъ православной, церкви Божіи закрываетъ, людей русскіихъ убиваетъ".

О какой кривдѣ, пришедшей на землю Свято-Русскую подъ видомъ Христа, а на самомъ дѣлѣ Антихриста, поетъ крестьянка Олонецкой губерніи? Не о той ли, которая, подобно Христу, обѣщала дать справедливость, радость и счастье всѣмъ народамъ, а на самомъ дѣлѣ принесла, подобно Антихристу, нищету, слезы и униженія. И не о тѣхъ ли богатыряхъ русскихъ, которымъ будетъ прощено ихъ хвастовство и которые придутъ завтра для борьбы съ силой нездѣшней, держащей сегодня въ когтяхъ землю Свято-Русскую? (Начало см. №№ 5 и 10)

VI.

И пошло слово доброе свѣтъ-Егорія къ богатырямъ Русскимъ,
Къ богатырямъ Русскіимъ въ самое сердце ихъ горячее.
Въ томъ сердцѣ своемъ они заложили, въ умѣ-разумѣ проявили,
Чтобы на всѣ времена вѣчныя, на всѣ вѣка длинные
Ничѣмъ не хвалитися, ни предъ кѣмъ не похвалятися...
И только это они въ сердцѣ своемъ такое заложили,
Въ сердцѣ своемъ заложили, въ умѣ-разумѣ проявили,
Какъ запримѣтили рядомъ со Егоріемъ Храбрымъ
Другого воителя, свѣтлова-пресвѣтлова, великова, могучева,
Запримѣтивъ, признали, что и съ нимъ на Сафатъ-рѣкѣ боролися,
А признавъ, на колѣни, какъ одинъ, всѣ опустилися,
Всѣ опустилися, до земли матери сырой всѣ поклонилися.
Русскіе витязи, во грѣхѣ своемъ исповѣдались,
Архангелу Михаилу, Архистратигу Небесныхъ силъ поклонилися.
И возговоритъ Архангелъ Михаилъ, Архистратигъ Божій:
— "Не мнѣ, слугѣ Божьему, служителю вашему кланяйтесь!
Господу-Богу, Христу Іисусу, Его Матери Пречистой,
Богородицѣ, Заступницѣ вашей кланяйтесь!..
Кланяйтесь и подымайтесь, вставайте витязи, богатыри стародавніе!
На добрыхъ на коней своихъ борзыихъ садитеся.
Начинайте бой послѣдній, бой смертный со Кривдою
Бой смертный со Кривдою въ защиту земли Свято-Русской,
Обходите вы войско Кривды поганое съ трехъ сторонъ,
А четвертую — напереднюю я возьму со Егоріемъ, братцемъ моимъ названнымъ"!
Тяжело отъ силушки новой богатыри подымалися;
Грузно на Мать-землю сырую опиралися;
На борзыихъ на коней своихъ садилися, укрѣплялися.
Борзые кони однимъ скокомъ сто верстъ дѣлали.
Сто верстъ дѣлали, войско Кривды съ трехъ сторонъ объѣзжали,
А четвертую, напереднюю, Архангелу Михаилу и Егорію оставляли.
Реветъ-ревомъ медвѣжьимъ звѣринымъ булава въ сорокъ пудъ Ильи Муромца,
Рубитъ, что по деревьямъ топорище, булатный мечь Добрыни Никитича,
Звенитъ-звономъ, сѣчетъ, что коса траву, сабля вострая Алеши Поповича,
Гудитъ летомъ своимъ копье длинное Ивана Гостиннова,
Свистъ и гикъ повсюду слышится Васьки Буслаева.
Въ напередней сторонѣ къ шатру высокому самой Кривды,
Кривды самой одноглазой и хранителя ея незнаемова,
Архангелъ Михаилъ и Егорій Храбрый безъ устали пробиваются.
Вотъ ужъ и поле малое, чистое-невеликое,
Чистое-невеликое между силами нездѣшними,
Силами небесными, силами পододонными
Для великова боя, не людскова боя, взору открывается.
И возгорѣлось сердце ретивое, юное у Егорія Храброва,
И соколомъ яснымъ, напередъ Михаила Архангела,
Бросался онъ на Кривду одноглазую, что глядѣла на него
Усмѣхаючись, глядѣла на него, издѣваючись, приглашаючи.
Вотъ уже у самова стана Кривды Егорій Храброй,
Поднималъ онъ лѣвой рукой копье свое вострое,
Замахивался Егорій мечемъ своимъ булатнымъ,
Правой замахивался, чтобы снести голову Кривдѣ одноглазой,
Да... затряслися ноженьки серебрянныя у Егорія,
Занемѣли рученьки его золотыя,
Замораживалось сердце Святова Егорія,
Замалкивалъ онъ, какъ молотомъ пришибленный,
Заволакивались глазки его прекрасные,
Закрывались ушки его подъ кудрями свѣтлорусыми,
Дѣлался Егорій камнемъ мертвымъ, желѣзомъ окованымъ...
Увидѣлъ Егорій рядомъ со Кривдою
Самова Христа Царя Небеснова,
Темнымъ взоромъ на нево,
На Егорія Храброва, гнѣвно глядѣвшева...
То не вихрь-буря съ окіяна моря вырвалась,
То не громъ-молнія дубъ могучій въ клочья расщепила!
То Архангелъ Михаилъ орломъ взвился надъ Кривдою.
Мечомъ огненнымъ ей снося голову.
И запримѣтилъ тогда, очнувшись, Егорій Храброй,
Запримѣтилъ онъ, какъ нѣкій, за Христа имъ принятой
Какъ нѣкій сей почалъ мѣнятися и мѣнятися.
Сталъ страшенъ, дикъ и лютъ, аки левъ рыкающій,
Гадокъ, подлъ и лукавъ, какъ змѣя подколодная,
Мерзокъ, дерзокъ и блудливъ, аки нечисть болотная, —
Антихриста увидѣлъ и позналъ Егорій Храброй.
О ту пору было побито и полонено войско Кривды поганое.
Богатыри русскіе, могучіе стародавніе
Ко Егорію Храброму отовсюду съѣзжалися,
Съ трехъ сторонъ на четвертую — пріѣзжали,
На четвертую пріѣзжали, Егорія-свѣтъ

окружали,
На Антихриста лютова, лукавога, дерзкова,
На силу нездѣшнюю, пододонную, пугаючись, глядѣли.
"Братцы мои, витязи русскіе, могучіе,
Не по насъ сила антихристова, великая, страшная и черная"!
Говорилъ шепоткомъ тихимъ Егорій Храброй.
— "Не по насъ, — не можемъ мы съ нею на побѣду боротися,
Можемъ молитися, ко Христу Іисусу обратитися.
Да будетъ воля Ево, яко на небеси, тако и на земли!"
Снявъ за Егоріемъ шеломы, витязи крестилися,
Православнымъ крестомъ крестилися, на колѣни опустилися,
Опустилися, молилися, ко Матери-землѣ сырой прислонилися,
За избавленіе земли Свято-Русской отъ Антихриста молилися...
И вознеслось то моленіе русскихъ витязей и Егорія Храброва къ Богородицѣ,
Вознеслось къ Пречистой Матери Христа Царя Небеснова.
И вопрошаетъ тады Богородица Чадо Свое любимое:
"О, Чадо мое любимое, Спаситель рода человѣческова!
Ты скажи, повѣдай мнѣ, а не пришло ль время тому Антихристу голову рубити?
Не насталъ ли часъ ему землю Свято-Русскую оставляти,
Народъ православной — Русской ото всѣхъ мученіевъ избавляти?
Аль не пора, не время ли народу русскому свой трудъ, свою работу дѣлати
Свою работу дѣлати, своимъ трудомъ оправлятися
Отъ погрѣшеніевъ своихъ очищатися,
Церкви Божіи становити, Господа-Бога благодарити?"
И возговорилъ Іисусъ Христосъ Царь Самъ Небесной:
— "О, Мати Моя возлюбленная, во всѣхъ женахъ благословенная!
Не пришло еще время тому Антихристу голову рубити, —
День тотъ и часъ — великая тайна неизъяснимая...
Настало время тому Антихристу Свято-Русскую оставляти,
Народу русскому-православному отъ мученіевъ избавлятися,
Свою работу дѣлати, своимъ трудомъ оправлятися, отъ прегрѣшеній очищатися,
Церкви Божіи становити, Господа-Бога благодарити" —
И даетъ приказъ Христосъ Царъ Небесной
Архистратигу Своему, Михаилу Архангелу,
Антихриста лютова со Свято-Русской земли прогнати.
— "Братцы мои, витязи русскіе, могучіе!
Вы вставайте съ сырой земли на ноженьки рѣзвыя, выпрямляйтеся!
Выпрямляйтеся, да креститеся, — великой бой начинается,
Антихристъ лютой, дерзкой и мерзкой со Свято-Русской изгоняется"!
— Говоритъ Егорій Храброй, говоритъ на небо глядючи, улыбаючись,
Вскакивали богатыри могучіе, на ноженьки рѣзвыя,
Вскакивали, выпрямлялися, крестилися,
На бой великой, невиданной, глядѣли,
Глядѣли, къ свѣт-Егорію братцу свому названному тѣснилися.
Антихристъ лютой, все мѣняючись, мѣняючись, чернымъ ворономъ задѣлался.
А длина тому ворону — тысяча верстъ, а въ поперечину съ крыльями и всѣ двѣ тысячи.
Голова у тово ворона чернова — гора огромадная,
Глаза ево — геена огненная, вся опалимая злобно-злобная,
Клювъ ево и когти желѣзные, вострые-вострые.
Держитъ тотъ воронъ черной въ лапахъ своихъ Свято-Русскую,
Крыльями прикрылъ, когтями разрываетъ, клювомъ клюетъ,
Клювомъ желѣзнымъ клюетъ, кровь горячую пьетъ.
Стонетъ Свято-Русская. Черной воронъ потѣшается.
На восточной сторонѣ, на солнечной — небеса свернулися,
Небеса свернулися, Царство Божіе на минуточку раскрывалося,
На минуточку раскрывалося, сердце витязей русскихъ освѣтилося,
Сердце освѣтилося, радость неизреченную вѣчную оставило.
То не молнія золотая, строгая изъ того Царства Божія взвилася.
То не братецъ ея родной, громъ небесной грозно ударилъ,
То Архангелъ Михаилъ, Архистратигъ могучій,
По велѣнію Божьему, по приказу Христову на бой съ Антихристомъ заявился,
Запримѣтивъ Архангела, раскрывалъ Антихристъ-воронъ крылья черныя.
Поднимался весь огромадной, темной со глазами огненными, —
Закрывалъ своей чернотой солнце красное, темнилъ небо ясное,
Темнилъ небо ясное, на Архангела камнемъ въ тысячу пуд падал,
Камнемъ падалъ крыльями черными, чудилось, обхватывалъ...
Захолонуло сердце у богатырей русскихъ.
Бросалися они къ братцу своему названному.
— "Ты скажи, скажи намъ, свѣтъ-Егорій,
Скажи всю правду-истину... Неужели?"
Покачивалъ головой своей жемчужною Егорій Храброй улыбаючись,
Корилъ братцевъ своихъ, витязей русскихъ,
Малой вѣрою ихъ корилъ во Христа Спасителя.
Давалъ слово свое вѣрное-нерушимое,
Что не вернется Антихристъ — злой воронъ на Свято-Русскую,
Что грядетъ землѣ Свято-Русской великая радость,
А русскому народу православному милость и утѣшеніе.

Конецъ

ОТДѢЛЪ

Союза Защиты Чистоты Русскаго Языка при Обществѣ имени А. С. Пушкина въ Америкѣ

Родной языкъ

На съѣздахъ на большихъ, по праздникамъ Приходскимъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ.

Горе отъ ума.

"Русскость" сдѣлалась словомъ моднымъ, склоняемымъ въ разичныхъ падежахъ, преимущественно, однако, политическихъ. Вслѣдствіе этого ему часто придается значеніе произвольное, зависящее не только отъ личныхъ вкусовъ и наклонностей, но и отъ внѣшней общественно-исторической обстановки, неизбѣжно измѣнчивой и безпрерывно измѣняющейся. И если по признаку русскости одни требуютъ отъ насъ вѣрности завѣтамъ Россіи старой, до-бунтарской, Царской, то другіе, наоборотъ, пытаются тѣмъ же критеріемъ оправдать влеченіе, родъ недуга, къ Хрущову, доказывая, что онъ "все-таки", "какъ ни какъ" и "тѣмъ не менѣе" якобы олицетворяетъ не Эсэсэсерію, а современную Россію, пусть даже обваренную революціоннымъ кипяткомъ, поджаренную на большевистскомъ вертелѣ и приправленную марксистскимъ соусомъ.

Между тѣмъ, русскость, помимо своихъ условныхъ, спорныхъ и случайныхъ свойствъ, имѣетъ нѣкій родовой корень, безусловный и постоянный, а именно русскій языкъ, родной нашъ языкъ, безъ котораго самое понятіе русскости оказывается лишеннымъ какого либо живого содержанія и реальной цѣнности. Но какъ разъ этотъ неизмѣнный и важнѣйшій знаменатель нашего національнаго сознанія до того нами изгаженъ и изуродованъ, что онъ, въ сущности, ничего уже не знаменуетъ, кромѣ духовнаго нашего убожества и преступнаго идейнаго неряшества.

Что говорить про Совдепію? — Тамъ, чуждая и враждебная русской народности власть какъ будто задалась цѣлью всяческими искусственными мѣрами убить красоту, гармонію, невыразимую прелесть родной нашей рѣчи, подмѣнивъ ее каким-то воровскимъ діалектомъ или интернаціональнымъ жаргономъ-эсперанто. Соотвѣственно, все, начиная съ искаженнаго правописанія, вплоть до дурацкой терминологіи, нарочито насаждаемой невѣжественными коммунистическими подъячими, — все направлено на то, чтобы языковая стихія великаго народа была заживо погребена подъ мусоромъ и хламомъ соціалистическаго "строительства". Жутко вслушиваться въ эту, словно смертниковъ напутствующую, барабанную дробь, въ эту хулиганскую безтолочь всѣхъ этихъ "ширпотребовъ", "осовіохимовъ", "наркомпросовъ", "вузовъ", "наркомфиновъ" и "селькоровъ", "гумовъ", "политруковъ" и "нарсудовъ", жутко, говорю я, вслушиваться въ эту бездарную трескотню совѣтской говорильни. Воистину, какъ въ пушкинскихъ "Бѣсахъ":

Сколько ихъ? Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?

Впрочемъ, незачѣмъ и въ коммунистическое Эльдорадо ѣздить: достаточно пятиминутной бесѣды съ очереднымъ россіяниномъ, проживающимъ, вѣрнѣе, произрастающимъ, въ богоспасаемомъ градѣ Нью-Іоркѣ, чтобы постигнуть всю мерзость нашего національнаго оскудѣнія. Здѣсь, даже больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь бѣлградскомъ Топчедарѣ, или въ благословенныхъ парижскихъ "Пасяхъ", русскіе говорятъ не по-русски, а на какомъ-то почти непостижимомъ волапюкѣ, не столько даже говорятъ, сколько пожевывая обывательскую жвачку, издаютъ нечленораздѣльные звуки, никакъ не укладывающіеся въ рамки и размѣры разумной человѣческой рѣчи. Вотъ, напр., разговоръ, подслушанный въ Нью-Іоркѣ:

Заходьте до нашего хаузу. Мы нэ робимъ, бо наша юнія застрайкувала. Хаузъ у насъ дуже файный, уся фурничура пофиксована. Я сидаю та люкую на стриту. Після до мойихъ чилдренятовъ тычерка ходыть, такъ овны по ангэлькому спыкуютъ лучше за менэ.

Недаромъ даже Маяковскій, этотъ хулиганъ "отъ поэзіи", этотъ патентованный баянъ, сложившій оду "четырежды благословенному" Октябрю, недаромъ даже онъ пришелъ въ ужасъ отъ филологическаго винегрета "американскихъ русскихъ", изъясняющихся "промежъ себя" на жаргонѣ едва ли болѣе изящномъ, чѣмъ тотъ, на которомъ лепечутъ африканскіе сыны нынѣ столь моднаго и почтеннаго племени Ньямъ-Ньямъ. А ужаснувшись, этотъ совѣтскій бардъ, "сбросившій съ парохода современности" и Пушкина, и Тютчева, и Фета, записалъ, между прочимъ, слѣдующее:

Петровъ Капланомъ за пуговицу пойманъ.
Штаны заплатаны, какъ балканская карта.
"Я вамъ, сэръ, назначаю апойнтманъ.
Вы знаете, кажется, мой апартманъ!
Тудой проѣдете четыре блока,
Потомъ сюдой дадите кренъ.

А если стриткара пабита, около
Можете взять подземный тренъ.

И въ этомъ же родѣ, если не хуже — вспомнимъ: "подамся до гросерни", "моя вайфа засиковала", "заклозуйте виндо" и прочіе филологическіе перлы — говорятъ не одни лишь въ "пэйнтерахъ" состоящіе, но и такъ называемые "хиглифники", претендующіе на званіе россійской элиты. Въ самомъ дѣлѣ, если про первыхъ, куска хлѣба ради тянущихъ лямку тяжелой фабричной работы, можно сказать: "нѣтъ, не виновны, но заслуживаютъ снисхожденія", то въ отношеніи последнихъ какое придумаемъ оправданіе? — Дѣло, стало быть, не въ той или иной соціальной прослойкѣ, а въ повальномъ почти небереженіи любезныхъ соотечественниковъ къ родному языку, къ тому едва ли не единственному сокровищу, которое осталось у всѣхъ насъ отъ всероссійскаго погрома, учиненнаго тому назадъ болѣе сорока лѣтъ лихими "ленинскими ребятами".

Пусть русскіе родители, все равно бѣдные или имѣющіе кое-какой достатокъ, честно отвѣтятъ на вопросъ: многіе ли изъ нихъ дали себѣ трудъ и поставили своею непремѣнною обязанностью обучить дѣтей своихъ русскому языку? Многіе ли изъ нихъ воспитали въ дѣтяхъ чувство благоговѣнія передъ безсмертными мастерами русскаго слова? И не правда ли, что иные папаши и мамаши изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы вытравить изъ сынишекъ и дочурокъ самую мысль о Россіи подъ тѣмъ предлогомъ, что оно какъ-то даже конфузно, если не дай Богъ, кто-нибудъ ихъ приметъ за русскихъ. А въ итогѣ — подкопытная словесная галиматья, полная утрата русскости, неотдѣлимой отъ музыки родной нашей рѣчи, воплотившей въ себѣ цѣлый міръ "волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ".

Борисъ Бразоль

НАПОМИНАНІЯ НАШИМЪ ГРАМОТЕЯМЪ

1. Даже присяжные журналисты нерѣдко ошибочно пишутъ нарѣчіе "также", означающее "тоже", или союзъ, означающій "и", вмѣсто "такъ же" въ словосочетаніи сравнительномъ, означающимъ подобіе, за которымъ следуетъ союзъ "какъ".

2. Россіяне, отвыкшіе мыслить грамматически, съ трудомъ разбираются въ семантическомъ различіи между частицами "не" и "ни", извращая черезъ это смыслъ даннаго предложенія. Напр., "Сколько бы Петръ нЕ (вмѣсто нИ) приводилъ доказательствъ, истина на моей сторонѣ". Здѣсь "нЕ" указываетъ на то, что Петръ НЕ приводилъ доказательствъ, тогда какъ "нИ" въ этомъ предложеніи означало бы, что Петръ приводилъ много доказательствъ, т. е., частица "нИ" усиливала бы дійствіе глагола "доказывать" или "приводить доказательства", а отнюдь не уничтожала бы этого дѣйствія. Вотъ другой примѣръ изъ "Горе отъ ума". Загорѣцкій говоритъ: "Кто что нИ говори, хотя животные, а все-таки цари". Достаточно вмѣсто правильно употребленной частицы "нИ", замѣнить ее "нЕ", и получится нелѣпость.

3. Въ правописаніи "ничто", и "не что" наблюдается истинный сумбуръ. "Ничто" либо склоняемое мѣстоимѣніе отрицательное (ничего, ничему, ни о чемъ), либо несклоняемое существительное. Въ первомъ значеніи "ничто" въ качествѣ мѣстоимѣнія замѣняетъ существительное. Такъ оно употреблено, напр., въ "Борисѣ Годуновѣ":

Ахъ, чувствую: **ничто** не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто: едина развѣ совѣсть.

Здѣсь значеніе "ничто", какъ мѣстоимѣнія, отчетливо выявляется поясненіемъ "едина развѣ **совѣсть**", т. е., существительнымъ женскаго рода.

Значеніе "ничто", какъ существительнаго, явствуетъ хотя бы изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ: "Мои сверстники — ничто", или "Лучше ничто, чемъ ничтожество" (Б. Б. "Праздныя мысли").

"Не что" слѣдуетъ писать раздѣльно, когда неодушевленное мѣстоимѣніе "что" противополагается одушевленному "кто". Напр., "Не что побудило, а кто побудилъ васъ нарушить ваше слово?".

Далѣе, "не что" пишется раздѣльно, когда за мѣстоимѣніемъ "что" слѣдуетъ прилагательное "иное". Такъ, "Ваша болѣзнь, не что иное, какъ плевритъ".

4. Отчасти по небрежности, но тоже и по невѣдѣнію, указательное мѣстоимѣніе "то" пишется вмѣсто частицы "то", слѣдующей за другими частями рѣчи. Въ послѣднемъ случаѣ передъ частицей "то" надлежитъ ставить тире. Несоблюденіе этого правила можетъ вносить сомнѣніе въ смыслъ предложенія. Напр., "Кто то говоритъ, а кто это". Здѣсь "то" — мѣстоимѣніе. Но "Кто-то говоритъ, а кто это?". Въ этомъ случаѣ "то" — частица, сообщающая предложенію смыслъ неопредѣленности.

5. Поверхностное знаніе родного языка, соединенное съ воистину легкомысленнымъ взглядомъ на грамматику, какъ на роскошь доступную лишь ученымъ филологамъ, приводитъ къ ошибкамъ въ правописаніи. Такъ, предлогъ "близъ" сплошь да рядомъ пишется съ мягкимъ знакомъ, т. е., "близь", несмотря на то, что уже въ первомъ выпускѣ Словаря Русскаго Языка, издававшагося Императорской Академіей Наукъ, отпечатанномъ въ 1891 году, было разъяснено, что предлога "близь" нѣтъ, а слово въ такомъ правописаніи рѣдко употребляемое существительное такое же, какъ "даль", которое, конечно, не можетъ имѣть значеніе предлога.

Въ древне-славянскихъ письменныхъ памятникахъ "близь" въ значеніи предлога, наряду съ "близу", встрѣчается довольно часто. Но уже у Пушкина и Лермонтова, т. е. въ 30-хъ и 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, это архаическое правописаніе исчезаетъ и замѣняется нынѣ общепринятымъ "близъ".

6. Такое же забвеніе элементарныхъ правилъ грамматики обнаруживается въ смѣшеніи предлога "несмотря на" съ "не смотря на", т. е., съ

частицей "не", за которой слѣдуетъ дѣепричастіе "смотря". Между тѣмъ, "несмотря", предлогъ, означаетъ "вопреки", тогда какъ "не смотря" или "не глядя" слѣдуетъ писать напр., въ такомъ предложеніи: "Не смотря въ книгу, трудно судить объ ея содержаніи", или "Не смотря себѣ подъ ноги, легко оступиться".

7. Нѣкоторые грамотеи забыли, что прилагательныя средняго рода множественнаго числа въ именительномъ падежѣ пишутся "ыЯ" и "іЯ", а не "ыЕ" и "іЕ", т. е., "очередныЯ дѣла" и "тонкіЯ очертанія", а не "очередныЕ дѣла" и "тонкіЕ очертанія".

8. Съ изумленіемъ приходится встрѣчать въ печатныхъ зарубежныхъ такіе перлы правописанія, какъ "пятЬнадцатЬ", "шестЬнадцатЬ", и т. д. и въ то же время пропуски "ь" въ пятЬдесятъ", "шестЬдесятъ" и т. д.

9. Небрежное отношеніе къ семантикѣ употребляемыхъ словъ приводитъ къ смысловымъ нелѣпостямъ: Напр., "Онъ былъ въ дурной кАмпаніи" и "кОмпанія 12-го года"; или "свѣтопредставленіе", вмѣсто "свѣтопреставленіе". То же бездумье проявляется въ ошибочномъ употребленіи прилагательнаго "столѣтній", вмѣсто порядковаго числительнаго "сотый". Пишутъ, напр., "столѣтняя годовщина", тогда какъ "столѣтній" означаетъ "продолжающійся столѣтъ", а "годъ" или "годовщина" не можетъ продолжаться сто лѣтъ. А почему бы этимъ литераторамъ не вспомнить Пушкина?

День каждый, каждую годину
Привыкъ я мыслью провожать,
Грядущей смерти **годовщину**
Межъ нихъ стараясь угадать.

Можно и нужно говорить "столѣтній старецъ" и "столѣтній дубъ", но о "годовщинѣ" можно и нужно говорить "**сотая** годовщина", т. е., годовщина, слѣдующая за девяносто девятой, а не за девяностодевятилѣтней.

10. Вопреки твердо установившемуся, но ошибочному выраженію "желѣзный **занавѣсъ"** слѣдуетъ писать и говорить "желѣзная **завѣса**". Можно и нужно говорить "театральный **занавѣсъ**, т. е., полотнище, отдѣляющее сцену отъ зрительнаго зала.

Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ
И, взвившись, **занавѣсъ** шумитъ. (Е. О.).

Но нельзя говорить "**занавѣсъ** упалъ съ глазъ", или "дымовой **занавѣсъ**", а можно и слѣдуетъ говорить "**завѣса** упала съ глазъ" и "дымовая **завѣса**".

⁂

Полагаю, что даже этихъ немногихъ замѣчаній достаточно, чтобы судить о томъ "неглиже съ отвагой" къ русскому слову, который проявляютъ россіяне вообще и такъ называемые русскіе литераторы въ частности. Пора понять, что основательное знакомство съ правописаніемъ, конечно НЕ совѣтскимъ, и грамматикой въ ея двухъ развѣтвленіяхъ — синтаксисѣ и этимологіи — одно изъ обязательныхъ условій сохраненія чистоты русской рѣчи и защиты ея отъ кощунственнаго оскверненія искусственно насаждаемымъ большевистскимъ жаргономъ, и легкомысленнаго невѣжества по-любительски пописывающихъ писателей.

ПРАЗДНЫЯ МЫСЛИ

Какъ ни тужился перепелъ, а все же соловья не перепѣлъ.

Жить въ мірѣ не значитъ съ нимъ жить въ мирѣ.

Безголовые-то чаще всего и теряютъ голову.

Злато, злато, сколько изъ-за тебя зла-то!

Сократъ потому и умиралъ такъ спокойно, что надѣялся на вѣчную разлуку съ Ксантиппой.

Для искусства чтенія недостаточно одной грамотности.

Иной эскулапъ склоненъ лѣчить головную боль усѣкновеніемъ главы.

Все, что не честь — нечисть.

Младенчество человѣчества таится въ глубокой древности.

Въ демократіяхъ сперва голосуютъ, а потомъ голосятъ.

Логика сердца полна противорѣчій.

Богъ — безпричинная причина всѣхъ причинъ.

Нижняя палата совсѣмъ не то, что ума палата.

Живя одной надеждой, легко оказаться безъ одежды.

Дерзай, но не дерзи.

Пушкинъ сказалъ, что русскому языку слѣдуетъ учиться у московскихъ просвирень, и — у Пушкина, добавлю я.

ПОЧЕМУ?

Продукція, а не **производство?**
Индустрія, а не **промышленность?**
Акція, а не **дѣйствіе, мѣропріятіе?**
Тракъ, а не **грузовикъ?**
Агрикультура, а не **земледѣліе?**
Отель, а не **гостиница?**
Консернъ, а не **предпріятіе?**
Пресса, а не **печать?**
Интернаціональный, а не **международный?**
Анонсъ, а не **объявленіе, вывѣска?**
Конструкція, а не **устройство, строеніе, строительство?**
Реконструкція, а не **переустройство?**
Вежетали, а не **овощи?**
Лотъ, а не **участокъ** (земельный)?
Денаціонализироваться, а не **очужеземиться** (выраженіе Гоголя)?
Фундаментальный, а не **основной?**
Режимъ, а не **строй?**
Антреприза, а не **предпріятіе?**
Алярмъ, а не **тревога?**

Крестъ на груди

(Эмигрантская повѣсть)

ГЛАВА III

Джо Найтъ прилетѣлъ изъ Лондона въ Парижъ и долго не могъ поймать своего однокашника и стараго друга со студенческихъ временъ, Кеннеля. Онъ хотѣлъ неожиданностью своего появленія увеличить радость встрѣчи. Это ему не удалось. Пришлось оставить записку о своемъ пріѣздѣ. Въ тотъ же день он получилъ приглашеніе пообѣдать у Кеннеля.

Они много пили, много вспоминали свое прошлое счастливое студенческое время. Потомъ, за кофе въ своемъ кабинетѣ, Кеннель разсказалъ какъ умеръ его отецъ и какъ онъ вынужденъ былъ уже не подъ руководствомъ покойнаго, а самостоятельно, вступить въ управленіе доставшимся ему, какъ единственному сыну, огромнымъ имуществомъ, фабриками въ Англіи, плантаціями въ различныхъ частяхъ свѣта и капиталомъ, разбросаннымъ по столицамъ чуть ли не всего міра.

— Завидная участь! — сказалъ Джо.

— Ты бы не говорилъ такъ, если бъ зналъ до какой степени это скучно, — возразилъ Кеннель. — Каждая дѣятельность должна быть одухотворена какой либо цѣлью, захватывающею, увлекающей. Если этого нѣтъ, все становится безцвѣтнымъ и скучнымъ, какъ служба писца въ нотаріальной конторѣ. Такой цѣли у моей обычной дѣятельности нѣтъ. Заботиться о томъ, чтобы мои фабрики вырабатывали все больше и больше метровъ доброкачественной матеріи? — Иной разъ я думаю, не счастливѣе ли были люди, когда одѣвались въ звѣриныя шкуры? Можетъ быть это покажется тебѣ абсурдомъ и, можетъ быть, ты будешь правъ, — фактъ тотъ, что эта мысль приходитъ мнѣ въ голову и дѣлаетъ трещину въ томъ базисѣ, который долженъ быть абсолютно цѣлымъ, безукоризненно прочнымъ. Вторая цѣль — наживаніе денегъ. Для чего? Если бъ завтра я прекратилъ свою дѣятельность и перевелъ въ деньги все принадлежащее мнѣ имущество, я былъ бы такъ богатъ, что однихъ процентовъ съ моего капитала я не могъ бы прожить, исполняя всѣ мои прихоти, не отказывая себѣ рѣшительно ни въ чемъ... Нѣтъ, ты счастливѣе меня. Я не вижу, какъ портные всего міра шьютъ штаны и юбки изъ моихъ матерій, не вижу и не ощущаю радости тѣхъ мужчинъ и женщинъ, которые ихъ надѣваютъ. Если коммерческіе результаты моей дѣятельности совершенно явственно ощутимы, то человѣческіе результаты ея отстоятъ слишкомъ далеко отъ меня. Я не участвую въ нихъ, въ то время какъ ты... ты спасаешь человѣческія жизни... Согласись, что это важнѣе, чѣмъ сдѣлать лишнюю пару штановъ. И потомъ... ты очевидецъ этого результата, твоими, личными твоими усиліями выращивается это великолѣпное достиженіе, ты непосредственно въ немъ участвуешь... какъ участвуешь и въ той радости, которую ты доставляешь человѣку, спасенному тобою отъ смерти... но... я слишкомъ много болталъ. Разскажи мнѣ о себѣ, объ этой, вотъ, твоей докторской практикѣ и насколько она тебя удовлетворяетъ.

Джо медленно досталъ новую сигару, медленно закурилъ; такъ же медленно затянулся и выпустилъ дымъ. Кеннель ожидалъ отъ него равной откровенности въ обмѣнъ на свою. Это торжественное приготовленіе удивило его.

— Ты правъ, конечно, — началъ Джо — что моя дѣятельность чрезвычайно конкретна и что дѣло рукъ докторскихъ даетъ если не немедленные, то во всякомъ случаѣ, близкіе результаты. Вѣрно также и то, что эти результаты такъ же немедленно отражаются на насъ самихъ и, когда они благопріятны, въ высокой степени укрѣпляютъ мораль, убѣждаютъ насъ въ томъ, что мы на что то нужны, что наше существованіе и наша дѣятельность имѣютъ достойную цѣль. И это настолько ясно, что вопросъ о цѣли, который такъ безпокоитъ тебя, никогда даже и не вставалъ передо мной! Самая большая моя цѣль — возможно лучше и удачнѣе исполнять мою работу. Есть, однако, у нашей докторской дѣятельности одна сторона, на которую мало обращаютъ вниманія и потому мало говорятъ о ней. Мы, видишь ли, сталкиваемся съ людьми въ такіе моменты ихъ существованія, когда они обнаруживаются передъ нами цѣликомъ, такъ сказать, до дна, и потому мы, призванные лѣчить ихъ тѣла, поневолѣ узнаемъ ихъ души. Этимъ самымъ наша докторская практика, берущая отъ насъ наши знанія, наше умѣнье, трудъ, наблюдательность, терпѣливость, въ свою очередь и намъ даетъ нѣчто очень цѣнное, — огромный матеріалъ для нѣкоторыхъ выводовъ, иной разъ совершенно неожиданныхъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ созрѣлъ у меня и вылился въ законченную форму. А именно, я пришелъ къ убѣжденію, что всякое состояніе человѣка заразительно, рѣшительно всякое. Ты, можетъ быть, будешь смѣяться, если я скажу тебѣ, что здоровый человѣкъ такъ же заразителенъ, какъ и больной. Здоровые люди, окружающіе кого либо, дѣлаютъ его менѣе подверженнымъ заболѣваніямъ, потому что его инстинктъ, его подсознаніе подсказываютъ ему, что заболѣвъ, онъ внесетъ диссонансъ въ окружающую его среду и этимъ, въ какой то степени, будетъ выключенъ изъ нея, что способность его участвовать въ жизни окружающихъ его здоровыхъ людей въ равной съ ними степени, уменьшится. Независимо отъ его воли въ немъ рождается противодѣйствіе такой возможности и въ этомъ противодѣйствіи безсознательно участвуютъ его мозгъ, его нервы, его интуиція, подсказывающіе ему, опять таки безсознательно, чего онъ долженъ избѣгать и что онъ долженъ воспринимать. Такимъ образомъ, благодаря окружающему его здоровью, онъ становится менѣе подверженъ заболѣваніямъ. Нечего уже и говорить про то, что физически больные люди,

даже и не заразными болѣзнями, заразительны. Своей психологіей, своимъ міровосприятіемъ, отражающимися на окружающихъ. Въ такой же мѣрѣ заразительны и душевныя заболѣванія, но и этого не достаточно. На основаніи всей моей практики я пришелъ къ неоспоримому для меня выводу, что заразительными являются также и духовныя состоянія человѣка, состоянія совершенно не изслѣдованныя. А между тѣмъ духовныя заболѣванія человѣческой особи не менѣе разнообразны, чѣмъ ея и физическія, и душевныя болѣзни. Возьми ты первую разновидность духовной ненормальности, которую нерѣдко относятъ ошибочно къ душевнымъ заболѣваніямъ, — всѣхъ этихъ маніаковъ, людей одержимыхъ какимъ либо пристрастіемъ — эти ненормальности вовсе не душевныя, а именно духовныя. Возьми слѣдующую — особей, еще менѣе отличающихся отъ совершенно здоровыхъ, духовно-нормальныхъ людей, имѣю въ виду пессимистовъ, оптимистовъ, меланхоликовъ и такъ далѣе. Нормальный одинаково воспринимаемый всѣми совершенно здоровыми людьми міръ, они воспринимаютъ сквозь какіе-то съуживающіе его заслоны. И, наконецъ, есть еще одна разновидность духовной ненормальности, самая тонкая, почти неуловимая. Но какъ бы мала она ни была, какъ бы ни малозамѣтна, она тѣмъ не менѣе существуетъ. Неизвѣстно почему и откуда она берется и кто въ ней виноватъ. По большей части пораженные ею и сами не чувствуютъ ее, не отдаютъ въ ней себѣ отчета. Правильнѣе всего было бы опредѣлить эту категорію людей сказавъ, что надъ ними тяготѣетъ рокъ, "перстъ судьбы", обрекающій ихъ на такое существованіе, которое не вытекаетъ логически изъ ихъ духовной сущности, создаетъ разладъ между ихъ запросами къ жизни и возможностью ихъ удовлеторить и потому, по большей части, оканчивающійся трагически.

Джо умолкъ.

— Ну и что же? — спросилъ Кеннель.

— Такъ если совершенно здоровые люди заразительны своимъ здоровьемъ, то тѣмъ болѣе заразительны эти, съ не совсѣмъ нормальною духовною жизнью. Они излучаютъ какіе то токи, обволакивающіе и затягивающіе. Они вовлекаютъ окружающихъ въ порочную орбиту ихъ существованія.

— И ты опасаешься, что эти излученія обволокнутъ и затянутъ меня? — медленно проговорилъ Кеннель.

Найтъ ничего не отвѣтилъ.

Они долго молчали.

— Да, я понимаю. Ты прибылъ изъ Лондона спеціально для того, чтобы сказать мнѣ это? — спросилъ, наконецъ, Кеннель.

— О! ты знаешь, это мое вакантное время, мнѣ все равно было, куда ѣхать.

— Отъ всей души благодарю тебя, дорогой Джо, — медленно продолжалъ Кеннель, — за твое желаніе спасти меня... на твой докторскій ладъ. Вижу, что тебѣ извѣстна угрожающая мнѣ "русская опасность". Но, видишь ли, если надъ этой женщиной дѣйствительно тяготѣетъ "перстъ судьбы", какъ ты это называешь, или "рокъ", совершенно ею незаслуженные, если ей дѣйствительно грозитъ какая либо опасность, то я пойду на все, чтобы спасти ее, потому что именно она то и принесла съ собою ту цѣль въ жизни, которой мнѣ такъ не хватало... Можетъ быть случится и обратное, можетъ быть мое абсолютное и физическое и духовное здоровье заразитъ ее и отведетъ отъ нея этотъ "перстъ".

— А если нѣтъ?

Они опять долго молчали.

— Если нѣтъ?... — произнесъ Кеннель, — вотъ, послушай, недавно она перевела мнѣ одну русскую фразу: "все, что гибелью грозитъ, для сердца смертнаго таитъ неизъяснимыя наслажденья, — безсмертья, можетъ быть, залогъ".

— Какъ? Какъ?

Кеннель повторилъ.

— Кто это сказалъ? Философъ?

— Нѣтъ, поэтъ.

— Но вѣдь это же... геніально!.. Какая глубочайшая мысль... Странный народъ эти русскіе!

Кеннель пожалъ руку Джо.

— Кажется ты начинаешь понимать меня, — сказалъ онъ.

Джо помолчалъ и заговорилъ о скачкахъ.

Н. Майеръ

(Продолженіе слѣдуетъ)

Вооруженныя силы

Геройство низшихъ, ничтожество высшихъ.

ОТЪ АВТОРА

Пять статей: «Моя служба въ Комиссаріатѣ Юстиціи», «Записки народнаго судьи», «Вооруженныя силы» (Деникинскій эпизодъ бѣлой борьбы), «Самостоятельная Грузія» (Опытъ умѣреннаго соціалистическаго строительства) и «Константинополь» (Новый міръ на фонѣ стараго и старый на фонѣ новаго), написанныя въ 1922 г., были пріобрѣтены І. Вл. Гессеномъ для «Архива Русской Революціи». Въ VIII его томѣ были напечатаны первыя двѣ. Появленіе третьей представлялось въ тѣ дни несвоевременнымъ. Впослѣдствіи «Вооруженныя силы» были приняты С. П. Мельгуновымъ для напечатанія въ журналѣ «Возрожденіе», но прежде, чѣмъ это осуществилось, Мельгуновъ ушелъ изъ этой редакціи, возвративъ мнѣ мои записки.

За истекшіе сроки событія первыхъ годовъ революціи перемѣстились изъ сферы личныхъ переживаній въ область воспоминаній и ихъ исторической оцѣнки. Эта третья статья предлагается нынѣ въ предположеніи, что моментъ для объективной оцѣнки Деникинскаго эпизода бѣлой борьбы наступилъ и ничто не мѣшаетъ уже воздать должное достойнымъ и сознаться въ допущенныхъ ошибкахъ, дабы не повторить ихъ въ будущемъ.

Предлагаемая статья не только хранительница историческихъ свидѣтельствъ очевидца, но также и слуга текущей современности, такъ какъ ею вновь поставлены на разсмотрѣніе тѣ вопросы государственнаго значенія, которые должны были быть разрѣшены Бѣлымъ движеніемъ и остались не разрѣшенными. Сейчасъ, когда событія, могущія потребовать на нихъ срочнаго отвѣта, стоятъ у порога, разрѣшеніе ихъ диктуется совершенно очевидной необходимостью.

---

12 августа 1919 г. на Московскомъ Николаевскомъ вокзалѣ я сѣлъ въ "дѣтскій" вагонъ поѣзда, отправлявшагося въ Кіевъ.

Приблизительно черезъ годъ, въ одномъ изъ городовъ Черноморскаго побережья, я узналъ, что этотъ поѣздъ былъ послѣднимъ, отправлявшимся на Кіевъ прямымъ путемъ чрезъ Конотопъ-Бахмачъ. Дама, сообщившая мнѣ объ этомъ, выѣхавъ изъ Москвы 13 августа, была доставлена въ Фастовъ и около 60 верстъ должна была идти пѣшкомъ чрезъ линію фронта.

Въ описываемое время Деникинъ побѣдоносно двигался отъ Полтавы на Кіевъ. Кіевъ считался прифронтовымъ совѣтскимъ городомъ и для того, чтобы получить право купить билетъ и сѣсть въ поѣздъ нужно было имѣть разрѣшеніе отъ комиссіи по выдачѣ внѣочередныхъ разрѣшеній на выѣздъ из Москвы и удостовѣреніе отъ чека, что никакихъ контръреволюціонныхъ погрѣшностей за вами не числится. Получить эти документы можно было только лицамъ, имѣвшимъ особо уважительныя причины на поѣздку въ Кіевъ.

Въ "дѣтскій" вагонъ я имѣлъ право сѣсть потому что при мнѣ находился мой семилѣтній сынъ.

Вагонъ былъ товарный. Устроенный второй ярусъ быль весь уже занятъ пассажирами. Пришлось расположиться на полу, огородившись своими вещами отъ сосѣдей.

Всякому, садившемуся въ поѣздъ не въ качествѣ привиллегированнаго пассажира въ то время приходилось переживать цѣлую гамму чрезвычайно острыхъ ощущеній. — Не извѣстно было, удастся ли тебѣ уѣхать съ намѣченнымъ поѣздомъ, или ты будешь арестованъ за противодѣйствіе какому нибудь нелѣпому распоряженію желѣзнодорожныхъ властей. Если уѣдешь, то въ какія условія путешествія ты попадешь — будешь ли ты лежать, сидѣть или стоять. Гдѣ тебѣ выпадетъ мѣсто, внутри вагона, на площадкѣ, на буфферахъ, на лѣстницѣ, ведущей на крышу или на самой крышѣ. Будешь ли ты изнывать отъ жары, мерзнуть отъ холода или мокнуть подъ дождемъ. Доѣдешь ли до конечной цѣли твоего путешествія или будешь задержанъ въ пути за какое либо несоотвѣтствіе твоей персоны или твоего багажа невѣдомымъ декретамъ, разнообразно примѣняющимся въ предѣлахъ разныхъ желѣзнодорожныхъ участковъ. Не заразишся ли ты сыпнымъ тифомъ, какая судьба постигнетъ твой багажъ и т. д. и т. д.

Понятно, что первое мгновеніе, послѣ того, какъ отзвучатъ звонки и свистки, поѣздъ тронется въ путь, и медленно проплыветъ мимо вокзальная толкотня, гамъ и ругань, путешественники употребляютъ на то, чтобы хоть немного притти въ себя. Способность суммировать впечатлѣнія приходитъ много позднѣе. Только послѣ второй или третьей остановки я почувствовалъ, какъ въ какомъ то отдаленномъ уголкѣ души, изъ подъ общаго состоянія физической и нравственной изможденности, явившейся результатомъ общаго напряженія послѣднихъ недѣль, пробивается живое и бодрое чувство удавшагося крупнаго шага къ свободѣ.

Я ѣхалъ въ Кіевъ подъ предлогомъ службы въ кіевскихъ совѣтскихъ учрежденіяхъ юстиціи, на самомъ же дѣлѣ, стремился прорваться черезъ фронты и попасть на территорію борющихся противъ большевиковъ русскихъ людей. Это по моимъ расчетамъ было послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ нужно было искать тѣ элементы русской государственности, опершись на которые можно было воскресить Россію.

Я не былъ удовлетворенъ результатомъ моихъ хлопотъ и домогательствъ; по моимъ соображеніямъ более цѣлесообразнымъ представлялось мнѣ очутиться въ Саратовѣ. Къ августу 19 года добровольческія войска продвинулись настолько к сѣверу въ Воронежской губерніи, что, по параллельной линіи, стояли значительно выше Саратова, и мнѣ казалось неизбѣжной, въ ближайшемъ будущемъ операція выпрямленія фронта, которая должна была перенести линію фронта вверхъ по Волгѣ выше Саратова. Такая увѣренность была основана не только на моихъ диллетантскихъ стратегическихъ соображеніяхъ, но также и на томъ, что въ совѣтской прессѣ еще не отзвучали колокола, бившіе набатъ по поводу Колчаковскихъ операцій, и не утратила еще для Кремля пугающаго содержанія мысль о возможности соединенія противосовѣтскихъ фронтовъ. Относительно Кіева не рождалось еще и мысли о томъ, что его могутъ занять добровольцы. Совѣтской прессой Кіевъ изображался красной твердыней Украины, о которую, при первомъ же наскокѣ, должны разбить лобъ золотопогонные контръ-революціонеры.

По этимъ соображеніямъ я ѣхалъ въ Кіевъ неудовлетвореннымъ, расчитывая только на то, что пребываніе въ немъ, въ особенности, на предполагавшейся для меня должности инструктора народныхъ судей кіевскаго округа, должно поставить меня въ большую, чѣмъ въ центрѣ Россіи близость къ угрожаемымъ границамъ Совдепіи, каковое положеніе использовать, въ необходимомъ для меня смыслѣ, я надѣялся въ соотвѣтствующій моментъ.

Оказалось, что судьба, направившая меня въ Кіевъ, мнѣ благопріятствовала. Въ то время, какъ Кіевъ былъ занятъ деникинскими войсками приблизительно через мѣсяцъ, послѣ моего туда пріѣзда, Саратовъ такъ и не былъ взятъ добровольцами за все время деникинскаго выступленія.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Н. Майеръ

НА СКЛАДѢ:

Н. Майеръ. Чужая жизнь. Разсказы — 200 фр.

Открытки съ портретомъ А. С. Пушкина — 35 фр.

Цѣны указаны съ расходами по пересылкѣ включительно.

ДЛЯ ОТЗЫВА

Изданія, сохранившія русское правописаніе.

Генералъ-маіоръ Голубинцевъ.

Руская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону 1917-1920 г.г.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

Членамъ Союза и подписчикамъ "Рус. Рѣчи". Не забудьте прислать ваши членскіе взносы и возобновить абонементъ на слѣдующіе за вашимъ срокомъ номера "Русской Рѣчи". Всю корреспонденцію, въ томъ числѣ и денежную, слѣдуетъ направлять по адресу:

N. Mayer — 8, rue St. Julien-le-Pauvre, Paris 5-me.

О. Воробьевой. Посланный своевременно № "Русской Рѣчи" былъ возвращенъ. Посланъ вновь вмѣстѣ съ № 11-мъ.

П. Томасъ. Адресъ "Русскаго слова":
«Elverbo Ruso» — Casilla de Correo N° 8.
Suc. Temperley — F.N.G.R. Buenos-Aires.

Годовой подпиской считается подписка на четыре ближайшихъ номера газеты. Одѣльный номеръ — 100 фр., подписка — 350 фр., внѣ Франціи — 400 фр.

Принимается подписка на четыре номера 1961-го года: №№ 13, 14, 15 и 16.

Imprimerie S.I.P.E., 32, rue de Ménilmontant.

Journal trimestriel

LA PAROLE RUSSE

Directeur N. MAYER

Союзъ для защиты чистоты русскаго языка

84, Boulevard Malesherbes — Paris (8e)

N° 13 — 1961 — AVRIL, MAI, JUIN — 1961 — N° 13

Защита чистоты русскаго языка не реакція, не проповѣдь неизмѣняемости однажды принятыхъ формъ, не противодѣйствіе органическому развитію русскаго слова. Она противодѣйствуетъ внѣдренію въ русскую рѣчь большевицкаго жаргона, эмигрантскихъ заимствованій и ничѣмъ необоснованныхъ претенціозныхъ искаженій.

В поискахъ лозунга

Кто не согласенъ съ тѣмъ, что мы живемъ въ эпоху необычайную, такъ безконечно далекую отъ мирнаго и организованнаго существованія, выпавшаго на долю нашимъ отцамъ и дѣдамъ въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка? Согласны, несомнѣнно, всѣ. Но о причинахъ этой необычайности и о глубокой ея сущности мнѣнія различны. Одни полагаютъ, что всему виною русская революція, другіе считаютъ, что изумительныя современныя техническія достиженія создаютъ наиболѣе характерныя черты нашей эпохи, такъ рѣзко отдѣлившей XX-ый вѣкъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ столѣтій. Третьи думаютъ, что все это, вмѣстѣ взятое, образуетъ ту необычайность, въ которой мы живемъ и т. д.

Имѣется также мнѣніе, что отличительной чертой переживаемой нами эпохи, наиболѣе глубокой причиной ея необычайности, является отсутствіе у современнаго человѣчества лозунговъ, руководящихъ, указывающихъ ему пути дальнѣйшаго его шествованія. Не тѣхъ лозунговъ, которые и сейчасъ находятся въ его распоряженіи, вродѣ вчерашнихъ «свободы, равенства и брат-

Prix — 100 fr.

Abonnement — 350 fr.

ства» или сегодняшней «диктатуры пролетаріата». Это лозунги нисшаго порядка и потому первое же примѣненіе ихъ къ жизни порождаетъ прежде всего кровь и насилія. Какъ въ дни французской революціи гильотина работала во имя свободы, равенства и братства, такъ сейчасъ въ Россіи для построенія прекраснаго коммунистическаго общежитія ограбили «награбленное», разстрѣливаютъ въ подвалахъ чека и т. д. Не этихъ земныхъ лозунговъ не хватаетъ нашей современности, но лозунговъ высшаго порядка, подобныхъ тѣмъ, которые на двѣ тысячи лѣтъ сформировали христіанскій міръ, освѣтили человѣчеству смыслъ его земного существованія, создали исчерпывающее міросозерцаніе, разрѣшили загадку смерти, утверждая вѣру въ «Единаго Бога, Отца, **Вседержителя,** творца **Неба** и земли, видимаго всего и **Невидимаго**». Такихъ лозунговъ, ради осуществленія которыхъ люди пошли бы, какъ въ былыя времена, сгорать на кострахъ или, какъ сегодня (въ СССР), стали бы бороться одинъ противъ тысячъ. Сознательно и безсознательно современники ищутъ подобныхъ лозунговъ, такъ какъ безъ нихъ и небо, и земля пусты. Это и является главной причиной и наиболѣе глубокой сущностью той необычайности, которую мы переживаемъ.

Какая литература можетъ дать наиболѣе яркое изображеніе этихъ исканій? По всей вѣроятности литература страны наиболѣе необычайной изъ всѣхъ нынѣ существующихъ. Тѣмъ болѣе, что именно этой страны два автора сдѣлали наибольшій шумъ въ міровой печати за послѣдніе годы. Тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ назвалъ свой романъ «Не хлѣбомъ единымъ», то есть прямо пообѣщалъ разсказать о томъ лозунгѣ высшаго порядка, противуположномъ хлѣбу единому, о которомъ тоскуетъ наша современность.

Издающійся въ Америкѣ «Владимірскій Вѣстникъ» утверждаетъ, что романъ написанъ по совѣтскому заказу и распространенъ потому, что заказъ добросовѣстно выполненъ. Цѣль — нужная совѣтамъ пропаганда. Вотъ что пишетъ в № 72 о «Не хлѣбомъ единомъ» г. Мержеевскій: «Можно думать, что именно просовѣтская рука распространяетъ этотъ обыкновенный, чисто коммунистическій романъ, съ цѣлью пропаганды».

На самомъ дѣлѣ это не такъ. Романъ — не выполненіе «соціальнаго заказа», но, какъ явствуетъ это изъ его текста, крамольный плодъ свободнаго вдохновенія Дудинцева. Какимъ образомъ могъ этотъ анти-совѣтскій романъ печататься въ совѣтскихъ типографіяхъ и распространяться по всему СССР совѣтскими книготорговлями? — Да совершенно такъ же, какъ въ двухъ Московскихъ театрахъ долгое время не сходилъ со сцены «Клопъ» Маяковскаго, злѣйшая каррикатура на человѣка, имѣющаго быть созданнымъ побѣдившимъ міръ коммунизмомъ. Мы видѣли «Клопа» въ Парижѣ во французскомъ его переводѣ. Въ подлинникѣ эта театральная насмѣшка надъ коммунизмомъ, по всей вѣроятности, еще болѣе зла, еще болѣе анти-коммунистична. Какимъ же образомъ эти два анти-совѣтскія произведенія совѣтскихъ авторовъ могли увидѣть свѣтъ въ СССР? — Ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ. Ленинскія слова о кухаркахъ, управляющихъ государствомъ, не забыты. Собственными глазами мы видимъ результаты управленія СССР-а кухарками. Легко представить себѣ, какіе «спеціалисты» набираются там для управленія «культурными» учрежденіями и ту степень головотяпства, съ которымъ исполняютъ они свои обязанности. Вотъ, наиболѣе правдоподобное объясненіе появленія въ СССР двухъ анти-совѣтскихъ произведеній совѣтскихъ авторовъ.

Дѣйствіе романа Дудинцева протекаетъ въ двухъ тонахъ. Въ планѣ голодной, нищей жизни двухъ изобрѣтателей и въ планѣ самодовольнаго существованія властныхъ совѣтскихъ чиновниковъ, рука руку моющихъ и новичкамъ, могущимъ оказаться для нихъ вредными, старающихся ходу не давать. Эта свора, съ помощью судейскихъ чиновниковъ того же типа, добивается осужденія усовершенствовавшаго отливку сточныхъ трубъ Лопаткина на восемь лѣтъ ссылки по сфабрикованному ими обвиненію въ разглашеніи государственной тайны. Картина совѣтскаго общества нарисована безпощадно. Правда, потомъ находятся сочувствующія Лопаткину души. Его друзья добиваются отмѣны приговора, онъ возстанавливается въ правахъ изобрѣтателя, занимаетъ соотвѣтствующій постъ. Совѣтскимъ добромъ побѣждается совѣтское зло. Но не хуже нарисована и эпизодическая фигура Буско, въ прошломъ профессора, впослѣдствіи такого же, какъ и Лопаткин, нищаго изобрѣтателя, но побѣжденнаго чинимыми ему препятствіями, отказавшагося отъ надеждъ, размолотаго жизнью. На его примѣрѣ совѣтскимъ зломъ побѣждено совѣтское добро.

Дудинцевъ талантливый писатель и романъ его читается съ интересомъ. Но вотъ вы закрыли послѣднюю, 532-ю страницу и спрашиваете себя, что вынесено вами изъ прочитаннаго. Да только то, — вынуждены вы отвѣтить, — что среди себялюбцевъ, эгоистовъ, и прочей совѣтской дряни, существуютъ въ СССР люди, чистые сердцемъ, готовые итти на мученичество для того, чтобы.... наилучшимъ способомъ отливать сточныя трубы. Въ такихъ ли лозунгахъ нуждается современность?

Еще меньше отвѣчаетъ на этотъ вопросъ другой нашумѣвшій авторъ, Пастернакъ, своимъ бездарнымъ романомъ «Докторъ Живаго».

Лозунговъ высшаго порядка, въ поискахъ которыхъ мечется современность, въ совѣтской литературѣ не найти.

Гдѣ же искать ихъ?

Можетъ быть русскій эмигрантъ напишетъ романъ, подсказываемый современностью, подъ заглавіемъ «Человѣкъ — гражданинъ Вселенной»?

Крестъ на груди

(Эмигрантская повѣсть)

Глава V

Въ началѣ іюля Тулинъ уѣхалъ на отдыхъ къ своему другу на Корсику и въ ательѣ остался только Николай. Цоколь и помостъ были загнаны въ уголъ, посреди оказался столъ съ грязными стаканами, тарелками, ножами и вилками. Пустая литровая бутылка возвышалась среди нихъ. Разнокалиберныя кресла и стулья были придвинуты къ столу.

По вечерамъ иной разъ здѣсь собиралась эмигрантская молодежь отъ 18 до 25 лѣтъ, товарищи Коли по гимназіи или по прошлому сокольству. Каждый изъ нихъ прошелъ четыре—пять классовъ гимназіи или лицея и не окончилъ образованія по болѣе или менѣе трагическимъ обстоятельствамъ. У одного смерть родителей, у другого полное отсутствіе средствъ къ существованію и т. п. Теперь они боролись съ жизнью вплотную. Раньше, чѣмъ другимъ, она показала имъ свой звѣриный оскалъ.

Коля и Юра Богородскій только что встрѣтились у порога и вмѣстѣ вошли въ ателье. Теперь они приводили въ порядокъ столъ. Коля мылъ подъ краномъ посуду, а Юра вытиралъ ее не совсѣмъ чистымъ полотенцемъ.

— Можетъ зря и мыть то! — сказалъ онъ, — что у насъ сегодня за день?

— Ну, какъ! — отвѣтилъ Коля, — сегодня же суббота, пятнадцатое. Хунхузъ съ получкой. Не можетъ быть, чтобы не пришелъ. Да и Леля давно уже не заходилъ.

— Ну, Леля если и придетъ, такъ поздно. Только вина можно будетъ достать.

— Что жъ? и то годится. А вотъ, посмотри-ка, какое объявленіе я вычиталъ.

Порывшись въ карманахъ, Коля вытащилъ газетную вырѣзку и прочелъ: «Могу предоставить работу русскому молодому человѣку не старше 30 лѣтъ, вполнѣ здоровому. Сообщите адресъ и часы, когда можно застать дома. Приложите фотографію, которая будетъ возвращена».

— Чудно! — сказалъ Юра. — А адресъ то какой?

— Нѣтъ адреса. Почтовый ящикъ, гдѣ-то тамъ на Монмартрѣ.

— И что же? Послалъ ты свою фотографію?

— Послалъ, да только тоже чудную. Позировалъ я какъ-то разъ Сорокину голякомъ, во весь ростъ, а онъ возьми, да и сними меня въ этомъ видѣ. Ну, мнѣ одну карточку далъ. Я, какъ прочелъ объявленіе, искалъ, искалъ, едва нашелъ. Ну и послалъ ее. Другой не было. Не обѣщали бъ вернуть, не послалъ бы. Жаль, если пропадетъ.

— Давно послалъ?

— Да третьяго дня. Указалъ, что послѣ восьми бываю дома. Придется теперь сидѣть, ждать.

— Плюнь! Не придетъ навѣрно. Пропала твоя карточка.

Коля и Юра были незадачливыми членами ихъ молодого кружка, не имѣя постоянной работы. Красивый, съ густыми вьющимися волосами каштановаго цвѣта, прекрасно сложенный, Коля, то служилъ моделью скульпторамъ, знакомымъ брата, то убиралъ ихъ мастерскія, то помогалъ работать малярамъ, своимъ русскимъ эмигрантамъ. Юра, не высокій коренастый молодой человѣкъ съ незначительными чертами лица, жилъ съ родителями. Отецъ его бывшій крупный чиновникъ министерства юстиціи, страдалъ астмой, да и по возрасту не годился для физической работы и никакой другой не могъ получить за отсутствіемъ знакомствъ и протекцій. Онъ доживалъ свои дни, поддерживаемый только смутной надеждой на возможность переворота въ Россіи и возвращенія на родину. Мать занималась хозяйствомъ, стиркой, штопкой и хожденіемъ по благотворительнымъ организаціямъ за полученіемъ продуктовъ, одежды и денежныхъ пособій. Въ черные дни, когда въ домѣ не оставалось ни куска хлѣба, ни денегъ, и не было надежды на какое-либо полученіе, Юра шелъ продавать свою кровь въ одинъ изъ медицинскихъ институтовъ Парижа. Утирая слезы концомъ своего фартука, Юрина мать готовила въ такіе дни супъ на деньги, полученныя за кровь своего сына.

Столъ уже былъ приведенъ въ порядокъ, когда дверь въ ателье открылась и раздался громкій голосъ:

— Здорово, парнишки!

Высокій широкоплечій блондинъ вошелъ въ ателье. Было что-то азіатское въ его лицѣ, — не то скулы нѣсколько болѣе выдающіяся, чѣмъ нормально, не то странный разрѣзъ глазъ. Печать какого-то своеволія, удали, безшабашности лежала на всей его мощной фигурѣ, большихъ рукахъ, свѣтилась въ дерзкихъ сѣро-зеленыхъ глазахъ.

— Хунхузъ! Здорово! — отвѣтилъ Коля. — Я же говорилъ, что ты придешь! Еще бы не пришелъ!

— А и очень просто! Взялъ, да и не пришелъ. Что я обязанъ, что ли?

Хунхузъ подошелъ къ столу и поставилъ на него кошелку.

— Это вотъ на завтра, щи сварить, — говорилъ онъ, доставая пакеты, — это сегодня: томаты съ лучкомъ, да два кило кровяной съ картошкой. Ну, а за виномъ это ужъ Юрка лупи. Возьми гнѣздовку на шесть литровъ.

— Ты что, разбогатѣлъ?

— Прибавка сегодня вышла. Начальству угодилъ. На другой станокъ перевели.

Хунхузъ работалъ на заводѣ Рено уже третій годъ, методично, не пропуская ни одного дня, никогда не болѣя. Онъ былъ самымъ состоятельнымъ среди этой молодежи и, если бы захотѣлъ, могъ бы завязать знакомства въ болѣе обезпеченныхъ кругахъ эмиграціи, но какая-то дикарская приверженность однажды создавшимся дружескимъ узамъ связывала его съ этой группой обездоленной русской молодежи. Онъ чаще другихъ приносилъ жертвы на алтарь общаго питанія, не давая чувствовать своего матеріальнаго превосходства. Никто не зналъ его прошлаго, большинство даже не знало или забыло, что его зовутъ Иванъ Терплевъ. Прозвище Хунхузъ какъ приклеилось къ нему. Даже въ пьяные вечера, когда кругомъ развязывались языки, выливалось наружу много затаеннаго и злодѣйкѣ судьбѣ отомщались нанесенныя ею обиды, онъ оставался постоянно трезвъ и никогда не говорилъ о себѣ.

Сейчасъ же вслѣдъ за нимъ пришелъ Кромскій, трипортерщикъ, работавшій на Халлѣ*). Сперва онъ носилъ грузы на спинѣ, на рогаткѣ, а затѣмъ, скопивъ деньги, купилъ трипортеръ — ящикъ съ велосипедомъ на трехъ колесахъ. Теперь онъ работалъ до полудня на Халлѣ и съ двухъ часовъ до вечера на улицѣ Абукиръ — центръ торговли матеріями и портняжнымъ прикладомъ, прикапливая на покупку моторнаго трипортера. Кромскій былъ уроженецъ Польши, имѣлъ брата, польскаго офицера, происходилъ изъ семьи варшавскаго банкира, умершаго вмѣстѣ съ женой въ первые годы русской революціи. Онъ считался философомъ въ средѣ своихъ пріятелей. Не одинъ разъ находили они въ своихъ тетрадкахъ или записныхъ книжках изрѣченія, вписанныя на самыхъ неподходящихъ мѣстахъ. Первым было найдено слѣдующее: «Самый низкій тотъ, кому не дано давать».

Хунхузъ долго доискивался автора, сперва втихомолку, а когда это не увѣнчалось успѣхомъ, рѣшилъ дѣйствовать иначе. Въ одно изъ собраній, когда было уже достаточно выпито, онъ заявилъ:

— Среди насъ скрывается нѣкій философъ. Онъ много теряетъ избѣгая дружескихъ совѣтовъ. Я бы могъ, напримѣръ, посовѣтовать ему выражать свои философскія формулы съ большей полнотой и отчетливостью. Изрѣкая, что самый низкій тотъ, кому не дано давать, онъ обязательно долженъ былъ бы пояснить, какую разновидность человѣческой породы онъ имѣетъ въ виду, потому что, по большей то части именно тѣ, кому дано давать, оказываются ниже тѣхъ, кому не дано давать.

Воцарилось молчаніе. Потомъ Кромскій взорвался:

— Ты пошлякъ и хамъ! — заоралъ онъ Хунхузу.

— А! — обрадовался Хунхузъ. — Вотъ онъ! Попался! Предлагаю всенародно возвести его въ званіе доктора отъ трипортеръ-философіи и выпить за его грядущую міровую славу! Ура!

Прокричали ура и Кромскій сталъ «философомъ». Вскорѣ Хунхузъ нашелъ въ своей адресной книжкѣ запись:

«Побѣда въ старости пропорціональна пораженію въ молодости, ибо пропорціональна качеству».

Послѣ этого онъ пересталъ называть Кромскаго философомъ и при случаѣ говорилъ, что Кромскій самый умный среди нихъ.

Передъ своимъ отъѣздомъ на Корсику старшій Тулинъ нашелъ въ своемъ брульонѣ эскизовъ фразу:

«Тотъ, кто смѣетъ начать жизнь снова, пріобрѣтаетъ молодость хотя бы въ 90 лѣтъ. Но для этого надо что-то любить и во что-то вѣрить».

Съ удивленіемъ онъ спросилъ брата:

— Неужели это ты написалъ?

Торговцы на Халлѣ часто давали Кромскому, исполнявшему ихъ порученія, кромѣ денегъ, аппетитные куски своихъ товаровъ, поступавшие въ дни сборищъ въ общій котелъ.

Такъ было и сегодня, и ужинъ обѣщалъ быть обильнымъ. Печка была затоплена. Юра принесъ литры вина и компанія, расположившись вокругъ стола, уже начала ужинъ, когда въ ателье вошелъ новый посѣтитель, державшій въ рукѣ большой скрипичный футляръ.

— А! Маэстро!

— Вотъ и онъ!

Привѣтствовали его присутствующіе.

Леля положилъ скрипку на сосѣдній стулъ, запустилъ руку въ карманъ пиджака и вытащилъ пригоршню мелкихъ денегъ, бумажекъ и монетъ.

— Спрячь! Сегодня не надо. Обойдется безъ тебя.

Леля былъ сыномъ бѣлаго офицера. Во время гражданской войны отецъ былъ раненъ въ область живота и послѣ многихъ операцій, когда у него были вырѣзаны почти всѣ кишки, навсегда утратилъ свое здоровье. Послѣ мытарствъ по Балканамъ онъ попалъ съ сыномъ въ Парижъ и добывалъ себѣ хлѣбъ и комнату въ отелѣ, играя на гармоніи въ случайныхъ оркестрахъ, а когда такой работы не было, ходилъ играть по дворамъ. Сынъ Леонидъ подбиралъ бросаемыя монеты. Когда Леля подросъ, отецъ купилъ ему скрипку и черезъ нѣкоторое время они стали играть дуэтомъ. Леля обнаружилъ недюжинныя музыкальныя способности. Онъ игралъ и по нотамъ, легко усваивая технику и совершенствуя виртуозность пальцевъ, но не въ этомъ было главное Лелино дарованіе. Онъ былъ невыявившимся по винѣ жизненныхъ условій композиторомъ. Онъ фантазировалъ съ удивительной легкостью и изяществомъ на любую музыкальную тему, аккомпанировалъ пѣнію, тутъ же сочиняя вступленіе въ мелодію и заключеніе ея совершенно оригинальными варіаціями. Его большіе голубые глаза, всегда печальные, и какъ бы не отъ

*) Центральный рынокъ Парижа.

міра сего, становились задумчивыми въ такія минуты, а его постоянный нѣжный румянецъ становился ярче, выдавая его волненіе. Его отецъ умеръ три года тому назадъ. Леля продолжалъ жить въ томъ же отелѣ, свободно оплачивая комнату и свои одинокіе, холостяцкіе расходы. Его знали въ опредѣленныхъ кварталахъ Парижа, были даже дома, гдѣ ждали его появленія и щедро вознаграждали его искусство. Онъ никогда не считалъ своихъ денегъ. Въ дни платежа за комнату, онъ приходилъ къ хозяйкѣ отеля и оттопыривалъ карманъ. Она уже сама доставала и отсчитывала нужную сумму, кладя остатокъ обратно, а иногда говоря:

— Вамъ не хватаетъ семнадцать франковъ, монсье Леонъ.

Усаживаясь за столъ Леля сказалъ:

— Васса придетъ сегодня.

— Одна или съ дочкой? — спросилъ Коля.

— Не знаю. Она была одна.

— Опять, значитъ, плохи ея дѣла.

— Почему? — спросилъ Хунхузъ, — и, вообще, кто она такая?

— Она аристократка. Братъ давно уже ее знаетъ. Лѣтъ десять тому назадъ была тонная барышня, играла на рояли, писала стихи, даже печатали ее. Ну, покуда деньги были, жили широко, о заработкахъ не заботились, все думали, вотъ-вотъ въ Россію вернутся. А какъ прожили все, — что тутъ дѣлать? — Отправили ее отецъ с матерью къ знакомымъ въ Ниццу погостить, а сами въ тотъ же вечеръ газъ открыли. Съ тѣхъ поръ она одна. Пыталась стихи печатать, уроки на рояли давать. Развѣ на это проживешь? Да и не приспособлена она къ жизни, вѣритъ всѣмъ и каждому. Изъ прежнихъ ее ухажеровъ нашелся один, перевезъ къ себѣ на правахъ невѣсты, пожилъ съ ней года два, сдѣлалъ дочку, а потомъ сложилъ чемоданы и уѣхалъ куда-то въ Индокитай. Съ тѣхъ поръ она и мается, нигдѣ пристроиться не можетъ. Иной разъ и выпивать стала съ горя. Покуда есть деньги, съ дѣвочкой въ отелѣ живетъ, а какъ выйдутъ, отведетъ дочку къ знакомымъ, а сама дня на два, на три пропадетъ, покуда не раздобудется.

— Слыхалъ и я про это, — сказалъ Кромскій, — доля горькая!

— Ну, ладно, плакать потомъ будемъ, — заявилъ Хунхузъ. — Леонидъ, бери скрипку. Николай, пой!

— Что пѣть? — спросилъ Николай.

— Коней! Коней! — вмѣстѣ крикнули Юра и Хунхузъ.

— Опять коней?

— Значитъ опять, если публика требуетъ

Лелька досталъ скрипку и отошелъ въ сторону. Коля сталъ рядомъ. Печальные протяжные звуки народной русской пѣсни наполнили комнату. Это еще не сама мелодія, а только приготовленіе къ ней. Будто говоритъ оно: слушайте, слушайте! вотъ сейчасъ... вотъ что-то большое!.. прекрасное!...

Лелька кивнулъ головой и на первый планъ выплылъ низкій баритонъ Николая:

«Что вы головы повѣсили, соколики?
Что-то ходъ теперь вашъ сталъ ужъ
не быстрехонекъ!
Аль почуяли вы сразу мое горюшко?
Аль хотите раздѣлить со мною долюшку?

Не печальтесь, не тоскуйте,
все поправится.
Прокатите побыстрѣе, — все забудется.
Разлюбила? ну такъ что жъ?
Сталъ ей, видно, не хорошъ.
Буду васъ любить, соколики мои!

Ну, быстрѣй летите кони,
Отгоните прочь тоску!
Мы найдемъ себѣ другую
Раскрасавицу жену».

И опять пѣла скрипка, опять вспоминала что-то незабвенное, что въ одно время и щемитъ, и ласкаетъ сердце. Коля вступилъ вновь:

«Как, бывало, къ ней пріѣдешь,
да обнимешься,
Поцѣлуешь, приласкаешь, приголубишся!
Какъ бывало съ нею на сердцѣ
легохонько!
Провожали вечера мы съ ней
до зореньки!

А теперь лечу я съ вами, ну! соколики!
Коротаю время съ вами горемычное...»

Раздался стукъ въ дверь. Леля и Николай замолкли.

— Что такое? — спросилъ Хунхузъ. — Полиція?

— Да нѣтъ, это Васса. Старыя привычки.

Коля пошелъ и открылъ дверь.

Въ ателье вошла женщина въ черномъ неряшливомъ платьѣ, со слѣдами померкшей красоты на лицѣ. Большіе сѣрые глаза ея были тусклы, отъ изящнаго точенаго носа складки къ губамъ слишкомъ глубоки для ея молодости, красивыя дуги бровей обезцѣнивались небрежностью волосъ, прядями выбившихся на вискахъ, закрученныхъ на затылкѣ.

— Васса! Здравствуй, Вассочка! — раздались голоса.

Васса медленно подошла къ столу, взяла первый попавшійся стаканъ съ виномъ, выпила и, тяжело вздохнувъ, опустилась въ Колино кресло.

Всѣ смотрѣли на нее. Леля спряталъ скрипку и тоже подошелъ къ столу. Васса обвела всѣхъ взоромъ и, помолчавъ, медленно, съ перерывами, заговорила:

— Сегодня... пошла за Валей... у Ивановыхъ она осталась... хотѣла обнять, поцѣловать... а она плачетъ... кричитъ «не хочу къ мамѣ!..»

Васса обвела всѣхъ взглядомъ, какъ будто удивленно и повторивъ еще разъ: «Не хочу къ мамѣ!..» — всхлипнула и, упавъ головою на столъ, зарыдала.

Нестерпимо раздавались рыданія въ наступившей тишинѣ.

Кромскій вскочилъ и треснулъ кулакомъ по столу:

— И это все простить!?.. Им простить?.. Исковеркали нашу жизнь, жизнь цѣлаго поколѣнія! Нашу мужскую жизнь, которую мы имѣемъ силы сдѣлать на что-то похожей! Но ея! Ея женскую слабую жизнь! Во имя чего? Во имя счастья «будущихъ»? Это во имя ихъ она ночуетъ подъ мостами? Ты думаешь, мы не знаемъ, что ты ночуешь подъ мостами? Не знаемъ, чѣмъ ты сыта бываешь? И это все простить!? Если за себя мы можемъ простить, такъ за нее только подлец можетъ! Будь они трижды прокляты, благодѣтели человѣчества!..

Кромскій стоялъ блѣдный, съ горящими глазами, потрясая кулакомъ.

— Кончилъ? — спокойно спросилъ его Хунхузъ. — Ни отъ крика твоего, ни отъ стука толку не будетъ. Тутъ дѣло иное.

Съ этими словами Хунхузъ полѣзъ за пазуху, вытащилъ бумажникъ, вынулъ изъ него нѣсколько кредитныхъ билетовъ и обратился къ Кромскому.

— Опорожняй бумажникъ.

Кромскій безпрекословно досталъ и положилъ на столъ пачку кредитокъ.

— Выворачивай карманъ, Леонидъ.

Леля, улыбаясь, вывернулъ карманъ на столъ. Разнокалиберныя монеты покатились во всѣ стороны. Хунхузъ сгребъ всѣ деньги въ кучу и пересчиталъ.

— Теперь, вотъ мое мнѣніе, — обратился онъ ко всѣмъ столпившимся вокругъ стола, — а если кто придумаетъ лучше, пусть скажетъ.

Онъ отдѣлилъ небольшую кучку денегъ, пересчиталъ и придвинулъ къ Вассѣ.

— На это вы купите вашей дочкѣ новое платье.

— На это вы купите ей куклу, — онъ отдѣлилъ вторую кучку денегъ.

— Завтра вы пойдете за нею, подарите ей куклу, одѣнете новое платье и приведете сюда. Если она будетъ плакать, все равно приведете, потому что съ сегодняшняго дня она наша дочка.

Васса подняла голову и съ недоумѣніемъ, будто боясь ослушаться, смотрѣла на него. Ея глаза перестали быть тусклыми, вся жизнь ея загорѣлась въ нихъ лучистыми огнями.

— Покуда Николай одинъ, вы будете жить здѣсь. Спать вотъ на этомъ диванѣ. Это — деньги на недѣлю хозяйства и на то, чтобы вы привели себя въ порядокъ. Черезъ недѣлю будетъ новый взносъ. А завтра, въ часъ дня, обѣдаемъ здѣсь всѣ, кто можетъ.

Хунхузъ посмотрѣлъ кругомъ:

— Всѣ согласны?

Одобрительные возгласы раздались со всѣхъ сторонъ, а Васса, прежде, чѣмъ Хунхузъ успѣлъ остеречься, схватила его руку и поцѣловала.

— Богъ с вами, Васса! Что вы дѣлаете?! Теперь время выпить за здоровье нашей общей дочки. Философъ, говори тостъ!

Быстро были наполнены стаканы. Всѣ встали, высоко поднявъ ихъ. Кромскій оглядѣлъ ателье, потомъ устремилъ взоръ на Хунхуза.

— Человѣческая душа, — раздѣльно произнесъ онъ, — самая трудная глина. Лучшій скульпторъ тотъ, кто вдохнетъ въ нее жизнь.

Еще не были допиты стаканы, еще всѣ стояли вокругъ стола, какъ входная дверь открылась и въ ателье, медленно и тяжело ступая, вошелъ Осининъ.

Конецъ второй части

Н. Майеръ

Русскія былины

(СПРАВКА)

I

Былины — произведенія изустной народной эпической поэзіи въ отличіе отъ поэзіи лирической, обнимающей разнообразныя пѣсни — колыбельныя, свадебныя, подблюдныя, хороводныя, причитанія и т. д.

Въ географическомъ отношеніи нашъ былинный эпосъ принято дѣлить на: (а) **Кіевскій** и (б) **Новгородскій.** Но эта классификація условная, такъ как мѣстности, въ которыхъ зарождались и складывались былины, далеко не всегда могутъ быть установлены.

Въ настоящемъ очеркѣ даются свѣдѣнія о былинахъ Кіевскаго цикла, тогда какъ Новгородскій былинный эпосъ явится предметомъ послѣдующей статьи.

Кіевскія былины связаны съ городомъ Кіевомъ и именемъ князя Владиміра. Старшій изъ богатырей, Илья Муромецъ, испрашивая родительскаго благословенья, говоритъ:

Я поѣду въ славный, стольный **Кіевъ-градъ**
Помолиться чудотворцамъ **Кіевскимъ,**
Заложиться за князя **Володимира.**

Равнымъ образомъ слѣдующій по старшинству богатырь Добрыня Никитичъ, защищая Кіевъ отъ степных хищниковъ, служитъ князю Владиміру.

Въ былинахъ этого цикла характеристика Владиміра отнюдь не однородна: съ одной стороны, онъ — «пресвѣтлый», «Красно-Солнышко» и «ласковый», а съ другой — онъ именуется «коварнымъ», «жаднымъ», «неблагодарнымъ» и награждается другими нелестными эпитетами.

Такъ, Илья Муромецъ отказался принять приглашеніе попировать «во гнѣздышкѣ Соловьемъ»,

А поѣхалъ онъ ко граду ко Кіеву,
Ко **ласковому** князю ко Владимиру.

Но несмотря на то, что Илья князю Владиміру много важныхъ услугъ оказалъ и не разъ спасалъ Кіевъ стольный градъ отъ враговъ иноземныхъ, «Красно-Солнышко» иногда проявлялъ неуваженіе къ своему славному богатырю. Такъ, однажды, пригласивъ къ своему столу всѣхъ богатырей, Владиміръ не позвалъ Илью. Это оскорбило Муромца, и въ отместку онъ собралъ «голь кабацкую», посбивалъ стрѣлами «маковки золоченыя со святыхъ Божіихъ церквей», и продавъ эти маковки, угостилъ пьяницъ и бродягъ кіевскихъ. Испугался Владиміръ, опасаясь буйства великаго; и послалъ онъ Добрыню Никитича для мирныхъ переговоровъ «съ большимъ братомъ» Ильей Муромцемъ. Тотъ, простивъ Владиміру оскорбленіе, признается, однако, что не пришли князь для переговоровъ Добрыню, смерть постигла бы какъ самого Владиміра, такъ и княгиню его. Говоритъ Илья:

А было намѣреніе наряжено
Натянуть тугой лукъ разрывчатый,
А класть стрѣлочки каленыя,
Стрелять въ гридню во столовую,
Убить тебя, князя Владимира.

Вотъ другой примѣръ. Владиміръ какъ-то устроилъ пиръ для своихъ придворныхъ, но богатырей не пригласилъ. Илья явился на пиръ-веселье безъ зову. Раздраженный его приходомъ «неблагодарный» князь приказалъ богатыря живьемъ въ подвалѣ закопать, чтобы умеръ онъ голодной смертью. Но Илью тайно кормили, и впослѣдствіи, по просьбѣ того же Владиміра, Илья спасъ Кіевъ отъ несмѣтной силы татарской.

Такимъ образомъ, духовный обликъ князя Владиміра въ нашемъ былинном эпосѣ остался двойчатымъ и непримиреннымъ. Личность же Ильи Муромца въ былинахъ освѣщена исчерпывающе, и представленъ онъ не только могучимъ витяземъ, но и въ нравственномъ отношеніи — рыцаремъ «безъ страха и упрека». Онъ беззавѣтно-вѣрный слуга своему Отечеству. Жизнь его протекаетъ по завѣтамъ православной старины и христіанской морали: онъ богомольный, въ привычкахъ своихъ незатѣйливый и охотно выступаетъ защитникомъ вдовъ и сиротъ. Онъ — «крестьянскій сынъ»; мать — сыра земля любитъ его; онъ именно народный герой, стоящій ближе къ «смерду», т. е., крестьянину-земледѣльцу, нежели къ придворнымъ кругамъ того же князя Владиміра.

Эту характерную черту въ русскомъ богатырѣ отмѣтилъ и графъ А. К. Толстой въ стихотвореніи «Илья Муромец»:

Дворъ твой, княже, мнѣ не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ не прихотливый —
Былъ бы хлѣба кусъ.
Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою,
Такъ шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью.

Сила Ильи безмѣрна; получилъ онъ ее отъ «каликъ перехожіихъ», отъ самого Христа и двухъ Апостоловъ. Не подъ силу ему только «старшіе» богатыри — Святогоръ, Самсонъ, Вольга Святославовичъ и Микула Селяниновичъ. Но ихъ — «сила нездѣшняя», и калики запрещаютъ Ильѣ вступать съ этими «старшими» въ соперничество.

Историки-славянофилы видѣли въ Ильѣ воплощеніе народныхъ идеаловъ — почитанія родителей, вѣрности завѣтамъ Православія, беззлобія и безкорыстнаго служенія Родинѣ. (Константинъ Аксаковъ и Орестъ Миллеръ).

Илья Муромецъ не только центральное дѣйствующее лицо, но и доминирующая идея Кіевскаго эпоса. Подобно Гераклу въ эллинской миѳологіи, Илья совершаетъ рядъ героическихъ подвиговъ: расправился онъ съ Соловьемъ-Разбойникомъ, побѣдилъ Калина-царя и Сокольника, и убилъ Идолище Поганое. Но въ отличіе отъ подвиговъ Геракла, имѣющихъ л и ч н ы й характеръ, вся подвижническая дѣятельность Ильи посвящена н а ц і о н а л ь н ы м ъ цѣлямъ, защитѣ государства отъ монгольскихъ ордъ, совершавшихъ дерзкіе набѣги на Кіевскую Русь.

Нѣкоторыми русскими историками и филологами было высказано предположеніе, что Илья возникъ въ народномъ сознаніи путемъ заимствованій изъ другихъ эпосовъ — южно-славянскаго, византійскаго и даже иранскаго. Дѣйствительно, въ духовномъ обликѣ нашего богатыря и въ его подвигахъ замѣтны общія черты с этими иноземными источниками. Такъ, по Муромскому преданію, Илья передъ началомъ своихъ подвиговъ, принялся помогать родителямъ въ ихъ повседневныхъ трудахъ.

Пошелъ Илья къ родителю ко батюшку
На тую работу на крестьянскую —
Очистить надо поле отъ дубья-колодья.
Онъ дубы-колодье все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
А самъ и сшелъ домой.

Здѣсь обнаруживается несомнѣнное сходство Ильи съ Кралевичемъ Маркомъ, героемъ Сербскаго эпоса, первый подвигъ котораго заключался въ корчеваніи поля.

Далѣе, любопытно сближеніе битвы Ильи съ богатыремъ Жидовиномъ и сказанія о боѣ Марка Сербскаго съ Недой-«Джидовинымъ». Въ русской былинѣ, какъ и въ сербской пѣснѣ ратоборство кончается обезглавленіемъ Жидовина. Илья Жидовину:

Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро затьмилъ очи ясныя,
По-плечь отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.

Сближаются былины объ Ильѣ и съ нѣкоторыми сказами скандинавскаго, особенно датскаго, эпоса. Такъ же, какъ Илья получаетъ сверхъестественную силу отъ таинственныхъ каликъ «перехожіихъ», Тетле-

эйфъ датскій, долгое время бывшій запечнымъ лежебокой, вдругъ, какъ бы чудомъ, надѣляется мощью богатырской и отправляется въ путь-дороженьку на геройскіе подвиги. И его, такъ же, какъ Илью, родители, снаряжая въ страствованіе, наставляютъ быть милосерднымъ и равно относиться къ богатымъ и бѣднымъ. Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи Кіевскаго былиннаго эпоса осложняется сопоставленіемъ его съ южно-славянскими сказаніями, скандинавскими сагами и другими иноземными источниками изустнаго народнаго творчества.

Слѣдуетъ, однако, помнить, что такія заимствованія наблюдаются не только въ твореніяхъ эпическихъ, но и въ образованіи и постепенномъ развитіи любой отрасли человѣческаго вѣдѣнія, въ частности, въ непрерывныхъ метаморфозахъ и обогащеніи языковой стихіи каждаго народа.

Как бы то ни было, Илья Муромецъ такъ сросся съ нашимъ эпосомъ, что несмотря ни на какія заимствованія и чужеземныя наслоенія, онъ долженъ быть признанъ богатыремъ и героемъ чисто и сугубо національнымъ, въ которомъ, какъ въ нѣкоемъ синтезѣ, слились исконно-русскіе идеалы.

Борисъ Бразоль

(Продолженіе слѣдуетъ)

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

Членамъ Союза и подписчикамъ "Рус. Рѣчи". Не забудьте прислать ваши членскіе взносы и возобновить абонементъ на слѣдующіе за вашимъ срокомъ номера "Русской Рѣчи". Всю корреспонденцію, въ томъ числѣ и денежную, слѣдуетъ направлять по адресу:

N. Mayer — 8, rue St. Julien-le-Pauvre, Paris 5-me.

Подписка на 1961-й годъ, на №№ 13, 14, 15, 16 во Франціи — 350 фр., внѣ Франціи — 400 фр. Отдѣльный номеръ — 100 фр.

Изданія Об-ва имени А. С. Пушкина
Всѣ изданія Об-ва печатаются по русскому правописанію.

Б. Л. Бразоль:

Рѣчи, т. II	2 д. 50 ц. — 10 н.ф.
Праздныя Мысли, т. II	2 д. — 9 н.ф.
Русское Правописаніе	50 ц. — 2 н.ф.
О Русскомъ Произношеніи	1 д. — 4 н.ф.
Церковно-славянская и Библейская стихіи въ творчествѣ Пушкина	75 ц. — 3 н.ф.
Душевная драма Гоголя	50 ц. — 2 н.ф.

Выписывать ихъ для Америки по адресу:
B. L. Brasol — 1834 Broadway, New York 23. N.Y.
для Франціи по адресу Н. Майера, — прилагая стоимость ихъ или въ долларахъ, или во франкахъ. Указанныя во франкахъ цѣны предназначены исключительно для подписчиковъ «Русокой Рѣчи» и для членовъ Союза защиты чистоты русскаго языка.

Imprimerie S.I.P.E., 32, rue de Ménilmontant.

Journal trimestriel

LA PAROLE RUSSE

Directeur N. MAYER

Союзъ для защиты чистоты русскаго языка

84, Boulevard Malesherbes — Paris (8e)

N° 14 **1961 — JUILLET, AOUT, SEPTEMBRE** **N° 14**

Защита чистоты русскаго языка не реакція, не проповѣдь неизмѣняемости однажды принятыхъ формъ, не противодѣйствіе органическому развитію русскаго слова. Она противодѣйствуетъ внѣдренію въ русскую рѣчь большевицкаго жаргона, эмигрантскихъ заимствованій и ничѣмъ необоснованныхъ претенціозныхъ искаженій.

Отъ „новой орфографіи" до Лумумбы

На первый взглядъ разстояніе большое. Но это только на первый взглядъ, на самомъ дѣлѣ дорога не такъ ужъ дальная. Это становится яснымъ при первой же попыткѣ оцѣнить моральное значеніе "новой орфографіи". До настоящаго времени этимъ не занимались, но въ концѣ концовъ такая оцѣнка должна быть сдѣлана. Люди, живущіе сознательно современной имъ общественной жизнью, обязаны давать ту или иную оцѣнку каждому общественному явленію и, признавъ его полезнымъ, содѣйствовать внѣдренію его въ общественную жизнь, а признавъ его вреднымъ, стараться его искоренить.

Судьба "новой орфографіи", какъ общественнаго явленія, здѣсь, за рубежомъ, необычна. У нея нѣтъ защитниковъ. Изъ тѣхъ, кто пользуется ея услугами и имѣетъ возможность выражать свои мнѣнія публично, никто не сказалъ, что она усовершенствовала русскій языкъ. Не сказалъ, по всей вѣроятности потому, что не думаетъ такъ. И всѣ они, не для оцѣнки "новой орфографіи", а для оправданія своего пользованія ея услугами, имѣютъ единственный доводъ: "двѣсти милліоновъ пишутъ по новой орфографіи".

Какова моральная стоимость такого оправданія?

Prix — 100 fr. **Abonnement — 350 fr.**

Одинъ изъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ въ № 115 журнала "Согласие" (печатающагося, какъ это ни странно, по "новой орфографіи") даетъ его сотрудникъ Г. А. въ стихотвореніи, выдержки изъ котораго приводимъ во всей ихъ неприкосновенности:

Зачем учиться, к чему томиться?...
С какой "И" точкой, какое "five"?...
Свобода! — значит долой границы!
На весь алфавит мне наплевать!

Нужны вамъ гнѣзды, и лѣсъ, и звѣзды?...
И нѣжность пѣсенъ, дѣвичій слѣдъ?...
А не хотите-ль замкомпоморде?
Иль вцик-ревкомом бы вас огреть!

Мы все ломаем, все сокрушаем
И нам противен ваш "твердый знак".
В чем мудрость жизни? — Ах, знаем
знаем —
Сплясать над прошлым шальной гопак!

Оканчивается это стихотвореніе четверостишіемъ:

Иные ветры, другие румбы...
Ломайте ж мачты, прочь паруса!...
Влечет нас властно мечта Лумумбы,
Рычанье джунглей... их голоса!

Оно не только указываетъ подлинную моральную стоимость "новой орфографіи" какъ общественнаго явленія, но даетъ также и моральную оцѣнку оправданія примѣромъ "двухсотъ милліоновъ", живущихъ по ту сторону желѣзнаго занавѣса, тѣхъ живущихъ в зарубежьѣ, которые пріятіемъ совѣтской орфографіи включили себя въ ряды отплясывающихъ "надъ прошлымъ шальной гопакъ".

И если бы только это! Бѣда не велика если кое кто изъ проживающихъ въ зарубежьѣ дойдетъ хотя бы даже до состоянія Лумумбы, но вѣдь среди этихъ, отплясывающихъ гопакъ надъ прошлымъ и позирующихъ въ то же время въ ореолѣ патентованныхъ борцовъ (на страницахъ ихъ газетъ и журналовъ) съ совѣтской властью, имѣются надѣющіеся играть ту или другую роль въ освобожденной отъ совѣтовъ Россіи. Доходитъ ли до ихъ сознанія, что пріятіемъ совѣтской орфографіи они понизили свой престижъ борцовъ противъ этой власти, подорвали свой авторитетъ?

Тамъ двѣсти милліоновъ приняли совѣтскую орфографію по приказу Луначарскаго *). Непринятіе ее грозило тамъ наказаніями, на которыя такъ щедра совѣтская власть. Что грозило здѣсь за ее непринятіе?

Тамъ, по приказу новой государственной власти, двѣсти милліоновъ возвратятся къ русскому правописанію такъ же покорно, какъ по приказу Луначарскаго они перешли на совѣтскую орфографію. Тамъ, для того, чтобы строить новую государственную и общественную жизнь, понадобятся сильные люди, не отступающіе передъ необходимостью ломать и сокрушать полу-вѣковую большевицкую мерзость, въѣвшуюся за этотъ долгій срокъ въ души двухсотъ милліоновъ. Совѣтская орфографія наименьшее зло въ перечнѣ большевицкихъ достиженій. Во сколько разъ труднѣе будетъ бороться съ той атмосферой лжи, интригъ, взаимнаго доносительства и т. д. и т. д., которыми пропитана совѣтская жизнь?

Позволено ли нашимъ эмигрантскимъ героямъ мечтать о подобной дѣятельности? Имъ! склонившимъ выю... передъ совѣтской орфографіей!

Роль пай-мальчиковъ имъ больше соотвѣтствуетъ. Но... нужны ли будутъ послѣ-большевицкой Россіи такіе "герои"?

*) См. № 2 "Русской Рѣчи".

Крестъ на груди

(Эмигрантская повѣсть)

Часть III

Глава I.

Давно уже Карминъ не бесѣдовалъ со своимъ дневникомъ, не смотря на то, что много разъ хотѣлось ему остаться съ нимъ наединѣ. Все что нибудь мѣшало.

Но вчера Анна сказала, что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровой и хочетъ весь слѣдующій день остаться въ своемъ отелѣ и, можетъ быть, даже не вставать съ постели. Кеннель заявилъ, что и онъ, въ такомъ случаѣ, посвятитъ весь день своему секретарю и своей корреспонденціи, которую чрезвычайно запустилъ. Было условлено, что они встрѣтятся черезъ два дня утромъ въ отелѣ Анны и тогда уже и рѣшатъ какъ провести время.

Такимъ образомъ и Карминъ на слѣдующій день послѣ хлопотъ со своимъ гаражемъ, отклонивъ приглашенія пріятелей, получилъ, наконецъ, свободное время "для самого себя", какъ онъ выражался.

Больше всего ему хотѣлось побесѣдовать съ дневникомъ о той смутной тревогѣ, которая постепенно наростала въ немъ. Но прежде, чѣмъ начать записывать, онъ задумался надъ вопросомъ, когда же именно и по какому поводу эта тревога появилась. Съ удивленіемъ припомнилъ онъ, что это ощущеніе наростанія событій, рѣшающихъ судьбы отдѣльныхъ людей и это подсознательное ожиданіе какой то общей катастрофы, знакомы ему уже съ давнихъ поръ, что въ сущности они никогда не

покидали его во все время его эмигрантства и лишь затуманивались повседневными интересами, обязательными заботами существованія. Подчасъ эта тревога вспыхивала съ новой силой, подчасъ уменьшалась, но жила то она постоянно, отравляя его жажду жизни, подчиняя себѣ его настроенія, управляя въ какой то мѣрѣ его поступками.

Съ тѣхъ поръ какъ Анна стала играть въ его жизни доминирующую роль и у него появилось представленіе о томъ, что ихъ судьбы связаны, это ощущеніе нависшей опасности приняло как- бы персональный характеръ, очертанія лично ему грозящаго бѣдствія. Можетъ быть это была боязнь, что нѣчто новое, непредвидѣнное, вмѣшается и измѣнитъ его взаимоотношенія съ Анной, сдѣлаетъ невозможной ту ихъ близость, которую онъ такъ цѣнилъ и отъ полнаго осуществленія которой предвкушалъ такъ много счастья. Можетъ быть! Это было бы подобіемъ боязни матери за своего ребенка, боязни, чтобы не случилось чего съ ея любимцемъ, если бы не было и разницы. Въ то время какъ мать въ глубинѣ души вѣритъ, что ничего недобраго не произойдетъ съ ея дѣтищемъ, потому что ни у кого, даже у самой судьбы, не поднимется рука для того, чтобы сдѣлать зло такому прекрасному созданію, — у Кармина въ глубинѣ души лежало смутное предчувствіе какихъ то неизбѣжныхъ несчастій и бѣдъ.

Долго онъ сидѣлъ въ задумчивости, стараясь понять, почему живутъ въ немъ эта тревога и эта боязнь, откуда онѣ взялись и кто виноватъ въ томъ, что онѣ существуютъ. Онъ припоминалъ то время, когда былъ свободнымъ отъ нихъ, когда онъ былъ въ Россіи. Припомнилъ онъ и все то, что пришлось ему тамъ пережить. Можетъ быть въ томъ то и нужно искать рѣшеніе волнующей его загадки? Въ, этомъ нагроможденіи ужасовъ, сопутствующихъ революціи, считающихся почему то не только неизбѣжными послѣдствіями ея, но какъ бы необходимыми, чуть ли не законными. Въ неисчислимыхъ страданіяхъ дѣтей, матерей, отцовъ, вопіющихъ къ небу, ищущихъ отомщенія? Можетъ быть. Но при чѣмъ тутъ онъ? Онъ не виноватъ въ нихъ.

Ему не хотѣлось записывать весь ходъ своихъ мыслей, это было бы долго, а его влекло думать объ Аннѣ. Онъ записалъ только то, что казалось ему наиболѣе общимъ выводомъ изъ всего, о чемъ онъ думалъ.

"Въ человѣческомъ пониманіи существуютъ двѣ стихіи безначальныя и безконечныя — время и пространство. Но, можетъ быть, имѣются и другія, недоступныя человѣческому воспріятію. Можетъ быть существуетъ стихія жизни, такая же безначальная и безконечная, такая же неумолимая и безпощадная, какъ и первыя двѣ, производящая новыя существа только для того, чтобы творить, творить во что бы то ни стало, равнодушная къ судьбамъ тѣхъ, кого она создаетъ, безразличная къ тому кто кого съѣстъ и кто будетъ съѣденнымъ. Она рождаетъ калѣкъ и уродовъ, неповинныхъ въ своемъ уродствѣ, съ такой же послѣдовательностью, какъ и здоровыхъ нормальныхъ людей. Съ одинаковой щедростью она надѣляетъ жизнью и полезныя и вредныя существа. Какъ допустить, что туберкулезная бацилла имѣетъ такое же право на жизнь, какъ и прекрасная работница пчела. Она несправедлива эта стихія жизни и нарушаетъ міровую гармонію, которая необходима для того, чтобы допустить божественность мірозданія. Можетъ быть существуютъ и четвертая, и пятая, и шестая стихіи, неизвѣстныя намъ. Можетъ быть, въ противовѣсъ несправедливости стихіи жизни существуетъ четвертая — стихія возмездія, стихія справедливости, равновѣсія добра и зла, равновѣсія, опредѣляемаго не нами. Быть можетъ это неизбѣжное равновѣсіе добра и зла превращаетъ наши поступки въ величины самоцѣнныя, продолжающія существовать впредь до искупленія ихъ равнымъ противоположеніемъ, размѣръ котораго людямъ знать не дано; искупленія не только личныхъ нашихъ грѣховъ, но того общаго зла, причиняемаго поступками сотенъ, тысячъ людей, становящагося зломъ міровымъ; искупленія всѣхъ, чьихъ бы то ни было, оставшихся неискупленными преступленій; искупленія страшнаго, стихійнаго, такого, какимъ требуется оно стихіей возмездія. И, если лѣвая чаша вѣсовъ этой стихіи отягощена всѣми преступленіями и ужасами революціи, то какія гири должны лечь на ихъ правую чашу для достиженія равновѣсія? Наши разбитыя судьбы? Наша выстраданная жизнь? Достаточно ли этого или нужно что то еще для достиженія равновѣсія? И что потребуется отъ него, Кармина, что можетъ онъ, лично онъ, положить на правую чашу вѣсовъ? Не отъ этого ли неизвѣстнаго, предстоящаго ему и живетъ въ немъ эта тревога? Не противорѣчатъ ли этому закону возмездія, этой обязанности искупить все то, что произошло въ Россіи, его, Кармина, жажда жизни и надежда на счастье?"

Положивъ стило онъ перечиталъ написанное и ему показалось, что мысль свою онъ выразилъ съ предѣльной ясностью. Заложивъ руки за спину онъ сталъ ходить по комнатѣ, перечисляя въ воспоминаніяхъ свои встрѣчи съ Анной. И ихъ случайное знакомство въ вагонѣ, и ту странную довѣрчивость, съ которой она, вполнѣ зрѣлая женщина, вдова, стало быть отдававшая себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ можетъ ей это грозить, согласилась итти съ нимъ, не знакомымъ человѣкомъ, бродить вечеромъ по французскимъ полямъ, и ту взаимную дружески-влюбленную связь, которая послѣ первыхъ трехъ-четырехъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ, между ними установилась, и ихъ дальнѣйшія встрѣчи, во время которыхъ они такъ мало говорили о себѣ, такъ мало открылись другъ другу.

Ему нестерпимо захотѣлось увидѣть Анну и разсказать ей все, что онъ думаетъ, что чувствуетъ, все то, чѣмъ давно уже слѣдовало бы ему подѣлиться съ ней. Захотѣлось и отъ нея услышать, наконецъ, все неизвѣстное, что до сихъ поръ окружаетъ ее какою то тайной, а можетъ быть и то, что непосредственно его касается, то что онъ предчувствуетъ. Если нельзя увидѣть ее, то хотя бы поговорить, услышать ея голосъ. Онъ снялъ трубку телефона и набралъ номеръ.

— Это вы, Анна? Это я, Карминъ. Простите за безпокойство, но мнѣ такъ захотѣлось поговорить съ вами. Вы однѣ? Какъ ваше здоровье? — Ну, слава Богу. Послушайте, Анна, если вы еще не ложитесь, можетъ быть, можно пріѣхать къ вамъ? еще не поздно, еще девяти нѣтъ. На пол-часа, на десять минутъ?

Въ отвѣтъ Карминъ услышалъ тихое и какъ будто смущенное: "Пріѣзжайте!"

— Черезъ четверть часа я буду у васъ — произнесъ онъ, также почему то шепотомъ.

Въ лихорадочной спѣшкѣ онъ надѣлъ шляпу, пальто и помчался къ Аннѣ.

Минуя отельную прислугу онъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ и робко постучалъ въ дверь. Когда на свой стукъ онъ услышалъ: "войдите" и вступилъ въ комнату, Анна, стоявшая у окна, обернулась и онъ увидѣлъ ее въ простомъ домашнемъ платьѣ, которое показалось ему красивѣе всѣхъ ея выходныхъ нарядовъ. Оно мягко облегало ея стройный станъ и будто нехотя скрывало изящныя линіи ея тѣла. Прическа ея была обычная, съ непокорными золотыми завитками на углахъ лба, и вся она была обычная. Нѣжная кожа ея лица и шеи, эта фарфоровость, будто пронизанная свѣтомъ и какая то особенная чистота въ выраженіи большихъ синихъ глазъ, въ движеніяхъ, во всемъ ея обликѣ, — все это было давно ему извѣстное, дорогое. Но сегодня было въ ней что то новое, что то радостное. Протянувъ впередъ обѣ руки, счастливо улыбаясь, она порывисто пошла ему навстрѣчу. Онъ безмолвно принялъ ее въ объятія и долго не отнималъ своихъ губъ отъ ея, покорныхъ...

Ни о чемъ поговорить они не успѣли.

Н. Майеръ

(Продолженіе слѣдуетъ)

Русскія былины

(СПРАВКА)

Продолженіе *)

Рядомъ съ Ильей Муромцемъ, но многими ступенями ниже его, стоятъ былинные богатыри, тоже Кіевскаго эпоса, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ.

Въ то время, какъ подвиги Ильи отмѣчены національнымъ характеромъ и предпринимаются для защиты Руси и князя Владиміра, воплощающаго государственную идею, геройскія дѣянія Добрыни, за исключеніемъ борьбы его со Змѣемъ-Горынычемъ, имѣютъ личный характеръ, не связанный съ какими либо патріотическими побужденіями. По нравственнымъ же качествамъ Алеша не только уступаетъ Ильѣ Муромцу, но не можетъ идти вровень и съ Добрыней. Прекрасно схваченъ Васнецовымъ въ его извѣстной картинѣ "Три богатыря" внѣшній обликъ Поповича: онъ не столько храбръ, сколько пронырливъ и хитеръ; дѣйствуетъ онъ не столько доблестью, сколько обманомъ, а отношеніе его къ женщинамъ легковѣсное; по выраженію былины, онъ "бабій пересмѣшникъ". Лживой рѣчью склоняетъ онъ, съ помощью князя Владиміра, Настасью дочь Никуличну вступить съ нимъ въ бракъ, увѣривъ ее, что мужъ ея Добрыня погибъ въ ратномъ дѣлѣ и

Убитъ лежитъ во чистомъ-полѣ,
Буйна голова испроломана,
Могучи плечи испрострѣлены,
Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ.

По прошествіи двѣнадцати лѣтъ безвѣстнаго отсутствія Добрыни Никитича, когда будто бы подтвердилась привезенная Поповичемъ "вѣсточка нерадостна" о гибели Никитича,

Сталъ Солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
"Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
Молодой свой вѣкъ коротати?
Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
А хоть за русскаго могучаго богатыря,
А хоть за смелаго Алешу Поповича".

И рѣшилась Настасья дочь Никулична внять совѣту Красна Солнышка — выйти замужъ за того ли богатыря смѣлаго, за Алешу за Поповича. И во гридницѣ "княжецкой" третій день ужъ справляется брачный пиръ-ликованіе, и настало ужъ время идти въ церковь Божію принимать Настасьѣ съ Алешею "по злату вѣнцу" на вѣнчаніе. Но для всѣхъ неожиданно, въ самый разгаръ пира брачнаго, входитъ Добрыня Никитичъ во гридницу, и при всѣхъ стыдитъ онъ Владиміра и княгиню его Апраксію за то, что "у живого мужа они жену просватали", и во лжи обвиняетъ Поповича. Не простилъ ему Добрыня вины "тяжкія", и всердцахъ

Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернулъ Алешку черезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ,
Повыдернулъ шалыгу **) подорожную,
Учалъ шалыжищемъ ухаживать,
Что хлопанье и что оханье, не слышно вѣдь.

На этомъ былина и кончается.

Хотя охранявшая Кіевъ "на степяхъ Цыцар-

*) См. "Русская Рѣчь" № 13.

**) Шалыга — тоже, что "шелепуга", т. е., арапникъ или пастушій кнутъ.

скiхъ" богатырская застава состояла изъ трехъ старшихъ богатырей — Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича, атаманомъ ея былъ Илья, которому безпрекословно подчинялось податаманье. Въ былинѣ о Жидовинѣ-Нахвальщикѣ, угрожавшемъ стольному граду Владимiра нашествiемъ, Илья отказывается довѣрить Алешѣ Поповичу единоборство съ великаномъ заморскимъ, поясняя рѣшенiе свое такими словами:

Неладно, ребятушки, положили:
Увидитъ Алеша на Нахвальщикѣ
Много злата-серебра,
Злату Алеша позавидуетъ,
Погинетъ Алеша по-напрасному.

Здѣсь къ характеристикѣ Алеши Поповича, и безъ того не очень привлекательной, народное творчество присовокупляетъ новую черту — корыстолюбивую зависть.

Такимъ образомъ, въ отличiе отъ многихъ героевъ эллинской миѳологiи и англо-германскаго эпоса, напр., Прометея, Геракла, Зигфрида, нравственно-возрожденнаго Парсифаля, короля Артура и др., наделенныхъ всевозможными добродѣтелями, наши былинные богатыри, за исключенiемъ, повторяю, Ильи Муромца, даже доблестно защищая Русь отъ всевозможныхъ "поганыхъ", отнюдь не лишены обще-человѣческихъ недостатковъ.

Второстепенные кiевскiе богатыри — Соловей Будумировичъ, Чурила Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ, Михайло Даниловичъ, Василiй-пьяница Долгополый, Суровецъ-Суздалецъ, Суханъ Одихмантьевичъ и Дунай Ивановичъ, прямо или косвенно связаны съ татарскими нашествiями, а поэтому, надо думать, ихъ происхожденiе относится къ серединѣ или концу XIII вѣка. Такъ, двѣнадцатилѣтнiй богатырь Михайло Даниловичъ спасаетъ Киевъ отъ татаръ. Суханъ, разговорившись съ Днѣпромъ, узнаетъ, что степные кочевники переправляются черезъ рѣку и готовятся напасть на стольный градъ. Суханъ вступаетъ съ ними въ бой и разбиваетъ ихъ на-голову. Владимiръ не повѣрилъ этому разсказу и посадилъ богатыря въ погребъ за хвастовство, Илья Муромецъ привезъ извѣстiе, подтверждавшее заявленiе Сухана, и Владимiръ освобождаетъ его. Но отъ обиды онъ отказывается жить и истекаетъ кровью, отъ которой потекла рѣка Сухманъ, или Донъ. Суровецъ-Суздалецъ узнаетъ отъ вѣщаго ворона, что татары въ полѣ ведутъ плѣнныхъ. Богатырь убиваетъ татаръ и освобождаетъ плѣнниковъ.

Иные второстпенные богатыри никакими подвигами не прославлены. Напр., Ставръ Годиновичъ — не болѣе, какъ искусный игрецъ на гусляхъ звончатыхъ. Михаилъ Потокъ тѣмъ только и извѣстенъ, что "спадливъ до вина".

Соловей Будумировичъ — заѣзжiй молодецъ "изъ-за моря, моря синяго, изъ глухоморья зеленаго, изъ славного горада Леденца". Приплывъ къ Кiеву на чудномъ кораблѣ, онъ подноситъ богатые подарки князю Владимiру, который въ награду даетъ ему "загонъ земли не паханыя и не ораныя", на которой Соловей велитъ своимъ "людямъ работнымъ" построить "снаряденъ дворъ въ вишеньѣ, въ орѣшенье". И вотъ

Съ вечера, позднымъ-поздно,
Будто дятлы въ дерево пощолкивали,
Работала, его дружина хорабрая,
Къ полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои рѣшетчатыя.

Дивно терема изукрашены и видна изъ нихъ "вся красота поднебесная". Такъ прельстилась Владимiрова племянница Запава Путятишна красотой Соловья и богатствомъ его, что сама себя за него засватала.

Къ былинамъ южно-русскаго происхожденiя относятся также "старшiе" богатыри Святогоръ, Самсонъ, Вольга Святославовичъ и Микула Селяниновичъ. Время возникновенiя сказовъ о нихъ остается неизвѣстнымъ, и лишь по однимъ намекамъ можно догадываться, что они какъ-то связаны съ Кiевскимъ эпосомъ. Так, калики перехожiе, отправляя Илью Муромца на ратные подвиги, запрещаютъ ему биться съ "старшими богатырями". Съ другой стороны, Вольга Святославовичъ, онъ же Вольга Всеславьевичъ, совершаетъ набѣгъ на Золотую Орду. Имя его также связывается съ Олегомъ, слывшимъ "вѣщимъ", т. е., чародѣемъ, а Олегъ изъ Кiева спускался по Днѣпру къ Черному морю. Наконецъ, въ одной изъ былинъ повѣствуется о встрѣчѣ Ильи съ Святогоромъ, который передъ смертью своею завѣщалъ свой богатырскiй мечъ Муромцу. Святогоръ — сила грузная, громадная, "сила нездѣшняя", мистическая.

Близко къ Святогору стоитъ и Самсонъ. Но этотъ "старшiй" богатырь несомнѣнно библейскаго происхожденiя: такъ же, какъ у библейскаго Самсона, у былиннаго богатыря сила — "въ семи волосахъ ангельскихъ". Жена его ослѣпляетъ, и онъ мститъ ей, разрушая палаты, въ которыхъ она пировала съ гостями. Изслѣдователи находятъ, что былинный Самсонъ связанъ съ эпосомъ хозаръ, которые, исповѣдуя iудейскую вѣру, были знакомы съ библiей.

Микула Селяниновичъ — олицетворенiе могучей стихiи земедѣльческой. А эта сила оказывается сильнѣе мощи Вольги со всею его дружиною. Какъ ни пытались они выдернуть Микулину сошку изъ земли и бросить ее "за ракитовъ кустъ", усилiя ихъ оказались тщетными. Однако, Микула шутя съ этимъ справился, и былина повѣствуетъ:

Подъѣехалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ солововенькой
Къ этой ко сошкѣ кленовоей,
Бралъ ту сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшника ***) земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

На югѣ Россiи, въ частности въ Малороссiи, былины Кiевскаго цикла не сохранились въ на-

***) Омѣшникъ рало у сохи.

родной памяти. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что частые набѣги степныхъ монгольскихъ кочевниковъ вынуждали коренное русское населеніе искать убѣжища въ сѣверныхъ лѣсистыхъ областяхъ, менѣе подверженныхъ опустошительнымъ иноземнымъ нашествіямъ. Эта тяга на сѣверъ длилась безъ малаго три столѣтія, съ самаго разоренія Кіева дикими ордами Батыя (1240). Но уходя отъ татаръ, русскіе люди уносили съ собой воспоминанья о славныхъ богатыряхъ, съ беззавѣтной доблестью защищавшихъ стольный Кіевъ-градъ и "ласковаго" князя Владиміра.

Собиратели былинъ Рыбниковъ, Григорьевъ, Марковъ и Гильфердингъ согласно свидѣтельствуютъ, что въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой былевой Кіевскій эпосъ бережно хранится сказителями и высоко цѣнится народомъ. На Украйнѣ же грозныя событія, связанныя съ почти безпрерывными войнами то съ Польшей, то съ Турціей, то съ Крымскими татарами, заслонили собой болѣе ранній періодъ русской исторіи.

Борисъ Бразоль

(Продолженіе слѣдуетъ)

Вооруженныя силы

Геройство низшихъ, ничтожество высшихъ

(Продолженіе) *)

Я ходилъ въ общественный садъ и на площадкѣ передъ театромъ «Кривого Джимми» просиживалъ или простаивалъ часы, вглядываясь въ колоссальную, открывающуюся панораму, въ ожиданіи увидѣть бѣлые дымки выстрѣловъ, далекія движущіяся цѣпи, случайный блескъ солнца на отточенной стали. Обычно всѣ скамьи бывали заняты. Мелькали знакомыя лица въ незнакомыхъ одѣяніяхъ, съ тѣмъ же напряженнымъ ожиданіемъ обращенныя въ таинственную даль, которую мы населяли нашими надеждами. И пусть молчала она — мы понимали, что на насъ работаетъ время.

Стали проходить изрѣдка черезъ городъ отряды войскъ, улицы стали безлюдѣть, будто таились ,только автомобили носились, какъ бѣшенные, развивая не городскую скорость. Кое-гдѣ стояли грузовики и таскали на нихъ скучныя вещи, имѣвшія видъ «казеннаго имущества». Вотъ цѣлая эскадра пыхтящихъ великановъ съ грохотомъ тянется по мостовой, наводняя улицу прозрачными облаками бензинной копоти. — Неужели уходятъ? — По симптомамъ — да, по газетамъ — нѣтъ. То же крикливое самохвальство, та же заносчивость, что и прежде...

Однажды утромъ я проснулся, разбуженный страннымъ звукомъ. — Что такое? — Вотъ опять! — Точно подушкой ударили по окну. Боже мой! Это они! Черезъ двѣ минуты я былъ на улицѣ.

На шоссе топтались красноармейцы въ какихъ-то дикихъ шлемахъ. Отрядъ былъ человѣкъ въ сорокъ. Они то боязливо подступали, къ мостику, въ концѣ Святошина, то отходили назадъ. Приближалась ружейная трескотня. Я повелъ сына домой. У воротъ насъ встрѣтили возгласы: «Галичане вошли! Галичане!» Мы бросились по указанному направленію. Перестрѣлка уже звучала сзади насъ, а впереди по поперечной улицѣ тащился обозъ, скакали верховые въ давно невиданныхъ погонахъ...

На слѣдующій день проѣздъ и проходъ въ Кіевъ по шоссе былъ закрытъ. Мнѣ указали окольный путь. Я не узналъ Кіева. Точно спрыснули его живой водой. Взрывъ жизни, смѣха, радостныхъ слезъ, дождь цвѣтовъ, радуга красокъ со входомъ освободителей. Куда-то уползли сѣрое уныніе, тупая пришибленность. У всѣхъ нашлось что-нибудь новое, чтобы надѣть на себя. Цвѣтными пятнами запестрѣли нарядныя женщины. Въ одинъ день были уничтожены нелѣпые пропагандистскіе плакаты, которыми увѣшанъ былъ Кіевъ. Города нельзя было узнать.

Предстояло ликвидировать большевистское наслѣдство. Знали, что тяжело оно, но не знали, до какой степени.

Совѣтская власть таки успѣла, по обѣщанію, «хлопнуть дверью».

Фундуклѣевская улица. Анатомическій театръ. За долго до приближенія къ нему доносится смрад. Идти нельзя иначе, какъ закрывъ носъ платкомъ.

У воротъ возбужденная толпа, горящіе ненавистью глаза, поднятые вверхъ кулаки, громкій говоръ, выклики проклятій. Выводятъ подъ руки безчувственную женщину; въѣзжаютъ подводы, груженыя трупами, съ позеленѣвшей кожей, покрытые комьями земли, съ лицами, на которыхъ застылъ ужасъ послѣднихъ переживаній.

Передъ уходомъ арестовывали по спискамъ, безъ предъявленія обвиненій. По такому списку были арестованы судейскіе вмѣстѣ съ адвокатами. Именно въ послѣдніе дни былъ убитъ тов. предсѣдателя уголовнаго 14-го отдѣленія Петроградскаго Окружного Суда, милѣйшій и обязательный Вознесенскій и тов. предсѣдателя гражданскаго 10-го отдѣленія того же суда Колбасьевъ съ двумя сыновьями. Часть арестованныхъ была увезена.

*) См. №№ 11, 12 "Русской Рѣчи".

Родные и близкіе сходили съ ума отъ неизвѣстности. Единственнымъ выходомъ изъ нея было — убѣдиться въ непоправимомъ опознавъ трупъ.

Анатомическій театръ на нѣсколько дней сталъ страшнымъ центромъ кіевской жизни. Вмѣсто одной чрезвычайки ихъ оказалось пять, и все вывозили и вывозили страшный грузъ телѣги смерти.

Появились приказы очистить городъ отъ коммунистовъ, комиссаровъ и «прочей мерзости», воззванія къ населенію о записи въ войска.

Изъ Кіева никого не выпускали. Уѣхать можно было только по разрѣшенію, а его не давали. Каждый день на дворѣ губернаторскаго дома собирались желающіе уѣхать и каждый день слышали отказъ и обѣщанія.

Первое опьяненіе прошло. Въ протрезвѣвшей головѣ подымались прозаическіе вопросы повседневнаго существованія.

II.

Кіевскій вокзалъ набитъ народомъ.

Тамъ собрались, какъ имѣвшіе разрешеніе на выѣздъ, полученное внѣ общаго порядка, такъ и отчаявшіеся получить его, рѣшившіе уѣхать нахрапомъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ, и я. Мѣсто у каждаго было насиженное, постоянное. Ночевали уже третьи сутки. Къ вечеру обычно наступало оживленіе, такъ какъ проносились слухи, что часа черезъ два подадутъ поѣздъ и такъ какъ при посадкѣ предстояло примѣнить всѣ свои физическія и умственныя силы, то старались не спать.

Къ разсвѣту выяснялось, что поѣзда не будетъ и только тогда начинали дремать. Вокругъ большого углового стола, за которымъ я имѣлъ точно опредѣленное мѣсто, помѣщался молодой симпатичный офицеръ, ѣхавшій в Таганрогъ, полтавскій помѣщикъ съ двумя красавицами дочерьми и еще нѣсколько незамѣтныхъ лицъ. Чтобы поддержать бодрствованіе мы всѣ что нибудь разсказывали и больше всего помѣщикъ. Онъ не былъ душевно больнымъ, но, что называется "не въ себѣ". Онъ спасся изъ чрезвычайки, изъ комнаты смертниковъ въ послѣдній моментъ. Какъ это произошло, мы такъ и не могли выяснить, ибо разсказъ его былъ чрезвычайно страненъ. Онъ сидѣлъ въ комнатѣ, гдѣ, вмѣсто двери, былъ красный занавѣсъ. Ихъ было тамъ человѣкъ пятнадцать. Когда занавѣсъ отодвигался и приходили красноармейцы, они знали, что пришли за обреченными. Звуки выстѣловъ раздавались по сосѣдству. Въ жуткія минуты онъ молился Богородицѣ. Наконецъ ихъ осталось четверо и когда вновь пришли красноармейцы, онъ почувствовалъ, что Богородица осѣнила его и перенесла черезъ ушедшихъ, пронесла по зданію, въ которомъ онъ находился, вынесла на воздухъ и опустила на одной изъ улицъ Кіева. Каждому, вновь приходившему къ столу, онъ съ удовлетвореніемъ и упорствомъ маніака разсказывалъ вновь эту исторію.

Каждый день отсрочки былъ для меня трагедіей, ибо на покупку хлѣба и скудной ѣды уплывали послѣдніе рубли. На четвертый день я продалъ на базарѣ послѣднее что имѣлъ — бумажникъ, часы и серебряный полтинникъ, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшій у меня в жилетномъ карманѣ; вырученныхъ трехсотъ рублей должно было хватить до Ростова — цѣли моей поѣздки. Тамъ надѣялся я устроиться лично, тамъ же, попадая в самый центръ антибольшевистскаго движенія и наблюдая его вблизи, я долженъ былъ разрѣшить томившіе меня вопросы.

Вандея или новая Россія?

Бунтарство или государственность?

Кіевская неделя ничего не дала для разрѣшенія этого вопроса. Приподнятость первыхъ дней освобожденія, когда все происходившее вокругъ казалось полнымъ глубокаго желаннаго смысла, легко могла быть объяснена субъективными настроеніями ума и сердца, болѣвшихъ впродолженіе почти двухъ лѣтъ и вдругъ получившихъ надежду на исцѣленіе.

Н. Майеръ

(Продолженіе слѣдуетъ)

Какъ защищать Русскій языкъ?

В отчетѣ о № 13-омъ "Русской Рѣчи" критикъ "Русской Мысли" П. К. не доволенъ тѣмъ, что "Русская Рѣчь" даетъ мало "филологическаго" матеріала. При всемъ уваженіи къ П. К. редакція журнала съ этимъ его мнѣніемъ не можетъ согласиться. Защищать русскій языкъ превращая журналъ въ учебникъ грамматики и синтаксиса для взрослыхъ, не входитъ въ ея планы. Лучшимъ способомъ защиты она считаетъ печатаніе статей на любую общественную тему, равно какъ и художественной литературы, не опаганенными ни совѣтской орфографіей, ни пошлымъ словотворчествомъ нѣкоторыхъ современныхъ авторовъ. "Филологическій" матеріалъ печатается въ тѣхъ случаяхъ, когда для него остается мѣсто.

Далекая мечта редакціи — организовать издательство хорошихъ русскихъ книгъ на хорошемъ русскомъ языкѣ и, если это окажется возможнымъ, дать читателямъ нашихъ классиковъ въ не изуродованномъ ихъ видѣ, защищенныхъ отъ оскорбленій, наносимыхъ имъ совѣтской орфографіей.

Такой, избранный ею способъ защиты русскаго языка, редакція имѣетъ основаніе считать правильнымъ, потому что одобренъ онъ многими русскими людьми. Объ этомъ свидѣтельствуетъ изданіе "Русской Рѣчи" безъ какихъ либо подачекъ отъ какихъ бы то ни было Комитетовъ, исключительно на деньги русскихъ людей, приносимыя ей ея подписчиками, розничной продажей и объявленіями.

Редакція

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

Членамъ Союза и подписчикамъ "Рус. Рѣчи". Не забудьте прислать ваши членскіе взносы и возобновить абонементъ на слѣдующіе за вашимъ срокомъ номера "Русской Рѣчи". Всю

корреспонденцію, въ томъ числѣ и денежную, слѣдуетъ направлять по адресу:

N. Mayer — 8, rue St. Julien-le-Pauvre, Paris 5-me.

Подписка на 1961-й годъ, на №№ 13, 14, 15, 16 во Франціи — 350 фр., внѣ Франціи — 400 фр. Отдѣльный номеръ — 100 фр.

Изданія Об-ва имени А. С. Пушкина
Всѣ изданія Об-ва печатаются по русскому правописанію.

Пушкинскій Юбилейный Сборникъ	2 дол.
Б. А. Завалишинъ. Памяти К. Н. Леонтьева	50 ц.
Памяти Вел. Кн. Константина Константиновича (К. Р.)	50 ц.
Б. Л. Бразоль. А. С. Грибоѣдовъ	35 ц.
И. А. Гончаровъ	40 ц.
Словотворчество Пушкина	25 ц.

Выписывать ихъ для Америки по адресу:
B. L. Brasol — 1834 Broadway, New York 23. N.Y.

для Франціи по адресу Н. Майера, — прилагая стоимость ихъ или въ долларахъ, или во франкахъ.

ИЗДАНІЯ, ПЕЧАЮЩІЯСЯ ПО ПРАВИЛАМЪ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ:

"Бѣлый крестъ", "Витязь", "Владимірскій Вѣстникъ", "Возрожденіе", "Воскресеніе", "Вѣстникъ православнаго дѣла", "Костеръ", "Православная Русь", "Родные перезвоны", "Русская Рѣчь", "Русскій Инвалидъ", "Русскій путь", "Школьникъ", "Союзъ Дворянъ".

«РУССКАЯ РѢЧЬ» ПРОДАЕТСЯ:

Книжный магазинъ — 10 рю де Карм, Парижъ 5.

Книжный магазинъ «Кама» — 27, рю де Виллье, Нейи.

Книжный магазинъ Сіяльской — 2, рю Пьер ле Гранд. Парижъ 8.

Ростовцевъ — 45, рю Вавэн, Париж 6.

«Семис» — 125, рю дю Театр, Париж 15.

НА СКЛАДѢ:

Н. Майеръ. Чужая жизнь. Разсказы — 200 фр.

Открытки съ портретомъ А. С. Пушкина — 35 фр.

Imprimerie S.I.P.E., 32, rue de Ménilmontant.

Journal trimestriel — **LA PAROLE RUSSE** — Directeur N. MAYER

Союзъ для защиты чистоты русскаго языка

84, Boulevard Malesherbes — Paris (8e)

№ 15 — 1961 — OCTOBRE, NOVEMBRE, DECEMBRE — № 15

Защита чистоты русскаго языка не реакція, не проповѣдь неизмѣняемости однажды принятыхъ формъ, не противодѣйствіе органическому развитію русскаго слова. Она противодѣйствуетъ внѣдренію въ русскую рѣчь большевицкаго жаргона, эмигрантскихъ заимствованій и ничѣмъ необоснованныхъ претенціозныхъ искаженій.

„Я побывалъ на Родинѣ"

Повторять лишній разъ, что русскому народу въ эсесесеріи живется плохо, не входитъ въ задачи "Русской Рѣчи". Тѣмъ не менѣе нельзя оставлять безъ отклика и безъ оцѣнки свидѣтельства текущихъ дней, врывающіяся въ современную жизнь, претендующія оказать на нее то или иное воздѣйствіе.

Наиболѣе серьезный свидѣтель послѣднихъ лѣтъ — Георгій Зотовъ издалъ въ 1956 г. свои записи подъ заглавіемъ этой статьи съ цѣлью "предупредить отъ совершенія ложнаго шага тѣхъ, которые горюютъ и тоскуютъ по родньмъ людямъ и мѣстамъ".

Не только эта цѣль достигнута, имъ, но неизмѣримо большая. Онъ объясняетъ непонятное намъ смиреніе двухсотъ милліоновъ русскихъ людей передъ совѣтскою властью втеченіе сорока лѣтъ, отсутствіе среди нихъ такихъ, которые пошли бы на смертный рискъ если не для болѣе высокихъ цѣлей, то хотя бы для отомщенія за чудовищную ложь коммунистическаго существованія, предпочтя такой конецъ постыдной смерти въ концентраціонномъ лагерѣ.

Вотъ одна изъ его записей: "Никогда я не забуду тѣхъ зловѣщихъ часовъ. Надъ нами нависла безформенная черная тѣнь, ужасъ, нѣчто

подавляющее человѣка своей нелѣпой равнодушной силой. Это не было только страхомъ за судьбу моихъ близкихъ. То что мы чувствовали было не только боязнью. Это была какая то пропасть, надъ которой стояли безсильные, обреченные люди".

Люди, у которыхъ отнято чувство собственнаго достоинства, убито чувство чести.

Вотъ онъ — отвѣтъ на недоумѣніе о милліонахъ, сносящихъ сорокъ лѣтъ всѣ ужасы совѣтскаго существованія.

"Меня поразило, — пишетъ Зотовъ — что каждое слово, исходящее отъ партіи, представляется здѣсь чѣмъ то такимъ, противъ чего немыслимо возражать. Но —на чемъ основана эта сила? Я удивлялся: почему, если партія обладаетъ такимъ непререкаемымъ авторитетомъ, не можетъ она справиться со всѣми нелѣпостями, неустроенностью, убожествомъ, выпирающими изо всѣхъ щелей".

Потомъ онъ понялъ, что "зловѣщая сила, тяготѣющая надъ народомъ, сама пребываетъ въ состояніи непрекращающагося страха и чувства обреченности. Я осозналъ, что народъ десятилѣтіями ведетъ борьбу за свою свободу и свое будущее, но что пути, которыми движется этотъ трудный, но непреодолимый процессъ, пролегаютъ не на поверхности, а въ глубинѣ".

Вотъ отвѣтъ на вопросъ Зотова о внѣшнемъ всемогуществѣ совѣтской власти и о внутреннемъ ея безсиліи.

Зотовъ родился французомъ, женился на совѣтской гражданкѣ, вывезенной, повидимому, нѣмцами во время войны. По ея настоянію они "возвратились на родину".

По всему пути до Ростова "видѣли картины, схожія между собой. Бѣдность, бѣдность!.. Примитивное существованіе. Все какое то сѣренькое, пришибленное. Вотъ она, настоящая Россія. Неизвѣстная и въ то же время родная. Какъ же она бѣдна и убога!" "Никто не устраивалъ намъ даже слабаго подобія тѣхъ встрѣчъ, какія оказывали возвращенцамъ въ западныхъ странахъ". "Мнѣ неловко было смотрѣть на жену, — ей было стыдно за свои восторженные разсказы о совѣтской родинѣ, представшей сейчасъ передъ нами такой жалкой, обшарпанной и несчастной".

Изъ Ейска, ихъ первоначальнаго мѣстожительства, имъ удалось перебраться въ Москву, гдѣ Зотовъ поступилъ шоферомъ во французское посольство.

Вскорѣ, однако, министерство внутреннихъ дѣлъ потребовало, чтобы Зотовъ выѣхалъ изъ предѣловъ Совѣтскаго Союза. Жену не выпускали, дочку, которой не исполнилось еще года, также, она вѣдъ была совѣтской гражданкой. Не смотря на обѣщаніе посла всячески содѣйствовать выѣзду его жены заграницу, Зотовъ, послѣ отъѣзда своего, никогда больше ни съ нею, ни съ дочкой не встрѣтился. Ей даже запретили дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ. Письмо, посланное имъ на адресъ жены въ Ейскъ, было возвращено съ указаніемъ, что адресатъ не разысканъ.

Много еще интереснаго можно извлечь изъ этой книжки, какъ, напримѣръ, о положеніи труда въ СССР, который не называется иначе, какъ "ишачить", "вкалывать" и т. п.

Много трагичнаго разсказано въ ней Зотовымъ на 155 страницахъ, но все относится къ Сталинскимъ днямъ, къ 1946-му году, и можно было бы сказать: "Да! такъ было, но прошло", если бы не было такой его заключительной фразы: "Я думаю и твердо увѣренъ, что основное не только не измѣнилось, но и не могло измѣниться, то есть самая сущность коммунистической системы господствованія надъ народомъ".

Зотовъ разсказываетъ, какъ, возвращаясь изъ Кремля, французскій посолъ сказалъ своему собесѣднику: "Такая огромная страна. Замѣчательная страна!... И какъ мнѣ жаль ее!"

**

Второй свидѣтель — французскій журналистъ Жакъ Франсіонъ, разсказывающій о Сибири. Онъ счастливо попалъ туда и провелъ четыре недѣли въ тотъ полуторамѣсячный періодъ этого года, когда сибирскія желѣзныя дороги были открыты для иностранцевъ, которымъ, въ концѣ августа было предписано брать аэропланъ въ Хабаровскѣ (почти на самомъ дальневосточномъ берегу) для прямого сообщенія съ Москвой. "Едва приподнятый, желѣзный занавѣсъ вновь опустился надъ восточной Сибирью" — такъ заканчиваетъ онъ въ "Фигаро" свой отчетъ. Тѣмъ дороже для насъ его сообщенія.

Франсіонъ разсказываетъ о сибирскомъ строительствѣ, о новыхъ городахъ, выросшихъ въ нѣсколько лѣтъ, о портѣ "Находка" рядомъ съ Владивостокомъ, о "Братскѣ" въ тайгѣ, въ 600 клм. къ сѣверу отъ Байкала, созданомъ для того, чтобы пріютить всѣхъ работающихъ на постройкѣ гидро-электрической плотины на рѣкѣ Ангарѣ, имѣющей давать въ 1964 году 21,7 милліардовъ килват-часовъ въ годъ электричества, самой мощной въ мірѣ. Пять милліоновъ кубическихъ метровъ бетона потребуется для нее и потребовалась уже постройка въ Ленинградѣ четырехъ гигантскихъ подъемныхъ журавлей, самыхъ большихъ въ мірѣ, доставленныхъ сюда черезъ 6.000 верстъ, и двадцать турбинъ, которыми будетъ снабжена плотина, окажутся также "самыми большими въ мірѣ". Эта грандіозность преслѣдуетъ Франсіона и въ настоящемъ, и въ будущемъ, въ годахъ 1964, 1965 и даже въ 1980, когда воцарится "интегральный коммунизмъ".

"Эти колоссальныя усилія, о которыхъ я свидѣтельствую, тушуются передъ тѣмъ, что еще остается сдѣлать, — пишетъ онъ, — и я видѣлъ какою цѣной они оплачены".

"Недвижимости, такія новыя два года тому назадъ, уже разрушаются. Продуктовые магазины "Гастрономъ", не смотря на то, что такъ пусты днемъ, по ночамъ охраняются женщинами съ ружьями на плечахъ".

Франсіон былъ удивленъ такой охраной и понялъ необходимость ея только ознакомившись съ цѣнами на продукты. Вотъ стоимость кило въ старыхъ франкахъ: сахара — 599, маргарина — 926, маленькой плитки шоколада — 430 и т. д. На каждой остановкѣ поѣзда къ вагону-ресторану устремлялась толпа мѣстныхъ

жителей, состязающихся въ быстротѣ, ругающихся между собой, иной разъ доходящихъ и до рукопашной, чтобы успѣть добѣжать первыми и купить каких либо продуктовъ.

"Я видѣлъ самъ, какъ коробка консервированнаго мяса была продана за 3,50 новыхъ рублей (18,87 н. фр.)". То есть за 1887 ст. фр.

Какъ заселяется Сибирь? Откуда берутся необходимые десятки тысячъ рабочихъ? — Сталинъ переселялъ насильно. Хрущевъ соблазняетъ хорошимъ жалованьем и обѣщаніями. Но это мало на кого дѣйствуетъ и вниманіе его обращено на комсомолъ и на солдатъ. Комсомольца вызываетъ секретарь и объясняетъ, что, какъ хорошій членъ организаціи, онъ обязанъ быть тамъ, гдѣ присутствіе его необходимо, напримѣръ въ г. Братскѣ. Если комсомолецъ отказывается, то секретарь, къ сожалѣнію, долженъ исключить его изъ комсомола. Бѣднягѣ ничего не остается, какъ только согласиться на такую "добровольную" поѣздку, — иначе всѣ пути къ существованію для него закрыты. То же самое съ солдатами. Изъ трехъ солдать, служившихъ въ Сибири, два остаются тамъ въ качествѣ рабочихъ.

Ни на восхитительныхъ картинахъ будущаго, преподнесенныхъ Франсіону совѣтчиками, ни на грустныхъ картинахъ настоящаго, видѣннаго имъ собственными глазами, незачѣмъ останавливаться. Онѣ намъ извѣстны. Интересны общіе выводы безпристрастнаго, снабженнаго, къ тому-же, острымъ зрѣніемъ журналиста.

"На меня произвела большое впечатленіе фантастическая картина огромнаго сибирскаго строительства. И не смотря на это, на всемъ протяженіи моего путешествія, Совѣтскій Союзъ представлялся мнѣ въ образѣ неустойчиваго государства, охраняемаго только завѣсою лжи".

**

Третій свидѣтель, — свидѣтель текущихъ дней, — совѣтская выставка въ Парижѣ.

Не русская, а совѣтская!

Въ просторныхъ залахъ много полицейскихъ въ мундирахъ и "наблюдателей" въ штатскомъ. Залъ кинематографа интересенъ, быть можетъ, для встрѣчающихся впервые съ совѣтской пропагандой, но не для русскихъ эмигрантовъ. Отдѣлъ издательства: книжки, такія, какъ на бульварѣ Сен Мишель въ каждомъ книжномъ магазинѣ. Агрикультура :огурцы, свекла, мѣшки съ разнымъ зерномъ. Цѣлая стѣна занята аппаратами телевизіи, поставленными въ рядъ. Много мѣста занимаютъ огромныя фотографіи Москвы, Новгорода и т. д., все то что не разъ показывали иллюстрированные журналы. Привлекаетъ глазъ отдѣлъ живописи: хороши большое полотно "Александръ Невскій", море съ удачно схваченными свѣтовыми оттѣнками. Хороша и скульптура голозы Маяковскаго. Козырь выставки " парадъ манекеншъ. На огромной сценѣ рояль, віолончель и контрабасъ, въ сопровожденіи которыхъ піанистъ копытитъ какіе то безсвязные звуки. Появляются поочереди манекенши, показывающія платья, шубки, шляпки. Зрѣлище, которое въ Парижѣ каждый день показываетъ своимъ кліенткамъ любое крупное предпріятіе соотвѣтственной спеціальности.

А гдѣ же Россія? Ея красивѣйшія зданія, вся архитектура ,музыка, пѣніе, танцы? Гдѣ героическое прошлое народа, охватившаго своей государственной мощью чуть не одну треть земного шара? — Очевидно, нельзя было показывать ихъ. Это было бы русское, а не совѣтское. Совѣтскаго еще не народилось.

Эта выставка — плодъ недомыслія совѣтчиковъ, ихъ крупная тактическая ошибка. Не будь ея, ея посѣтители не ознакомились бы столь наглядно со всемъ убожествомъ их "достиженій".

Стоитъ отмѣтить одну ее особенность, а именно то, что ни однимъ штрихом, ни одной фотографіей, рѣшительно ничѣмъ она не упомянула Сталина. Въ качествѣ созидателей совѣтскаго Союза показаны только Ленинъ съ его безумными глазами и Хрущевъ.

"И кухарка можетъ управлять государствомъ". Результаты такого управленія передъ нами... и не только на выставкѣ.

Крестъ на груди

(Эмигрантская повѣсть)

Часть III

Глава II.

Среди ночи Карминъ проснулся. Открывъ глаза онъ увидѣлъ лампу, горящую подъ абажуромъ на ночномъ столикѣ и около себя комокъ спутанныхъ золотистыхъ волосъ. Анна спала на боку въ трогательной позѣ, сложивъ кулачки подъ подбородкомъ, прислонившись головой къ его груди. Они такъ и заснули, чтобы ни однимъ движеніемъ не вспугнуть своего счастья.

Все происшедшее въ этотъ вечеръ вспыхнуло въ памяти Кармина и одна, поразившая его мысль, будто ударила его:

— Но она же вдова! Какъ же могла она остаться невинной?

Непреодолимое желаніе прочесть отвѣтъ на ея лицѣ отстранило его рѣзкимъ движеніемъ отъ Анны. Онъ смотрѣлъ на нее удивленнымъ, непонимающимъ взглядом и видѣлъ какъ она открыла глаза, поняла значеніе ихъ обоюдной позы, покраснѣла до слезъ и опять закрыла глаза.

Карминъ вновь склонился къ ней и сталъ цѣловать пушистые волосы, влажныя рѣсницы, нѣжную шею.

— Дорогая, — шепталъ онъ, — какъ же ты могла стать вдовой, оставаясь дѣвицей?

Анна сжалась подъ его поцѣлуями.

— О! Это длинная исторія. Я разскажу когда нибудь.

Отстраняя ея защищающіяся руки Карминъ цѣловалъ уже обнаженную грудь Анны. Въ

нѣжной впадинѣ онъ увидѣлъ небольшой золотой крестъ съ золотымъ же скульптурнымъ изображенiемъ распятаго на немъ Христа.

— Я видѣлъ однажды такой точно крестъ, — сказалъ онъ — откуда онъ у тебя?

— Этотъ крестъ подарилъ мнѣ мой погибшiй братъ, когда я была совсѣмъ маленькой. Съ тѣхъ поръ я ношу его не снимая.

Карминъ поднялся на вытянутыхъ рукахъ и впился въ нее взоромъ. Потомъ какая то сила сбросила его съ постели. Онъ стоялъ, склонившись надъ Анной и, казалось, застылъ въ созерцанiи. Будто притянутая его взглядомъ Анна приподнялась на локтѣ и смотрѣла на него широко открытыми глазами на внезапно поблѣднѣвшемъ лицѣ.

Они не отдавали себѣ отчета какъ долго длилось молчанiе. Наконецъ, сквозь судорожно сведенныя губы, онъ прошепталъ:

— Ты не Анна!.. Ты Елена!..

Ужасъ изобразился на ея лицѣ. Она продолжала неподвижно смотрѣть на него и вдругъ упала на подушки и зарылась въ нихъ головой.

Глава III.

Въ эту ночь, въ парижской отельной комнатѣ, подводился одинъ изъ безчисленныхъ итоговъ россiйской катастрофы.

Страшный рокъ, таинственная темная сила, нависшая надъ огромной страной, распоряжалась судьбами людей, неся однимъ страданiя и смерть, коверкая судьбы другихъ, соединяя третьихъ невозможными сочетанiями.

Карминъ сѣлъ на постель подлѣ Анны.

— Я погашу свѣтъ, — сказалъ онъ, обнявъ ея плечи, — намъ легче будетъ говорить.

И въ наступившей темнотѣ, не прерывая близости объятiя, но уже не страстнаго, а всего лишь взаимно ободряющаго, утверждающаго ихъ новую, внезапно открывшуюся связь, исповѣдались эти братъ и сестра, ставшiе мужемъ и женой, не подозрѣвая своего родства. И такъ коротка, такъ проста была исторiя каждаго изъ нихъ, какъ только въ дѣйствительности бываютъ просты событiя огромной важности, влекущiя за собой неисчислимыя послѣдствiя.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ жизненные пути этихъ брата и сестры разошлись въ ту ночь, когда его повели на разстрѣлъ. Они были дѣтьми не задолго передъ тѣмъ разстрѣляннаго полковника, и именно за то что онъ былъ сыномъ этого полковника взяли и его, взяли какъ застали и въ чемъ онъ былъ, не только безъ документовъ, но даже безъ пиджака, въ одной рубахѣ.

Спасшись отъ разстрѣла и бѣжавъ изъ родного города онъ добрался до Батума, безъ денегъ, безъ документовъ и не могъ уѣхать изъ Россiи иначе, какъ поступивъ во французскiй иностранный легiонъ, куда записывали по одному лишь словесному заявленiю. Дальше были Константинополь, контрактъ на пять лѣтъ, война и казармы, Африка, Индокитай. Въ одномъ изъ боевъ рядомъ съ нимъ былъ убитъ его товарищъ Викторъ Карминъ. Онъ взялъ его старый русскiй паспортъ, не имѣя своего. По этому паспорту онъ и началъ жить послѣ того, какъ отбывъ срокъ службы, прiѣхалъ во Францiю, превратившись въ Виктора Кармина.

Еще проще была исторiя его сестры.

Ихъ мать, увѣренная въ томъ, что ея сынъ погибъ, почти обезумѣвшая отъ горя, перенесла всю свою любовь на нее, Елену и, думая, что ей грозитъ такая же участь, рѣшила спасти ее, бѣжавъ изъ родного города. Въ одинъ изъ ближайшихъ послѣ того дней, зашивъ въ разные уголки ихъ одежды всѣ, какими обладали онѣ, не занимавшiя большого мѣста цѣнности, онѣ уѣхали на югъ Россiи, куда въ то время еще не докатился большевизмъ. Послѣднее время они жили въ Евпаторiи, снявъ маленькiй домикъ у богатаго грека, вывозившаго изъ Россiи табакъ. Не задолго передъ ихъ знакомствомъ умерла отъ чахотки молодая жена грека. Около двухъ лѣтъ онѣ прожили спокойно, продавая по-немногу то что у нихъ оставалось, работая въ саду и въ огородѣ вокругъ своего домика. Все это не могло утѣшить ихъ мать, сломившуюся отъ горя по погибшемъ, какъ она думала, сынѣ, не вынесшую всѣхъ пережитыхъ испытанiй. Она умерла въ тѣ страшные дни, когда большевики наводняли Крымъ, ужасая жителей убiйствами и терроромъ. Елена осталась одна, беззащитная дѣвушка, безъ средствъ, безъ знакомствъ, безъ надежды спастись отъ краснаго нашествiя. Одинокiй больной пожилой грекъ, отчасти пожалѣвъ ее, отчасти для того, чтобы имѣть около себя близкаго человѣка, отдалъ ей паспортъ своей жены и подъ видомъ таковой, увезъ ее съ собой въ Константинополь, ничего, кромѣ ухода за собой, не требуя отъ нея въ замѣнъ. Потомъ они переѣхали въ Парижъ, гдѣ вскорѣ и умеръ ея фиктивный мужъ, успѣвшiй, однако, сосредоточить тамъ свое довольно значительное состоянiе, до того разбросанное по разнымъ странамъ его торговой клiентуры. Она наслѣдовала ему на правахъ законной жены.

Подавленные разсказаннымъ молчали эти братъ и сестра. Молчала и окружившая их темнота, будто хоронила ихъ прошлое.

Наконецъ Карминъ спросилъ:

— Ты помнишь какъ мы видѣлись тогда? въ послѣднiй разъ?

— О! я помню этихъ ужасныхъ солдатъ... отчаянiе мамы... весь этотъ вечеръ... никогда не забываю...

— И твой крестъ... я никогда не снимала... твою память...

Они молчали.

— Что мы будемъ дѣлать теперь? — спросилъ Карминъ.

Она не отвѣчала.

Карминъ обнялъ ее еще крѣпче, совсѣмъ склонившись надъ нею.

— Въ одномъ англiйскомъ журналѣ я видѣлъ изображенiе брата и сестры, повѣнчавшихся такъ же какъ мы, не зная о своемъ родствѣ. Они везли въ колясочкѣ своего новорожденнаго сына...

Опять они молчали.

— Нѣтъ, — прошептала Елена.

И еще тише:

— Это не для насъ.

И опять была темнота, опять было молчанье.

— Приди завтра вечеромъ — сказала Елена.

Ощупью, въ темнотѣ, Карминъ одѣлся. Прежде, чѣмъ уйти, онъ обнялъ Елену. Она крѣпко обвила его шею руками и молча поцѣловала въ лобъ, въ глаза и въ щеки.

— До завтра — прошепталъ онъ и вышелъ въ корридоръ.

Н. Майеръ

(Продолженіе слѣдуетъ)

Русскія былины

(СПРАВКА)

(Продолженіе) *)

Въ отличіе отъ Кіевскаго героическаго эпоса, Новгородскія былины носятъ чисто мѣстный, бытовой характеръ. Внеѣшнія сношенія новгородцевъ съ сосѣдними племенами, тевтонами, скандинавцами и финнами, въ былинахъ этого цикла отраженія не нашли. Даже такія знаменательныя историческія событія, какъ побѣда св. Александра Невскаго надъ шведами (1240 г.) и Ледовое побоище (1242 г.), остались въ нихъ какъ бы незамѣченными. Но повседневная жизнь "господина Великаго Новгорода" въ былинахъ его освѣщена ярко, вѣрно и подробно. Въ нихъ описываются кулачные бои, вершеніе дѣлъ на вѣчѣ, городской укладъ и торговые обычаи. Много мѣста въ нихъ удѣлено Ильмень-озеру и рѣкѣ Волхову, а наряду съ этимъ дана полная картина сословныхъ и соціальныхъ группировокъ, населявшихъ сѣверную вольницу — богатыхъ гостей и голи кабацкой, мужиковъ новгородскихъ и посадниковъ, монастырскихъ старцевъ и именитыхъ гражданъ. Красочно изображены пиры съ ихъ яствами, хмельными брагами и "пивами ячными". А гульба нерѣдко сопровождалась закладами да похвальбой "богачествомъ". Славился Новгородъ и разбойными нападеніями "удалыхъ молодцовъ" на купеческія суда. Центральными героями Новгородскаго былиннаго эпоса являются **Садко, богатый гость,** и **Василій Буслаевичъ.**

Садко — типичный ухарь-купецъ, заправскій гусляръ, плѣнившій Морского царя игрою на гусляхъ звончатыхъ, яровчатыхъ. Въ награду за это искусство Морской царь посылаетъ Садку необычайный уловъ рыбы, сдѣлавшій его первымъ богачемъ въ Новѣгородѣ. Но Морской царь запрещаетъ Садку хвастаться своимъ богатствомъ. Пренебрегая этимъ запретомъ, Садко бьется объ закладъ, что скупитъ всѣ товары въ Новгородскихъ лабазахъ. Похваляясь, онъ бросаетъ вызовъ купцамъ:

Припасите вы мнѣ товары въ Новѣгородѣ
По три дня и по три уповода [1]),
Я выкуплю тѣ товары по три дня,
по три уповода,
Не оставлю товаровъ ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
А коли я товары не выкуплю,
Заплачу казны вамъ сто тысячей.

Три дня сряду купцы выставляли свои товары, и три дня сряду Садко скупалъ ихъ, не оставивъ товаровъ "ни на малу разну полушечку". Выигравъ закладъ, Садко, въ ознаменованіе ниспосланной ему удачи, выстроилъ три храма: въ честь Стефана Архидіакона, во имя Софіи Премудрыя и въ память Николы Можайскаго [2]).

Но для поправленія средствъ, истощенныхъ скупкой товаровъ, Садко отправляется торговать за море.

Въ наказаніе за похвальбы Морской царь топитъ корабль Садка. Заманивъ его такимъ способомъ въ подводное царство, Морской царь заставляетъ его играть на гусляхъ плясовую, съ изумительнымъ юморомъ и неподражаемой динамикой воспроизведенную гр. А. К. Толстымъ въ былинной поэмѣ, посвященной славному Новгородскому гостю. Этимъ, однако, не ограничились испытанія Садка въ чертогахъ Морского царя, который порѣшилъ выдать за него свою дочку. Не на шутку вструхнулъ Садко отъ такой перспективы, и туго пришлось бы ему въ объятіяхъ навязанной ему ундины, кабы Никола Угодникъ, покровитель морскихъ корабельщиковъ, не вызволилъ гусляра изъ бѣды и не спасъ его отъ окончательной гибели.

Василій Буслаевичъ — буйный ушкуйникъ. Мать его "матера вдова Амелфа Тимофеевна" отдала его учить грамотѣ и "присадила его перомъ писать". "Письмо Василью въ наукъ пошло". Отдавала Амелфа Василія пѣнью церковному учиться. Пѣніе Василію тоже "въ наукъ пошло". Но по природѣ Василій не книжникъ и грамотей, а буянъ и задира; любимой забавой его является избіеніе новгородскихъ мужиковъ. Бьетъ онъ ихъ и по пьяному дѣлу, и объ закладъ. И избитые Василіемъ и дружиной его мужики идутъ жаловаться Амелфѣ Тимофеевнѣ. Бьютъ челомъ ей, поклоняются:

Осударыня матушка,
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною.

И обѣщаются жалобщики выплачивать "матерой вдовѣ" "на всякій годъ по три тысячи", а вдобавокъ приносить ей ежегодно

*) См. **"Русская Рѣчь"** №№ 13, 14.

[1]) Уповодъ — время или часы работы.

[2]) Никола Можайскій — анахронизмъ, ибо онъ не принадлежалъ къ древнимъ святынямъ новгородскимъ.

Со хлѣбниковъ по хлѣбику,
Съ калачниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалечное, [1])
Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
Опричь поповъ и діаконовъ.

И послала Амелфа Тимофеевна "дѣвушку чернавушку" привести Василія съ дружиной его. Какъ вьюнъ около матери Василій увивается и говоритъ:

Дай мнѣ благословеніе великое
Идти мнѣ Василью въ Ерусалимъ-градъ
Со всею дружиной хороброю,
Мнѣ ко Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися.
Въ Ердань-рѣкѣ искупатися.

Кончается былина тѣмъ, что Василій на возвратномъ пути изъ Ерусалима упалъ съ коня и расшибся на смерть.

Сказаніе о Василіи Буслаевичѣ — типичное созданіе вольнаго Новгорода съ его безшабашной гульбой, кулачными боями и разбоями, но и съ его зажиточнымъ торговымъ укладомъ и глубокой преданностью Православной Церкви.

Однако, самъ Василій вольнодумецъ не вѣрящій, по его же выраженію, "ни въ сонъ, ни въ чохъ", т. е. ни въ какія предсказанія и предзнаменованія.

Этими краткими замѣчаніями заканчивается общая характеристика русскаго былиннаго эпоса. Слѣдуетъ лишь отмѣтить, что самое слово "былина" не народнаго происхожденія, а книжное. Въ былевых пѣсняхъ оно не встрѣчается, а сказанія о богатырскихъ подвигахъ именуются "старинами". Но въ нашей филологической литературѣ терминъ "былина" получилъ право гражданства, слившись съ понятіями "были" и "бывальщины".

Въ заключительномъ очеркѣ о русскихъ былинахъ будутъ даны свѣдѣнія о нѣкоторыхъ языковыхъ особенностяхъ этихъ эпическихъ пѣсенъ наряду съ установившимися въ нихъ техническими пріемами.

Борисъ Бразоль

(Продолженіе слѣдуетъ)

[1]) "Повалечное" — отъ слова "валекъ", означающее плоскій брусокъ съ рукояткой, которымъ колотятъ бѣлье при полосканіи.

[2]) "Чохъ" — чиханіе. Отсюда поговорка: "На всякое чиханіе не наздравствуешься".

Вооруженныя силы

(Продолженіе) *)

Громадное количество людей штурмовало поданный составъ. Я очутился въ офицерскомъ вагонѣ. Долго стояли, медленно двинулись. Брежжило утро. Въ моемъ отдѣленіи помѣстились обѣ дочери помѣщика, сестра милосердія, новый поручикъ, отрекомендовавшійся Баратовымъ и, выдававшій себя за сына небезизвѣстнаго въ то время генерала Баратова, еще одинъ поручикъ, ходившій на костыляхъ и еще одинъ офицерскій чинъ, въ лицѣ мальчика совершенно безусаго съ зеленовато-землистымъ лицомъ, повидимому, недавно перенесшимъ какую то тяжелую болѣзнь.

Вагонъ былъ набитъ невѣроятно. Поднялись разговоры сначала о правѣ пассажировъ находиться въ офицерскомъ вагонѣ, потомъ вообще о правѣ ѣхать въ этомъ поѣздѣ. Поручикъ Баратовъ, какъ говорится, взялъ палку и сдѣлался капраломъ. Вокругъ него немедленно образовался штабъ изъ двухъ вышеописанныхъ офицеровъ. Рѣшили произвести провѣрку документовъ у всѣхъ пасажировъ.

Собственно говоря никто не имѣлъ права ѣхать въ этомъ поѣздѣ, кромѣ пяти-шести человѣкъ, получившихъ командировочныя предписанія. Законная власть не только имѣла право, но и обязана была провѣрить наличіе разрѣшеній и права выѣзда, и,убѣдившись, что таковыхъ почти никто не имѣетъ, арестовать всѣхъ и отправить въ Кіевъ для удостовѣренія личности, такъ какъ весьма вѣроятнымъ казалось предположеніе, что съ первыми поѣздами утекаютъ изъ Кіева разбѣгавшіеся большевики. Но законной власти не было, а самозванная, въ лицѣ Баратова, который и самъ неизвѣстно имѣлъ ли право на выѣздъ, не обладала, конечно, правомъ, произвести эту операцію и могла дѣйствовать лишь въ предѣлахъ настроенія большинства пассажировъ. На этой почвѣ, чуть не на каждой станціи, разыгрывались эпизоды, обдававшіе холодомъ душу. Начались они съ нашего же вагона. Въ немъ ѣхалъ молодой человѣкъ, по его объясненіямъ артистъ, имѣвшій всѣ документы въ порядкѣ, кромѣ разрѣшенія на выѣздъ. Онъ не отрицалъ, принадлежности своей къ еврейской національности, не находя въ этомъ чего либо предосудительнаго. На первой же остановкѣ его отвели на пятьдесятъ шаговъ отъ полотна и "пустили въ расходъ". Затѣмъ были сданы коменданту одной изъ станцій два латыша. Баратовъ сообщилъ, что имъ "дадутъ погулять до вечера".

Становилось нестерпимо душно въ этой атмосферѣ ненависти и безправія. Разговоры велись въ полной увѣренности на общее сочувствіе и одобреніе. Мое молчаніе и внутреннія переживанія, отражавшіяся, по всей вѣроятности достаточно ярко во внѣ, являлись диссонансомъ въ настроеніи нашего вагона, и я скоро почувствовалъ себя изолированнымъ отъ общенія со своими со-

*) См. №№ 11, 12, 14 "Русской Рѣчи".

сѣдями. На ближайшей остановкѣ я вышелъ освѣжиться на чистомъ воздухѣ. Закуривъ папиросу, я ходилъ не вдалекѣ отъ перрона, обслуживавшаго только нѣсколько среднихъ вагоновъ громаднаго поѣздного состава.

Вниманіе мое сразу приковала къ себѣ странная фигура. Огибая паровозъ, съ другой стороны поѣзда, показался пожилой еврей, быстро шагавшій мимо насъ по направленію къ вокзалу. Онъ былъ безъ шапки съ типичнымъ еврейскимъ лицомъ, блѣднымъ, какъ мѣлъ, съ вьющимися рыже-сѣдыми волосами. Онъ долженъ былъ находиться въ томъ состояніи, когда человѣкъ испытываетъ внутренній леденящій холодъ, когда руки и ноги становятся легкими, какъ воздухъ, живутъ своей особенной жизнью, не подчинающеюся вашей волѣ и двигаются и дѣлаютъ привычныя движенія только лишь по инерціи. Глаза его бѣгали по сторонамъ, въ невѣдѣніи, на какой точкѣ безопаснѣе остановиться. Лицо каждаго встрѣчнаго, казалось мнѣ, должно было представляться ему ужаснымъ, — онъ не смотрѣлъ на лица. Сперва всѣ только смотрѣли молча на него, но затѣмъ, отдѣлившись отъ вагона, наперерѣзъ ему, медленно пошелъ грузный, черноусый солдатъ въ длиннополой гвардейской шинели. Руки его были сложены за спиной, какъ и въ то время, когда онъ стоялъ. При встрѣчѣ оба остановились. Солдатъ молча кивнулъ головой, и страшно торопясь, неповинующимися руками еврей полѣзъ въ карманъ. Онъ вынулъ и раскрылъ кошелекъ. Тремя пальцами, которые складываютъ для крестнаго знаменія, солдатъ вынулъ оттуда деньги и опустилъ въ карманъ шинели, но не отошелъ. Еврей угодливо сталъ отстегивать цѣпочку отъ жилетнаго кармана и, вытащивъ на ней часы, опустилъ ихъ солдату въ горсть. Послѣ этого онъ пошелъ дальше. Ни однимъ словомъ не сопровождалась эта сцена, и въ полномъ молчаніи, замеревъ въ напряженности, смотрѣли мы, какъ удалялся онъ, вдругъ сдѣлавшись самымъ большимъ изъ присутствующихъ, распространяя на пути своемъ безмолвіе и страшное ожиданіе. Всѣ головы повернулись ему во слѣдъ, всѣ глаза устремились въ одну точку. Вотъ дальше, дальше... вотъ чуть виденъ, сливается съ другими силуэтами и вдругъ... сорвалось... всѣ бросились туда, съ криками и шумомъ, толкая другъ друга, перегоняя, распоясывая что то на ходу. Сзади всѣхъ скакалъ на одной ногѣ солдатъ. Вмѣсто второй у него виднѣлась изъ подъ шинели простая толстая палка, только мѣшавшая быстротѣ его движеній, и столько свирѣпой досады было написано на его истощенномъ лицѣ, въ нездоровыхъ горящихъ глазахъ...

Черезъ минуту толпа молча расходилась.

"Что тамъ?" — спросилъ какой то офицеръ.

"Шашками зарубали" — хладнокровно отвѣтилъ солдатъ, какъ о дѣлѣ не стоящемъ вниманія.

Пожилой полковникъ сталъ громко возмущаться происходившимъ, но его никто не поддержалъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что въ этотъ моментъ уже существовалъ приказъ Деникина, вызванный подобными расправами, вмѣнявшій въ обязанность передавать подозрительныхъ людей судебнымъ властямъ.

Когда двинулся поѣздъ въ "штабѣ" Баратова пошли разговоры о подозрительномъ полковникѣ, котораго слѣдовало бы передать коменданту.

Тяжко давило душу. Я страдалъ за сына, дѣтскими глазами наблюдавшаго кровавую расправу.

Горькое разочарованіе щемило гдѣ то внутри...

Къ вечеру еще кого то разстрѣляли. Говорили, что завтра утромъ провѣрятъ наличность разрѣшеній на выѣздъ изъ Кіева. Аппетитъ приходилъ по мѣрѣ ѣды.

Между Лубнами и Соляницкой былъ разрушенъ мостъ. Предстояло идти черезъ Лубны и дальше, за семь верстъ до Соляницкой, гдѣ стоялъ другой поѣздъ для дальнѣйшаго движенія. Готовились, проходя черезъ городъ, "оставить память", "задать тарарамъ".

Я понималъ, что настроеніе этого эшелона такъ ярко проявляется благодаря его самозванному коменданту Баратову и рѣшилъ отстать отъ него, расчитывая въ слѣдующемъ эшелонѣ избавиться отъ подобнаго начальства. Я ночевалъ на вокзалѣ въ Лубнахъ, а когда на слѣдующій день добрался до Соляницкой тамъ ходили осматривать два трупа, лежавшіе вблизи полотна.

⁂

Отъ Соляницкой давали билеты до Полтавы. Поѣздъ былъ поданъ слѣдующею ночью. Садились въ темнотѣ. Я занялъ мѣсто посрединѣ товарнаго вагона у стѣны, противоположной входу, и не могъ уснуть, мучаясь какимъ то противнымъ остро-сладковатымъ запахомъ. Утромъ я разсмотрѣлъ, что только середина вагоннаго пола была очищена отъ навоза, отброшеннаго въ углы. На немъ, на навозѣ, въ темнотѣ расположились пассажиры, были женщины въ цвѣтныхъ одеждахъ, совершенно обезображенныхъ коричневыми подтеками.

Ѣхали безъ приключеній. Никто не упоминалъ о правѣ на выѣздъ. Мой паспортъ, полученный въ 1905 году, который мнѣ удалось оберечь отъ всякихъ большевистскихъ помѣтокъ, вызвалъ одобрительный возгласъ у офицера, проходившаго контролемъ.

Въ Полтавѣ кассиръ заявилъ мнѣ, что для полученія билета нужно разрѣшеніе городскихъ полтавскихъ властей. Убѣжденія, что это правило не можетъ касаться меня, транзитнаго пассажира, не имѣющаго никакого отношенія къ Полтавѣ, не достигли цѣли. Я принужденъ былъ остановиться въ Полтавѣ, гдѣ не зналъ ни одной живой души. Дальнѣйшее путешествіе въ Ростовъ отходило на второй планъ, а на первый выплывали вопросы чрезвычайной остротѣ и сложности. Нужно было найти деньги на существованіе, ибо той суммы, которой хватало мнѣ на билетъ до Харькова, не хватало для оплаты одного дня простоя въ полтавскихъ гостинницахъ. Кромѣ того, нужно было легализироваться на территоріи Деникина, и я понималъ съ какой осторожностью нужно бы-

ло это дѣлать Въ то время, какъ въ Ростовѣ ручательство хорошо знавшихъ меня лицъ совершенно уничтожило бы необходимость этой процедуры, въ Полтавѣ она представлялась мнѣ непреодолимой. Разсказывать всю исторію своего путешествія ясно не представлялось возможнымъ, такъ какъ моихъ внутреннихъ настроеній я ничѣмъ доказать не могъ, фактическая же сторона не исключала возможности предположеній, что я спасающійся большевикъ. Скрывать — значило лгать, а я никогда не умѣлъ складно лгать.

Н. Майеръ

(Продолженіе слѣдуетъ)

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

Членамъ Союза и подписчикамъ "Рус. Рѣчи". Не забудьте прислать ваши членскіе взносы и возобновить абонементъ на слѣдующіе за вашимъ срокомъ номера "Русской Рѣчи". Всю корреспонденцію, въ томъ числѣ и денежную, слѣдуетъ направлять по адресу:

N. Mayer — 8, rue St. Julien-le-Pauvre, Paris 5-me.

ПОДПИСКА НА 1962-й ГОДЪ

во Франціи — 350 фр., внѣ Франціи — 400 фр.

Отдѣльный номеръ — 100 фр.

Ив. Макееву. Венецуела. Получены ли высланные вамъ воздушной почтой 9-го Августа номера "Русской Рѣчи"? Просьба сообщить.

Въ концѣ Октября выйдетъ въ свѣтъ критико-біографическій очеркъ о В. И. Далѣ (160-лѣтіе его рожденія). Авторъ Б. Бразоль.

Цѣна — 350 фр.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

У многих из вас есть старые русскіе журналы до 1917 г. Валяются они по полкам, в сундуках, пылятся, гніют и вам соверш. не нужны. А, между тѣм, они для нас представляют интерес, как матеріал (иллюстраціонный) для пропаганды о нашей дорогой Россіи. Мы ищем: "Старые Годы", "Мір Искусства", "Столица и Усадьба", "Солнце Россіи", "Живописное Обозрѣніе", "Ниву", "Родину" и др., за любой год, можно и не полный. Также: "Историческій Вѣстник", "Русскую Старину", и книги о Россіи, особенно с цвѣтными иллюстраціями.

Пишите вашу цѣну и мы уплатим вам америк. валютой.

Slatozwet Publishing House,
122 Oak Grove ave. Burlingame, Calif. USA.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Объявленія не свыше трехъ строчекъ лицъ, состоящихъ членами Союза печатаются безплатно.

Уроки русскаго и англійскаго яз. Писать: M-me Olga, 255, Av. Daumesnil, Paris.

Покупаю русскія книги старыхъ изданій. Писать въ адресъ редакціи для № 1.

Imprimerie S.I.P.E., 32, rue de Ménilmontant.

Journal trimestriel

LA PAROLE RUSSE

Directeur N. MAYER

Союзъ для защиты чистоты русскаго языка

84, Boulevard Malesherbes — Paris (8e)

N° 16 — 1962 — JANVIER, FEVRIER, MARS — 1962 — N° 16

Защита чистоты русскаго языка не реакція, не проповѣдь неизмѣняемости однажды принятыхъ формъ, не противодѣйствіе органическому развитію русскаго слова. Она противодѣйствуетъ внѣдренію въ русскую рѣчь большевицкаго жаргона, эмигрантскихъ заимствованій и ничѣмъ необоснованныхъ претенціозныхъ искаженій.

1962

Пора принять вызовъ

Тысяча девятьсотъ шестьдесятъ два!... Сорокъ четыре года и два мѣсяца Россію продолжаютъ скрывать подъ кличкой "СССР". Сорокъ два года церкви оскверняются, монастыри упраздняются, молодежь, руководимая партійцами, воспитывается на лжи, взаимномъ доносительствѣ и... "народъ безмолвствуетъ".

Недавно въ "Фигаро" Владиміръ д'Ормесон написалъ стаью подъ заглавіемъ "Люди должны принять вызовъ". Вызовъ, брошенный совѣтчиками всему населенію земного шара взрывами своихъ бомбъ. Д'Ормесон находитъ, что эти испытанія не вызваны ни вопросами техники, ни даже желаніемъ "устрашить", что они переросли политическое свое значеніе и представляютъ собою ничто иное, какъ "большіе маневры передъ концомъ свѣта". Пришло время, — говоритъ онъ, — когда всѣ тѣ, кто не согла-

Prix — 100 fr.

Abonnement — 350 fr.

сенъ "съ глупой покорностью" присутствовать при этомъ фейерверкѣ, грозящемъ въ продолженіе мѣсяцевъ отравлять своими радіоактивными осадками ту или иную часть свѣта, должны принять вызовъ и вмѣшаться въ совѣтскія дѣла.

Эта прекрасная статья была бы еще лучше, если бъ возможно было внести въ нее нѣкоторыя дополненія и уточненія. Прежде всего нельзя не пожалѣть, что появилась она не въ одинъ изъ тѣхъ годовъ, которые послѣдовали за вызовомъ всему міру, брошеннымъ Ленинымъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, а въ тотъ моментъ, когда дѣло дошло до собственнаго своего спасенія, когда необходимость "принять вызовъ" оказалась продиктованной не идейными соображеніями и даже не сорокалѣтними бѣдствіями русскаго народа, протекавшими на глазахъ у всѣхъ, но эгоистическими интересами.

В первомъ случаѣ она имѣла бы больше моральнаго вѣса.

Въ какихъ же формахъ предлагаетъ д'Ормесон это "вмѣшательство", это "принятіе вызова"? — Въ величайшей степени необходимымъ онъ считаетъ, чтобы двѣсти милліоновъ русскаго народа и сто милліоновъ польскихъ, румынскихъ, чешскихъ, венгерскихъ, болгарскихъ и балтійскихъ плѣнниковъ, лишенныхъ освѣдомленія и возможности выражать свои мнѣнія, узнали бы, что они вмѣстѣ со всемъ міромъ "скользятъ чортъ его знаетъ куда". Чего бы это ни стоило, какимъ угодно способомъ, эта истина должна проникнуть въ Россію. "Русскій народъ долженъ знать, что иностранная политика, проводимая отъ его имени, готовитъ Россіи и странам, ее окружающимъ, "сверхчеловѣческія опасности".

Какимъ способомъ можетъ быть осуществлена такая пропаганда? — Д'Ормесон предлагаетъ авторитетнымъ людямъ всѣхъ религій объединиться для того, чтобы произнести торжественное предупрежденіе. "Нужно, чтобы необъятный и непреодолимый призывъ вознесся отовсюду и отъ всѣхъ людскихъ массъ и былъ достаточно силенъ, чтобы быть услышаннымъ "замурованными націями".

Д'Ормесон правъ! Давно пора приняться за анти-совѣтскую пропаганду. Ожесточенную міровую совѣтскую пропаганду Западъ воспринимаетъ съ "глупой покорностью" и до настоящаго времени ничего значительнаго не съумѣлъ ей противупоставить. Дѣйствительно пришла пора "принять вызовъ", но совсѣмъ не для того, чтобы объяснять русскимъ людямъ преступность иностранной политики СССР. Людей, не знающихъ какимъ способомъ пріобрѣсти себѣ пару штановъ, вмѣсто сносившихся, иностранной политикой не заинтересуешь. И не воплями о "сверчеловѣческихъ опасностяхъ" можно завоевать сердца "замурованныхъ націй", обожженныя сорокалѣтнимъ терроромъ. Пропаганда должна быть совершенно иной. Русскимъ людямъ должно быть внушено во первыхъ, что имъ нужно найти способъ борьбы противъ террора, который ихъ порабощаетъ. И это прекрасно знаетъ д'Ормесон. Допустимъ, что желаніе его осуществилось, что русскій народъ понялъ какія "сверхчеловѣческія опасности" готовитъ совѣтская власть, и что же дальше? — Чтобы уничтожить эти опасности нужно уничтожить власть, ихъ создающую, т. е. сдѣлать революцію, противупоставить силу силѣ. Д'Ормесон не можетъ думать иначе, но предпочтительно было бы ему самому сказать это, довести до конца мысль о томъ, кто и какъ долженъ "принять вызовъ". Можетъ быть пришлось бы ему сказать также и о томъ, въ одиночку ли русскій народъ долженъ осуществить это "принятіе вызова", въ одиночку ли онъ долженъ бороться съ міровымъ зломъ коммунизма или вмѣстѣ еще съ кѣмъ либо другимъ, одѣтымъ не въ монашесскую сутану, а въ военную экипировку. Вѣдь "принимающій вызовъ" и самъ идетъ на рискъ, и самъ становится передъ пистолетомъ противника. Къ какому же риску приглашаетъ д'Ормесон тѣхъ, кто по совѣту его "приметъ вызовъ"?

Во вторыхъ, русскимъ людямъ, и не только имъ однимъ, должно быть объяснено, что вступленіе въ партію дѣло вовсе не простое и ясное, что принадлежность къ партіи не только даетъ и приноситъ, но вмѣстѣ съ правами и преимуществами она налагаетъ также и отвѣтственность за все содѣянное партіей. Совѣтская власть, осуществляемая партіей, умертвила десятки милліоновъ людей и вопросъ объ отвѣтственности ея за всѣ эти убійства отнюдь не исчерпанъ, но занесенъ въ счетъ остальныхъ преступленій, за которыя отвѣтственна какъ она, такъ и партія во всемъ ея цѣломъ, а стало быть и каждый членъ ея въ отдѣльности какъ соучастникъ. За подобныя преступленія полагается "высшая мѣра наказанія" и моментъ такой расплаты можетъ наступить скорѣе, чѣмъ предполагается. Возраженіе, что тотъ или иной членъ партіи вступилъ въ нее не по доброй волѣ, но по принужденію, по "необходимости", не имѣетъ силы. Банда убійцъ такъ же вовлекаетъ въ соучастіе путемъ угрозъ, но и эти "вовлеченные" люди отвѣчаютъ передъ закономъ въ равной степени съ убійцами, хотя и не дѣйствовали сами ни револьверомъ, ни кинжаломъ, не принимали непосредственнаго участія въ умерщвленіи.

Вотъ первыя положенія, которыя должна разъяснить пропаганда, о необходимости которой говоритъ д'Ормесон. Только пропаганда силы, а отнюдь не увѣщенія, поможетъ Россіи вновь стать Россіей, совѣтскимъ гражданамъ стать русскими людьми, совѣтскому языку и правописанію стать русскимъ языкомъ и правописаніемъ и т. д., и т. п. Только такая пропаганда поможетъ осуществиться пожеланіямъ д'Ормесона, выраженнымъ въ заключительныхъ словахъ его статьи:

"Нѣсколько человекъ — потому что, въ концѣ то концовъ, эти препятствующіе всему міру спокойно существовать съ обезпеченнымъ завтрашнимъ днемъ, являются неизмѣримымъ меньшинствомъ, — не дадутъ шахъ и матъ всему человѣческому роду. Пришла пора, чтобы сказать имъ это".

Не только сказать, но и сдѣлать.

Крестъ на груди

(Эмигрантская повѣсть)

Часть III

Глава III.

По заведенному обычаю, просыпаясь утромъ, Карминъ, еще въ постели, намѣчалъ программу начавшагося дня. Это было нетрудно, такъ какъ она логически вытекала изъ всего того, что подготовлялось для нее вчера, третьяго дня и раньше. Сегодня это было невозможно. Образовался провалъ. Онъ не могъ связать ни вчерашнее, ни все долговременное прошлое съ начавшимся сегодня настоящимъ. Его мысль, вмѣсто устремленія впередъ, возвращалась назадъ, она была подавлена воспоминаніями.

Онъ лежалъ съ закрытыми глазами и та часть жизни, которую онъ считалъ навсегда похороненною, вставала передъ нимъ во всей полнотѣ, не только въ общемъ ея значеніи, но съ такими ея мелочами, которыя раньше онъ никогда бы не вспомнилъ, если бъ даже захотѣлъ. Теперь онѣ всплывали изъ какихъ то тайныхъ уголковъ его памяти, надъ которыми онъ былъ не властенъ, о существованіи которыхъ не подозрѣвалъ.

Неужели это она, его маленькая Леля, которую онъ такъ любилъ, которая такъ забавляла его своими дѣтскими проказами? Каждое утро, когда она здоровалась съ нимъ, онъ долженъ былъ поздороваться также съ ея любимой куклой Малашкой въ обтрепанномъ сарафанчикѣ, за которую она говорила писклявымъ голоскомъ: "Здрастуй, Женя!" Онъ долженъ былъ поцѣловать и куклу въ ея облупленный носикъ. А крестъ!.. Крестъ!.. когда онъ подарилъ его ей и надѣлъ на ея тоненькую шейку, она долго смотрѣла на распятаго Христа, держа его въ своихъ маленькихъ ручкахъ, потомъ спросила: "За что онъ такой?" и ея взглядъ!.. Онъ увидѣлъ этотъ взглядъ такимъ, какимъ онъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Карминъ застоналъ. Безпощадная память!

И этотъ вечеръ, когда его брали, чтобы вести на разстрѣлъ. Онѣмѣвшая отъ ужаса мать съ безсильно опущенными руками и Леля рыдаетъ, уткнувшись головой въ материнскій передникъ, по краямъ котораго вздрагиваютъ ея дѣтскія пальчики въ тактъ съ рыданіями.

Невыносимо!

Карминъ сорвался съ постели. Спѣшно одѣлся и зашагалъ изъ конца въ конецъ комнаты.

Больше нѣтъ его маленькой Лели. Она превратилась в прекрасную женщину, вызывающую въ немъ совсѣмъ не братскія чувства. Что будетъ дальше? какъ сложатся ихъ отношенія? и что значитъ ея вчерашнее "это не для насъ?"

Карминъ выбѣжалъ на улицу и заспѣшилъ въ гаражъ. Можетъ быть тамъ обычныя дѣла привычнаго существованія вырвутъ его изъ той атмосферы фантастики, которою окружилъ его вчерашній день. Онъ проработалъ до полудня, пошелъ въ ресторанъ, но едва прикасался къ подаваемымъ блюдамъ. Возвратился въ гаражъ. Старался войти въ интересы повседневной работы. Напрасно! Картины всего происшедшаго вчера стоятъ передъ нимъ. Мѣшаютъ ему работать. Онъ поймалъ удивленные взгляды служащихъ вмѣстѣ съ отвѣтами ихъ на его вопросы. Боже! какъ тянется время. Она сказала притти вечеромъ, но до вечера надо прожить. Еще только пять часовъ. Пять часовъ не вечеръ. Все равно! онъ позвонитъ ей скажетъ, что ѣдетъ сейчасъ.

Онъ взялъ телефонъ и набралъ номеръ. Послышался женскій голосъ:

"Алло!"

"Это ты, Леля?"

"Нѣтъ, это горничная".

"Попросите къ телефону мадамъ".

"Но... ее нѣтъ, она уѣхала".

"Уѣхала?.. куда?.."

"А я не знаю... она не оставила адреса. Можетъ быть въ конторѣ. Я убираю комнату".

Карминъ помчался въ отель. На вопросъ объ Аннѣ ему отвѣтили, что мадамъ уѣхала внезапно, не указавъ адреса, но оставила два письма съ просьбой передатъ ихъ, если ихъ будутъ спрашивать. Одно для господина Кенneля, другое для господина Кармина.

"Да, я Карминъ" — сказалъ онъ и получилъ письмо.

Предчувствуя недоброе, въ ближайшемъ бистро за столикомъ Карминъ разорвалъ конвертъ и прочелъ:

"Не ищи меня, ты меня не найдешь. Наше свиданіе невозможно. Ни ты, ни я не виноваты, но возможности счастья для насъ нѣтъ. Я останусь жить и до конца буду носить на груди твой и мой крестъ. Иная долгая жизнь тяжелѣе короткой смерти, но покорись и прими ее такъ, какъ принимаю ее я".

Карминъ долго сидѣлъ за столикомъ, держа передъ собою письмо, вчитываясь въ каждое его слово. Его сознаніе отказывалось воспринять во всей полнотѣ содержанія этого письма. Онъ чувствовалъ себя опустошеннымъ.

***

На слѣдующій день утромъ, какъ это было условлено, Кеннель пріѣхалъ къ Аннѣ и не нашелъ ее. Въ отвѣтъ на свои вопросы онъ получилъ адрессованное ему письмо. Тутъ же, въ конторѣ, Кеннель вскрылъ его. Анна писала:

Мой дорогой другъ,

Обстоятельства, повелѣвающія мною, заставляютъ меня покинуть Парижъ. Мы никогда больше не увидимся, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы сохранили обо мнѣ добрую память, такую же, какъ и я навсегда сохраню о васъ, равно какъ и о тѣхъ радостяхъ жизни, которыя вы такъ хорошо умѣли организовать и такъ радушно предоставить вашимъ друзьямъ. Чтобы хоть немного объяснить вамъ причину моего исчезновенія я могу сказать только то, что намъ, русскимъ людямъ моего поколѣнія, выпа-

ла на долю тяжелая и горестная судьба. Она сильнѣе нашей воли, диктуетъ намъ наши поступки и мы ничего иного сдѣлать не можемъ, какъ только принять ее и перенести, хотя бы и не обѣщала она въ будущемъ ни радости, ни счастья. Моя встрѣча съ вами навсегда останется для меня отраднымъ воспоминаніемъ, она убѣдила меня въ томъ, что существуютъ еще благородные и чуткіе люди и за одно это уже я благодарю васъ отъ всего моего сердца.

Анна К.

Кеннель былъ потрясенъ. Непонимающимъ взглядомъ онъ обвелъ контору со всѣми, находившимися въ ней людьми, какъ будто удивляясь, что они остаются такими же, какими были до того, какъ онъ прочелъ письмо, потомъ медленно и аккуратно сложилъ его, положилъ въ боковой карманъ и такъ же медленно направился къ выходу.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Н. Майеръ

Русскія былины

(Справка)

(Окончаніе) *)

IV.

Несмотря на ранѣе отмѣченное различіе въ содержаніи между былинами Кіевскаго и Новгородскаго цикловъ, стиль и языковая структура ихъ болѣе или менѣе однородны. Начинаются онѣ съ **прибаутки** или **запѣва**, т. е. съ вступленія мало чѣмъ отличающагося отъ слѣдующаго за нимъ зачина. Такъ, въ былинѣ о Василіи Буслаевѣ дается характеристика отца его Буслая:

Въ славномъ великомъ Новѣградѣ
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ,
Съ Новым-городомъ не перечился,
Со мужики Новогородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ,
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.

Только послѣ этой, по выраженію Вс. Миллера, "прелюдіи", былина переходитъ въ сказъ о самомъ героѣ, въ данномъ случаѣ, Василіи Буслаевѣ.

Иногда прибаутка не что иное, какъ припѣвка, встрѣчающаяся въ разныхъ былинахъ. Напр.:

Высота-ль, высота поднебесная.
Глубина-ль, глубина океанъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Въ зачинѣ указывается либо мѣсто дѣйствія, либо мѣсто рожденія богатыря:

Какъ во славномъ городѣ Кіевѣ,
У ласковаго князя Владиміра...
Или:
Въ славномъ было городѣ во Муромѣ,
Въ большомъ селѣ Корочаровѣ.

Но нерѣдко зачинъ ограничивается отрицательными уподобленіями:

Не бѣленькій кречетокъ выпархивалъ,
Не ясенъ соколочекъ вылетывалъ,
Выѣзжалъ удалъ добрый молодецъ.
Или:
Ай не волна какъ по морю расходилася,
Ай не сине море всколыхалося,
Ай взволновался да вѣдь Калинъ-царь.

Лермонтовъ, глубоко проникшись духомъ нашихъ былинъ, далъ слѣдующій образецъ зачина съ отрицательными уподобленіями:

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются ими тучки синія,
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.

За зачиномъ слѣдуетъ медлительное повѣствованіе съ стереотипными описаніями "скачки богатыря", его силы, удали и ловкости.

Скакалъ онъ выше лѣсу дремучаго,
Чуть пониже облака ходячаго,
Съ горы на гору перелетывалъ,
Рѣки-озера перескакивалъ,
Мелки рѣчки промежъ ногъ пущалъ.

Былины подробно останавливаются на пріѣздѣ къ мѣсту служенія богатыря и на знакомствѣ съ нимъ. Много мѣста удѣляется и сборамъ его въ походъ.

Онъ добра-коня засѣдлываетъ,
На коня накладываетъ потничекъ,
Потничекъ-то онъ кладетъ шелковенькій,
На потничекъ — подпотничекъ,
На подпотничекъ — сѣделышко черкасское,
Черкасское сѣделышко подержано...
и т. д.

Очень часто въ былинахъ встрѣчаются описанія пировъ, почти неизмѣнно кончающихся похвальбой. Напр.:

Всѣ-то на пиру напивалися
Всѣ на честномъ наѣдалися,
Всѣ на пиру порасхвастывались!
Иной хвалится городами,
Иной хвастаетъ золотой казной,
Разумный хвастаетъ родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.

Заканчиваются былины **ИСХОДОМЪ**, какъ то:

Синему морю на тишину,

*) См. "Русская Рѣчь" №№ 13, 14, 15.

Всѣмъ добрымъ людямъ — на послушанье.

Исходомъ же и Лермонтовъ заключаетъ свою **Пѣсню о купцѣ Калашниковѣ:**

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!

Красно начинали, красно и кончайте;
Каждому правдою-честью воздайте!
Тароватому боярину — слава!
И красавицѣ бояринѣ — слава!
И всему народу христіанскому — слава!

Въ былинахъ болѣе поздняго происхожденія народное сознаніе запечатлѣло нѣкоторыя историческія событія, какъ напр., завоеваніе Казанскаго царства, убіеніе царевича Димитрія въ Угличѣ, начало Смутнаго времени, воцареніе Гришки-Разстриги, смерть Михайлы князя Скопина **и т. п.**

Въ общемъ, въ этихъ былинахъ ходъ событій передается болѣе или менѣе вѣрно, но и въ нихъ встрѣчаются анахронизмы и образы, заимствованные изъ народной фантастики. Такъ, Марина Мнишекъ — "Маринка безбожница", слывушая вѣдьмой, спасаясь отъ мести стрѣльцовъ, "сорокою обернулася и изъ полатъ вонъ вылетѣла".

Былины обоихъ цикловъ, Новгородскаго и Кіевскаго, равно какъ и историческія отличаются шаблонностью поэтическихъ пріемовъ и однообразіемъ употребляемыхъ эпитетовъ, по содержанію же своему онѣ значительно менѣе сложны, нежели эпическое творчество древнихъ эллиновъ, германскихъ и саксонскихъ народностей. Достаточно сравнить нашъ эпосъ съ Иліадой, Пѣсней Нибелунговъ и легендами короля Артура и Рыцарей Круглаго Стола.

Да и съ точки зрѣнія техники стихосложенія наши былины не могутъ соперничать съ "священными напѣвами" эллинскаго гексаметра или съ строго выдержанными четырехстрочными рифмованными строфами Нибелунговъ.

Для сохраненія своеобразныхъ, но произвольныхъ ритмовъ въ былины, съ одной стороны, вводятся частицы рѣчи, не имѣющія семантическаго значенія, какъ то: "ай", ""ли", вѣдь", "ка", "отъ", "тко" и др., а съ другой — повторяются слова однозначныя, особенно односложные предлоги. Вотъ нѣсколько образцовъ русской былинной лексики:

Изъ-за **моря, моря** синяго
Отъ того-**де** царя **вѣдь** заморскаго
А тебѣ-**ка-ва**, Настасья **воля вольная**
Смотрѣлъ-глядѣлъ по далечу чисту-полю
Полно-**тко** тебѣ слезить отцевъ-матерей
Полно-**тко** вдозить женъ молодыхъ
При той пути, **при** дороженькѣ
Изъ этой земли, **изъ** Жидовскія
Вынималъ онъ **вѣдь** стрѣлку каленую
Вы ведите-**тко** богатыря святорусскаго
Во мое **во** гнѣздышко Соловьее и т. д.

Характерной особенностью былиннаго говора является употребленіе словъ ласкательныхъ, а также существительныхъ и прилагательныхъ съ уменьшительными суфиксами. Напр.,

А Владиміръ-князь вышелъ со Божьей церквы,
Отъ той отъ **обѣденки** Христосскія,
Садился за **столики** дубовые,
За тыя **скамеечки** окольныя
Ѣсть **яствушекъ** сахарныхъ
Пити **питьицевъ** медвяныихъ.

Или:

Много ли, Илья, чуешь въ себѣ **силушки? —**
Во мнѣ **силушки половинушка.**

Или:

Бралъ онъ **плеточку шелковеньку**
У **славненькой** у рѣчки у Смородинки...

Или:

Отъ земли столбъ былъ до **небушки.**

Слѣдуютъ еще отмѣтить склонность слагателей былинъ къ разнаго рода гиперболамъ. Такъ, новорожденный Волхъ Всеславьевичъ проситъ мать свою Марѳу Всеславьевну вручить ему палицу "вѣсомъ въ триста пудъ", а Илья Муромецъ однимъ духомъ выпиваетъ чашу "въ полтора ведра"; онъ же бьется съ Поленицей преудалой "полтора года" безъ отдыха. Соловей-разбойникъ глотаетъ "цѣлаго богатыря съ конемъ", а у былиннаго героя Дюка сына Степановича доспѣхи расцѣниваются такъ:

А куяку*) и панцырю цѣна лежитъ три тысячи,
А кольчуга на немъ красна золота,
Цѣна сорокъ тысячей,
А и конь подъ нимъ цѣна пять тысячей.

Несмотря на примитивность поэтическихъ пріемовъ и однообразіе образовъ въ былинахъ, особенно болѣе поздняго происхожденія, онѣ привлекали вниманіе не только нашихъ языковѣдовъ и историковъ изящной словесности, но также поэтовъ, композиторовъ и живописцевъ — Карамзина, Мельникова, Ивана Кирѣевскаго, Лермонтова, гр. А. К. Толстого, Мея, Римскаго-Корсакова, Аренскаго, Бородина, Васнецова и Сурикова. Какъ извѣстно, и Пушкинъ проявлялъ глубокій интересъ къ народному творчеству — къ сказкамъ, пѣснямъ и родственнымъ послѣднимъ былинамъ. Во всѣхъ этихъ лирико-эпическихъ формахъ нашли свое выраженіе нѣкоторыя коренныя черты русскаго національнаго духа, какъ отрицательныя, такъ и положительныя — съ одной стороны, грубость, переходяшая не только въ озорство, но и въ бунтарство, жестокость, бахвальство, стихійный разгулъ, а съ другой — удаль-молодечество, великодушіе, беззавѣтная храбрость, покорность родительской волѣ, крѣпкое стояніе за Русь Святую и Вѣру Православную.

Даже не достигнувъ полнаго своего развитія, нашъ былинный эпосъ является неисчерпаемымъ источникомъ для изученія народной стихіи въ ея древнихъ чаяніяхъ, помыслахъ и проявленіяхъ. И нѣтъ сомнѣнія, что въ освобожденной и возрожденной Россіи былина снова сдѣлается предметомъ прерваннаго лихолѣтьемъ вдумчиваго изслѣдованія.

Борисъ Бразоль

---

*) Куякъ это Латы.

Вооруженныя силы

Геройство низшихъ, ничтожество высшихъ

(Продолженіе) *)

Я поступилъ въ "Осваго" на должность походнаго лектора съ обязательствомъ пройти черезъ контръразвѣдку. Визитъ туда я сознательно оттягивалъ, вполнѣ увѣренный, что мы не поймемъ другъ друга. Выручило то обстоятельство, что въ "Осваго" пришелъ фильмъ "Ужасы Кіевской чрезвычайки". Предполагалось поставить ее въ лучшемъ кинематографѣ, передъ сеансами же произносить вступительное слово, объясненія или что либо подобное. Мнѣ предложили эту роль конферансье и, впродолженіе трехъ дней, по три и по четыре раза въ день, передъ каждымъ сеансомъ я повторялъ: "Докладъ о чрезвычайныхъ комиссіяхъ". На лекціяхъ перебывала вся Полтава и вопросъ о моей реабилитаціи отпалъ какъ то самъ собой.

Вскорѣ послѣ этого я выѣхалъ съ концертнымъ ансамблемъ въ уѣздный городъ Кобеляки. Этой поѣздкой предполагалось открыть цѣлую серію выѣздовъ или непрерывное двухмѣсячное путешествіе по различнымъ городамъ, гдѣ я передъ концертной программой долженъ былъ читать лекцію. Поѣздки эти должны были носить характеръ частнаго предпріятія за рискъ и страхъ импрессаріо. Въ теченіи вечера я наблюдалъ какъ физіономія этого милаго веселаго молодого человѣка постепенно вытягивалась и недоумѣвалъ о причинѣ. Думая, что можетъ быть мое выступленіе оказалось не на достаточной высотѣ, я приставалъ къ нему съ разспросами. Онъ отдѣлывался больше междометіями, но наконецъ, проронилъ знаменательную фразу:

"Напрасно мы подъ флагомъ "Осваго" пошли".

Я былъ совершенно озадаченъ. Подъ какимъ же инымъ флагомъ могли мы идти? и почему этотъ флагъ оказался неблагополучнымъ? Значило ли это, что онъ не годился ни для какого предпріятія, и что лучше ужъ было идти безъ всякаго флага? И сейчасъ же по какому-то неясному еще сопоставленію, на умъ мнѣ пришло изумительное стихотвореніе, расклеенное въ витринахъ "Осваго" съ соотвѣтствующими иллюстраціями:

"Стенька грабилъ, убивалъ
"И въ тюрьму за то попалъ.
"Тамъ не долго проторчалъ,
"Темной ночью убѣжалъ" и т. д.

впослѣдствіи "власть совѣтску защищалъ". Припомнилось, также, что театръ былъ заполненъ только наполовину и какой-то спеціальной публикой, исключительно радостно реагировавшей на такія оплошности, какъ напр., появленіе во время лекціи на сценѣ моего сынишки, который прокрадывался на цыпочкахъ между кулисъ, чтобы заглянуть въ залъ въ предположеніи, что онъ невидимъ публикѣ, а затѣмъ неумѣстный выходъ неизвѣстно откуда взявшагося чернаго пуделя, радостно подскочившаго къ пѣвицѣ въ то время, какъ она пѣла арію изъ "Пиковой Дамы": "Ночью ли, днемъ, только о немъ" и т. д.

Я начиналъ кое что понимать, тѣмъ болѣе что наканунѣ мозги мои подверглись нѣкоторымъ воздѣйствіямъ.

Мнѣ было дано порученіе бесѣдой съ нѣкоторыми лицами выяснить положеніе дѣлъ въ уѣздѣ въ смыслѣ, какъ общаго настроенія, такъ и отдѣльныхъ фактовъ. Кромѣ лицъ, указанныхъ мнѣ "Осваго", я встрѣтилъ въ Кобелякахъ моего знакомаго петроградца, очень ярко нарисовавшаго мнѣ картину общаго положенія. Она была такова: — Въ уѣздѣ идетъ почти не скрываемая борьба добровольчества съ самостійностью, контръ-развѣдка занята выписываніемъ желѣзнодорожныхъ разрѣшеній для спекулянтовъ, уѣздный начальникъ Раушъ фонъ Траубенбергъ, представитель добровольческой власти, въ противоестественной связи съ самостійниками. Предсѣдатель бывшаго исполкома и бывшій военный комиссаръ, — большевики, — имѣютъ опредѣленное мѣсто жительства въ уѣздѣ и часто совершенно хладнокровно ходятъ по улицамъ въ Кобелякахъ.

Кромѣ выступленій въ кинематографѣ и Кобелякахъ моя дѣятельность въ Полтавщинѣ свелась къ тому, что я прочиталъ нѣсколько лекцій на курсахъ, устроенныхъ "Осваго" подъ руководствомъ профессора Таберію. Тутъ стоитъ отмѣтить обстановку, при которой происходило ученіе. Руководствъ не было никакихъ, мнѣ пришлось по памяти возстанавливать содержаніе общей части учебника уголовнаго права Сергѣевича, безъ которой я не могъ обойтись въ лекціяхъ. Курсанты вели записи и по нимъ сдавали экзамены. Ихъ было человѣкъ до пятидесяти, мужчины и женщины самыхъ разнообразныхъ общественныхъ и умственныхъ состояній, различныхъ возрастовъ. Было юношество, серьезно относившееся къ дѣлу и заставлявшее жалѣть о несовершенной постановкѣ преподаванія, прекрасно и осмысленно отвѣчавшее на экзаменахъ, были пожилыя женщины, никакъ не вмѣщавшія разницы между принципами уголовнаго и гражданскаго законодательства и, послѣ нѣсколькихъ вздоховъ на экзаменѣ, грустно и смущенно говорившія: "Нужно какъ нибудь жить". Они мучились единственно изъ за надежды на полученіе стипендій.

Н. Майеръ

(Продолженіе слѣдуетъ)

*) См. №№ 11, 12, 14, 15 "Русской Рѣчи".

ЧЛЕНАМЪ СОЮЗА И ПОДПИСЧИКАМЪ "РУССКОЙ РѢЧИ" ПОЗДРАВЛЕНІЕ СО СТАРЫМЪ, ПРОШЕДШИМЪ. ЛУЧШІЯ ПОЖЕЛАНІЯ КЪ НОВОМУ 1962-му.

ДЛЯ ОТЗЫВА

"Русская Рѣчь" даетъ обзоръ изданій, напечатанныхъ по правиламъ русскаго правописанія.

Борисъ Бразоль. В. И. Даль. Безсмертный русскій лексикографъ. Къ 160-лѣтію рожденія (1801-1872). Изданіе Об-ва имени А. С. Пушкина въ Америкѣ. Нью-Іоркъ, 1961.

Эта книжка показываетъ лишній разъ съ какимъ небреженіемъ относятся наши соотечественники къ своимъ большимъ людямъ. Многіе ли отвѣтятъ хотя бы отчасти на вопросъ: кто былъ В. И. Даль и чѣмъ онъ извѣстенъ, а между тѣмъ вкладъ его въ русскую культуру огроменъ. Надъ своимъ "Толковымъ Словаремъ", созданіе котораго онъ предпринялъ для того, чтобы устранить "несообразность письменнаго языка съ устною рѣчью простого русскаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотностью", онъ трудился 47 лѣтъ и завершилъ его единолично, безъ посторонней помощи, вслушиваясь въ говоръ московскихъ просвиренъ, солдатъ, базарныхъ перекупокъ, чумаковъ и переселенцевъ, рыночныхъ торговокъ и волжскихъ бурлаковъ, плѣняясь образностью ихъ рѣчи, юморомъ и блескомъ.

Словарь Даля своеобразенъ, въ немъ больше 20 тысячъ словъ, но и не только словъ — въ немъ и поговорки, и пословицы, и прибаутки:

"Деньги забота, мѣшокъ — тягота".

"Мужикъ что мѣшокъ, что положишь, то и несетъ".

"Гдѣ чортъ не сладитъ, туда бабу пошлетъ".

Колоссальный матеріалъ, послужившій Далю для Словаря, собранъ имъ во время его безконечныхъ скитаній по огромнымъ россійскимъ просторамъ. Этотъ Словарь "незамѣнимъ, когда рѣчь идетъ о живомъ народномъ языкѣ и навсегда останется классическимъ памятникомъ русской культуры" — писалъ академикъ Пыпинъ. Первый томъ Словаря былъ изданъ на частныя пожертвованія; второй, третій и четвертый на суммы, предоставленныя Императоромъ Александромъ II изъ личныхъ Его средствъ.

Не безынтересно отмѣтить, что у Даля не было ни одной капли русской крови, его отецъ былъ датчанинъ, а мать нѣмка. Наглядный примѣръ той руссификаціи, которой русская стихія дала такіе поразительные образцы.

Интересную и полезную книжку написалъ Борисъ Львовичъ Бразоль.

"Златоцвѣт", журналъ № 1 1961 г. Издательство "Златоцвѣтъ", редакторъ И. С. Чирковъ.

Глазная статья, снабженная иллюстраціями, посвящена столѣтію дня освобожденія крестьнъ. На обложке — прекрасный портретъ Императора Александра II.

Въ журналѣ много разнообразнаго интереснаго матеріала. Разсказъ Б. Зайцева "Земная печаль", В. Кононова "Свѣтильникъ неугасающій" о трагической судьбѣ В. Кн. Елизаветы Феодоровны, Д. Рябушинскаго "Какъ я покинулъ нашу родину въ 1918 г.", С. Маковскаго статья объ архитектурѣ, проф. П. Ковалевскаго "Академія Художествъ", разсказъ Фритьофа Нансена "На охотѣ за бѣлымъ медвѣдемъ", Н. Чиркова "Жертза соціалистовъ" къ 40-лѣтію гибели Императорской Академіи Художествъ. Всего не перескажешь, въ журналѣ 54 страницы, нужно перечитать.

Можно только привѣтствовать появленія новаго изданія не на отвратительномъ совѣтскомъ языкѣ, а на хорошемъ русскомъ, съ русскимъ же правописаніемъ.

Необходима поправка въ объявленіи о журналѣ "Русская Рѣчь": стоимость годовой подписки указана 3 долл. Она — 400 фр. Адресъ также невѣрно указанъ — 28, rue Serpente Это старый адресъ, новый находится въ каждомъ номерѣ "Русской Рѣчи", въ отдѣлѣ "Корреспонденція".

Н. Майеръ

ЗАМѢЧЕННЫЯ НЕПРАВИЛЬНОСТИ

1) Въ статьѣ П. И. о журналѣ "Перекличка": ...печатается **недоумѣвающая статья** по поводу..."

2) Въ статьѣ Н. Лидарцевой о Фрателлини:

"Такимъ образомъ, родившись въ семьѣ циркачей, его первымъ языкомъ былъ русскій..."

3) Въ статьѣ Жерби "На пути къ свободѣ":

"Многихъ, многихъ кошмарныхъ продѣлокъ разсказали наши новые знакомые..."

4) Въ статьѣ А. Толстой "Старость на чужбинѣ":

"И какіе бы **не** были недостатки..."

5) Тамъ же:

"...стараясь помочь русскимъ людямъ, гдѣ бы они **не** находились".

6) Въ статьѣ С. Маковскаго "Владиміръ Поль": "...проходилъ **учебу..."**

СОЮЗЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВЪ ВЪ ПАРИЖѢ

Въ залѣ Консерваторіи 17-го Декабря Союзъ подарилъ Парижу вечеръ, посвященный 120-й годовщинѣ смерти Лермонтова

А. В. Щитковъ умѣло прочелъ докладъ проф. Б. Клейбера "Два страшныхъ года" Лермонтова, о Лермонтовѣ, не такомъ, какимъ мы его видимъ и не о такомъ, какимъ онъ хотѣлъ казаться, но о такомъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Талантливые пѣвцы Березовская, Михѣева и Дольницкій, подъ аккомпаниментъ Лабинскаго, своими соло, дуэтами и тріо показали въ полной мѣрѣ исключительную красоту, могущую

быть созданной сочетаніемъ русскаго чувства, русскаго слова и русской музыки.

Вечеръ оказался событіемъ въ русской общественной жизни Парижа. До конца зимняго сезона далеко, у Союза есть еще время для столь же удачныхъ новыхъ выступленій.

Н. М.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

Членамъ Союза и подписчикамъ "Русской Рѣчи".

На начавшійся новый годъ пришлите ваши членскіе взносы Союзу и подписную плату "Русской Рѣчи" по адресу:

N. Mayer — 8, rue St. Julien-le-Pauvre, Paris 5-me.

"РУССКАЯ РѢЧЬ":

во Франціи — 350 фр., внѣ Франціи — 400 фр.
Отдѣльный номеръ — 100 фр.

НА СКЛАДѢ

Б. Бразоль. В. И. Даль (къ 160-лѣтію рожденія 1801-1872) — 3.50 н. фр.
Н. Майеръ. Чужая жизнь. Разсказы — 2.00 н. ф.
Н. Майеръ. Почему похищенъ Кутеповъ, а не Милюковъ — 1.50 н. фр.
"Златоцвѣтъ". Журналъ № 1. Из-во "Златоцвѣтъ" въ Калифорніи. Цѣна съ пересылкой — 4.00 н. фр.
Открытки съ портретомъ А. С. Пушкина — 0.35 н. фр.

"РУССКАЯ РѢЧЬ" ПРОДАЕТСЯ:

Книжный магазинъ — 10 рю де Карм, Парижъ 5.
Книжный магазинъ «Кама» — 27, рю де Виллье, Нейи.
Книжный магазинъ Сіяльской — 2, рю Пьер ле Гранд. Парижъ 8.
Ростовцевъ — 45, рю Вавэн, Париж 6.
«Семис» — 125, рю дю Театр, Париж 15.

ИЗДАНІЯ, ПЕЧАТАЮЩІЯСЯ ПО ПРАВИЛАМЪ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ:

"Бѣлый крестъ", "Витязь", "Владимірскій Вѣстникъ", "Возрожденіе", "Воскресеніе", "Вѣстникъ православнаго дѣла", "Костеръ", "Православная Русь", "Родные перезвоны", "Русская Рѣчь", "Русскій Инвалидъ", "Русскій путь", "Школьникъ", "Союзъ Дворянъ", "Златоцвѣтъ".

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Объявленія не свыше трехъ строчекъ лицъ, состоящихъ членами Союза печатаются безплатно.

Уроки русскаго и англійскаго яз. Писать:
M-me Olga, 255, Av. Daumesnil, Paris.

Покупаю русскія книги старыхъ изданій. Писать въ адресъ редакціи для № 1.

Imprimerie S.I.P.E., 32, rue de Ménilmontant.

Journal trimestriel

LA PAROLE RUSSE

Directeur N. MAYER

Союзъ для защиты чистоты русскаго языка

80, rue de Monceau — Paris (8e)

№ 19 **1962 — OCTOBRE, NOVEMBRE, DECEMBRE — 1962** **№ 19**

Защита чистоты русскаго языка не реакція, не проповѣдь неизмѣняемости однажды принятыхъ формъ, не противодѣйствіе органическому развитію русскаго слова. Она противодѣйствуетъ внѣдренію въ русскую рѣчь большевицкаго жаргона, эмигрантскихъ заимствованій и ничѣмъ необоснованныхъ претенціозныхъ искаженій.

Коммунизмъ -- для дурачковъ

Не всѣ же пратійцы готовы, понимая что они дѣлаютъ, распинать ради собственнаго благополучія русскій народъ въ колхозахъ, удушать искусство партійными заданіями, умерщевлять церковь открытымъ насиліемъ. Осталось среди нихъ, хоть и небольшое количество, энтузіастовъ, вѣрующихъ и нынѣ въ цѣлительную силу коммунистической доктрины для общественныхъ недуговъ "капитализма".

Вотъ объ этихъ то простачкахъ и хочется поговорить, объ этихъ людяхъ, не способныхъ при разсмотрѣніи всего, принесеннаго коммунизмомъ, подняться на высоту общаго вывода, логически вытекающаго изъ отдѣльныхъ, частныхъ выводовъ, если соединить ихъ въ одно цѣлое.

Не могутъ не видѣть они слѣдующихъ результатовъ россійской совѣтизаціи:

1) Очевидный провалъ государственнаго коллективнаго землепользованія, такъ какъ продукты, имъ производимые, не удовлетворяютъ въ той мѣрѣ потребностей населенія, въ какой они удовлетворяли ихъ раньше, — фактъ общеизвѣстный.

2) Фабричное производство бытовыхъ и необходимыхъ для нормальной жизни каждаго человѣка предметовъ — хуже, чѣмъ неудовлетворительное.

3) Такія достиженія какъ спутники, сателиты и т. д., нельзя отнести на счетъ коммунизма. Они созданы не коммунизмом, а даровитостью русскихъ людей. Это доказала не коммуністи-

ческая Америка, идущая, не рискуя человѣческими жизнями, въ ровень съ Россiей.

4) Литература за всѣ 45 лѣтъ дала только два романа, ставшiе общеизвѣстными: "Не хлѣбомъ единымъ" Дудинцева и "Докторъ Живаго" Пастернака. Первый напечатанъ по явному недосмотру совѣтской цензуры, какъ это оказалось впослѣдствiи, второй бездарный романъ, получившiй извѣстность только потому, что появился онъ въ свѣтъ не взирая на запрещенiе совѣтской власти.

Больше ничего замѣтнаго не дала совѣтская литература за весь этотъ долгiй срокъ.

5) Музыка, живопись, скульптура, — гдѣ вы, славные имена авторовъ, произведенiя которыхъ въ былое время стяжали мiровую извѣстность?

6) Въ какую бы область знанiя, таланта, свободного труда ни былъ направленъ взоръ, нельзя найти чего либо, что могло бы быть поставлено въ заслугу коммунизму. Такiя достиженiя какъ всеобщая грамотность, безплатное обученiе, безплатныя поѣздки въ отпускъ и т. д. пришли бы и безъ коммунизма и, можетъ быть, скорѣе чѣмъ при немъ, путемъ нормальнаго прогресса общественной жизни, по которому такъ быстро шелъ русскiй народъ, въ особенности въ послѣднiя предвоенныя десятилѣтiя.

Если соединить всѣ эти одиночные выводы въ одно цѣлое, къ какому общему выводу нельзя не притти? — Только къ тому, что коммунизмъ, продиктовавшiй всѣ эти мѣропрiятiя, давшiя отрицательные результаты, въ ихъ общемъ итогѣ не улучшаетъ, а ухудшаетъ жизнь человѣка, приноситъ не добро, а зло.

И нельзя "болѣзнями роста", будто бы естественными и неизбѣжными, объяснять всѣ эти провалы коммунистическаго опыта, какъ это стараются дѣлать когда уже не на что больше сослаться. Не только для одиночнаго общественнаго явленiя, но даже и для исторiи всего человѣчества сорокъ пять лѣтъ — значительный срокъ, во всякомъ случаѣ достаточный для того, чтобы встало во весь свой ростъ и выявило свое подлинное лицо любое общественное явленiе.

Этого лица, этого общего вывода не видятъ только тѣ, кто или сознательно не позволяетъ себѣ его видѣть, или не способные его видѣть по своему неразумѣнiю, то есть — дурачки.

Въ этой статьѣ чисто политическаго характера, казалось бы, нечего дѣлать "новой орфографiи". Это не такъ, — вся исторiя "новой орфографiи", съ самаго ея начала и до самаго конца представляетъ ее какъ явленiе прежде всего политическое. Она есть "достиженiе" не русскаго народа, а именно коммунизма *). Потому и вышеуказанный общiй выводъ долженъ быть признанъ обязательнымъ для сторонниковъ "новой орфографiи" въ той же мѣрѣ, въ какой обязателенъ онъ для защитниковъ россiйскаго коммунизма. Результаты этого совѣтскаго орфографическаго достиженiя въ той же мѣрѣ очевидны какъ и результаты совѣтскаго сельскаго хозяйства. Кромѣ рѣдкихъ, отдѣльныхъ выпадовъ противъ буквы "ѣ" со стороны малограмотныхъ писакъ, ни одинъ голосъ русскаго эмигранта не осмѣлился сказать, что "новая орфографiя" усовершенствовала русскiй языкъ.

Почему же держатся за нее, за эту "новую орфографiю", не отбросятъ ее какъ недостойную каррикатуру русскаго языка, не возвратятся къ русскому правописанiю тѣ, кто можетъ это сдѣлать не боясь совѣтскихъ заушенiй — русскiе эмигранты? Почему не перестанутъ они поддерживать большевизацiю русскаго языка совѣтами, не дадутъ примѣра другимъ органамъ эмигрантской печати, большевизанствующимъ какой то частью своего существованiя, хотя бы только "орфографической"?

Изъ за боязни "общественнаго" мнѣнiя?

По недостатку храбрости?... или...

*) См. № 2 "Русской Рѣчи".

К вопросу о старой и „новой" орфографiи

Брошюру подъ этимъ заглавiемъ издалъ Св. Троицкiй монастырь въ Нью Iоркѣ.

Въ ней три прекрасныя статьи: Архiепископа Аверкiя, В. Перемиловскаго и проф. И. А. Ильина (Извлеченiе изъ т. 2-го его труда "Наши задачи"). Особенно горько подчеркнутое въ нихъ сравненiе бережнаго отношенiя другихъ народовъ къ своему правописанiю съ той легкостью, съ которою восприняла русская "интеллигенцiя" всѣ уродства и безобразiя "новой орфографiи", съ наплевательскимъ отношенiемъ ея къ оскробленiямъ, постигшимъ и постигающимъ сейчасъ одну изъ главныхъ святынь нашей культуры, русскiй языкъ.

Какъ мало культурно, какъ мало интеллигентно вызвила себя въ этомъ вопросѣ россiйская интеллигенцiя!

Особенно хороша статья проф. Ильина. Кромѣ общеизвѣстныхъ словъ Тургенева и Гоголя о русскомъ языкѣ онъ вспоминаетъ еще гоголевскую фразу: "Самъ необыкновенный языкъ нашъ есть еще тайна... Языкъ, который самъ по себѣ уже поэтъ".

Защищая его отъ "новой орфографiи" профессоръ кончаетъ свою статью такъ: "Зачѣмъ всѣ эти искаженiя? Для чего это умопомрачающее сниженiе? Кому нужна эта смута въ мысли и въ языковомъ творчествѣ?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: все это нужно врагамъ нацiональной Россiи".

Въ статьѣ Перемиловскаго нельзя оставить безъ возраженiя его утвержденiе, что Россiйская Академiя Наукъ одобрила новое правописанiе. Академiя Наукъ **никогда** не одобряла новое правописанiе (См. № 2 "Русской Рѣчи" статью "Исторiя "новой орфографiи").

Полезную брошюру издалъ Св. Троицкiй монастырь. По прочтенiи невольно задаешся вопросомъ: какiе еще доводы нужны для того, чтобы своротить съ этого "ново-орфографическаго" вонючаго пути тѣ органы эмигрантской печати, которые по немъ идутъ?

Можно надѣяться, что въ концѣ концовъ это совершится, такъ какъ все больше появляется сторонниковъ возврата къ подлинному русскому правописанiю.

Вооруженныя силы

Геройство низшихъ, ничтожество высшихъ

(Продолженіе) *)

Городъ гудѣлъ. Онъ былъ набитъ людьми до отказа, премущественно военными.

Глазъ привыкъ уже къ тѣмъ внѣшнимъ признакамъ дисциплины, выражавшимся въ отданіи чести, въ соблюденіи мелочей формы, и ко всему ея внѣшнему облику, съ которымъ связаны были воспоминанія о минувшей военной славѣ Россіи, который, при первой встрѣчѣ послѣ долговременной разлуки, казался такимъ старымъ хорошимъ другомъ.

Хотѣлось пристальнѣе разглядѣть военную среду, являвшуюся наиболѣе активнымъ элементомъ противо-большевистской Россіи.

Прежде всего запоминался своеобразный жаргонъ.

Каждое общественное явленіе, даже не крупнаго значенія, приноситъ что либо съ собой въ сокровищницу народнаго языка. Иногда одно-два такъ называемыхъ "крылатыхъ" слова становятся впослѣдствіи нарицательными. Такъ отражаются на языкѣ и литературныя произведенія. Стоитъ припомнить Толстовское "образуется", Ростановскаго — "шантеклера". Иногда же, на поворотныхъ пунктахъ общественной жизни, рѣчь начинаетъ изобиловать неслыханными до тѣхъ поръ выраженіями и даже оборотами, сперва поражающими слухъ и воображеніе, затѣмъ пріѣдающимися, и, въ концѣ концовъ, становящимися невыносимыми, вызывающими противное тошнотное ощущеніе.

Эти періодическія особенности рѣчи настолько характерны, что чуткому уху опредѣляютъ сущность переживаемыхъ событій до большой глубины, налагаютъ красочный штрихъ на бутафорію эпохи, украшаютъ ее то лучистымъ ореоломъ, то обезьяньими хвостами.

Большевизмъ выдвинулъ цѣлый арсеналъ бьющихъ въ лобъ и въ барабанную перепонку выраженій. "Капитализмъ", "имперіализмъ", "буржуи", "пролетарій", — эти малоупотребительныя слова прокатились по всему міру. Связанныя между собой различными глаголами они составили символъ вѣры многихъ простодушныхъ. "Товарищъ", "трудящіе", (именно "трудящіе", а не трудящіеся), "контръ-революція" и т. д. остались для внутренняго домашняго употребленія. "Краснымъ" стало рѣшительно все, что мило коммунистическому сердцу. "Красные курсанты", "красная честная Волга", и т. д., не говоря ужъ про "красную армію". Удивительно, что церковь покуда еще только "живая". Слѣдовало бы ее назвать "красная церковь".

Все это звучитъ навязчивой соціалистической прописью, книжностью, надуманностью, далекими отъ жизни, такъ же, какъ далекъ русскій крестьянинъ отъ имперіализма, а средній русскій обыватель отъ капитализма.

Въ Деникинской Россіи образовался собственный жаргонъ. На каждомъ шагу звучало: "Ради Бога".

"Позвольте закурить".

"Р-ради Бога".

"Дайте, пожалуйста, пройти".

"Ради Бога".

Долетали отрывки разговоровъ.

"Х-а не видали?"

"Э, батенька, онъ уже давно "сыгралъ въ ящикъ".

Да, не можетъ быть!"

"Ну, какъ же, его еще подъ Екатеринодаромъ "угробили".

Или:

"Что же ты не ѣдешь въ Х?"

"Что я дуракъ? "пусть медвѣдь ѣдетъ".

"Отчего же? съѣздилъ бы да и назадъ "въ два счета". Тамъ вѣдь Д-цы стоятъ, "марочный" полкъ.

Мелкій военный обиходъ, и никакого отраженія руководящей идеи, соединившей десятки тысячъ людей и двинувшей ихъ на кровь и смерть.

Бросалось въ глаза различіе во внѣшнемъ видѣ военныхъ. Попадались офицеры, только что прибывшіе съ фронта, въ совершенно износившемся одѣяніи, очевидно отчаявшіеся поддержать свой внѣшній видъ на соотвѣтствующей высотѣ. Не смотря на то, что военные склады были наполнены новенькимъ военнымъ обмундированіемъ, доставленнымъ англичанами. Увы! ими завѣдывали генералы, считавшіе долгомъ своимъ какъ можно меньше ихъ расходовать. Почти цѣликомъ они достались большевикамъ послѣ крушенія бѣлыхъ армій. Были и щеголеватые прилизанные люди, блестѣвшіе каждымъ сгибомъ своего существа. Трудно было предположить, чтобы между ними и фронтовиками могло существовать взаимное пониманіе.

Вмѣсто нормальныхъ двухсотъ пятидесяти тысячъ, въ описываемое время, въ Ростовѣ находилось больше милліона людей. Характернѣйшей особенностью города было полное отсутствіе жилищъ. Квартирная комиссія выдавала ордера на "лѣтнія помѣщенія", которыя оказывались ничѣмъ инымъ, какъ сараями. Получить комнату съ нормальными, необходимыми для жилья удобствами, представлялось почти невозможнымъ. Изобрѣтательность въ разрѣшеніи квартирнаго вопроса въ иныхъ случаяхъ доходила до юмористики. Одинъ петроградскій журналистъ Н. Вознесенскій, квартировалъ на столѣ въ редакціи "Вечерняго Времени", освобождавшемся послѣ 8 часовъ вечера. Другой, болѣе счастливый, О. Я. Кобецкій, имѣлъ койку въ комнатѣ фильмо-прокатной конторы. Въ этой же комнатѣ ночевало еще трое, изъ которыхъ два спали на узенькихъ полкахъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнѣ для размѣщенія на нихъ фильмъ. Особенно тяготи-

---

*) См. №№ 11-18.

ло ихъ всѣхъ строжайшее запрещеніе курить въ этой комнатѣ, въ виду легкой воспламеняемости фильмъ.

На вокзалѣ цѣлыя семьи жили недѣлями.

Въ день пріѣзда я явился въ Осваго, заявилъ о самовольномъ прибытіи въ Ростовъ, и отказался продолжать службу совмѣстно съ Дабичемъ. Въ тотъ же день я былъ зачисленъ лекторомъ центральнаго Осваго. Мнѣ дали ордеръ на общежитіе. Это было помѣщеніе бывшаго реальнаго уличища, въ центрѣ города, состоявшее изъ двухъ громадныхъ залъ и нѣсколькихъ заселенныхъ уже маленькихъ комнатъ. Имѣлись деревянныя койки, кишѣвшія насѣкомыми. Окна кой гдѣ были разбиты.

Послѣ безсонной ночи я пришелъ въ Осваго и просилъ дать мнѣ скорѣе поѣздку, избравъ райономъ своей дѣятельности Кубань.

— — — — —

Многое въ Совѣтской Россіи скрывалось за заслонами семейной жизни. Несмотря на всѣ потрясенія, которымъ подвергалась она въ послѣдніе годы, все таки основой каждаго города, мѣстечка и тѣмъ болѣе деревни являлось постоянное населеніе, стнрожилы, обезпеченные жилищемъ, хотя бы и уплотненнымъ, предметами домашняго обихода, быть можетъ остатками отъ реквизированных. Пришлый, случайный элементъ относился къ этимъ старожиламъ, какъ одна четверть или одна пятая относится къ тремъ четвертямъ или четыремъ пятымъ.

Въ эту замкнутость по преимуществу осѣдлой жизни, въ четыре семейныхъ стѣны, уходило многое, подальше отъ людскихъ глазъ, хоронилось отъ нескромныхъ взоровъ. Много горя, несчастій и слезъ прошло там въ тиши одиночества. У самой страшной государыни смерти, полновластно хозяйничавшей въ эти годы въ Россіи, родственныя руки вырывали ея обезображенныя жертвы для отданія имъ послѣдней дани любви или уваженія.

Территорія Деникина была полна людьми, оторванными отъ насиженныхъ мѣстъ, перелетными птицами. Всѣ у всѣхъ были на виду, оставаясь при этомъ, однако, всякій самъ по себѣ. Все, вплоть до интимнѣйшихъ переживаній, происходило болѣе или менѣе публично и, пожалуй, самое тяжелое ощущеніе за все время моихъ скитаній дало мнѣ состояніе постоянной наблюдаемости. Нужно было или постоянно распоясываться (и до какого цинизма у иныхъ доходила эта распоясанность) или каждую минуту быть на чеку, подавлять свои настроенія, скрывать отъ постороннихъ глазъ то, что иной разъ неудержимо рвалось наружу. Всѣ жили на бивуакахъ, и все безобразіе переживаемаго безвременія выпирало наружу, било въ глаза, лѣзло въ уши прежде всего потому, что негдѣ было его скрыть. Самымъ виднымъ и самымъ страшнымъ слагаемымъ текущей жизни на территоріи Деникина была смерть. Не комическимъ аксессуаромъ, какъ у повстанческихъ бандъ, а навѣвающей ужасъ эмблемой и здѣсь и тамъ мелкало ея черное знамя съ бѣлымъ смѣющимся черепомъ и костями.

Она встрѣчалась на каждомъ шагу. Напоминала о себѣ всѣми способами, вплоть до появленія во-очію, какъ это было на дорогѣ между Кіевомъ и Лубнами. Съ утра и до сумерекъ тянулись по улицамъ Ростова похоронныя процессіи, молчаливыя, или въ сопровожденіи траурнаго марша. Газеты были полны объявленіями о панихидамъ. Въ Армавирѣ можно было изъ оконъ гостинницы наблюдать, какъ изъ сосѣднихъ казармъ выволакиваютъ на телѣгу всѣмъ чуждые трупы. По дорогѣ изъ Ростова въ Екатеринодаръ на платформахъ полустанковъ валялись груды труповъ, выброшенныхъ санитарными поѣздами, останки умерших от сыпняка... и много такихъ, уже остывшихъ полей битвъ мелкаетъ у меня въ памяти, гдѣ смерть водрузила свое побѣдное черное знамя. Тысячи труповъ дорогихъ и близкихъ чьему нибудь сердцу, оказывались здѣсь чужими и страшными всѣмъ, и тщетно просятъ теперъ “родныхъ и знакомыхъ” тоскующія души сообщить все извѣстное о пропавшемъ отцѣ или сынѣ.

Въ промежуткахъ между разъѣздами я старался найти себѣ другую, болѣе подходящую службу.

Какъ и въ Совѣтской Россіи желѣзныя дороги здѣсь были главными разсадниками сыпняка, оспы и т. п. Не имѣя возможности оставлять гдѣ либо сына на время поѣздокъ, я не могъ примириться съ необходимостью подвергать его опасности заболѣванія, каковой рискъ считалъ для себя обязательнымъ по долгу службы. Остановки въ Армавирѣ были совершенно невыносимы. Реквизированные номера гостинницъ, отводившіеся обычно мнѣ, были зачастую съ разбитыми стеклами, лишены освѣщенія и полны насѣкомыхъ. Владѣльцы гостинницъ думали только о своихъ карманахъ и, очевидно, преднамѣренно держали реквизированные номера въ такомъ состояніи, чтобы на нихъ не позарились.

Матеріально служба въ Осваго не устраивала меня. Получая грошевое жалованіе, (сначала 500, потомъ 750 р. въ мѣсяцъ), я долженъ былъ какъ можно больше выгонять лекціями (за каждую прочитанную лекцію платили 200 рублей). Изъ дорожныхъ расходовъ оплачивалась лишь стоимость желѣзнодорожнаго билета.

Еще одно чрезвычайно серьезное обстоятельство побуждало меня искать новой службы.

Лекція моя называлась: “Годъ и девять мѣсяцевъ у большевиковъ”. Я составлялъ ее въ Кіевѣ, еще не отрѣшившись отъ радостныхъ надеждъ и того взгляда на Деникинское движеніе, которое создалось у меня въ Совѣтской Россіи. Всѣмъ содержаніемъ лекціи и центромъ ея тяжести была критика большевизма. Я прочелъ ее въ первый разъ въ Кобелякахъ, былъ удовлетворенъ ею самъ и ощущалъ удовлетвореніе слушателей... Также какъ докладъ о чрезвычайкахъ, мнѣ легко было читать эту лекцію передъ аудиторіей, только сейчасъ сбросившей, еще недавно собственными глазами наблюдавшей все то, о чемъ я говорилъ. Тамъ свѣжи были переживанія и большевизма и освобожденія отъ него и потому заключительный аккордъ лекціи звучалъ достаточно сильно и безъ оформленія его въ доводахъ:

"Все это ужасное было, но прошло, благодаря Деникину и добровольческой арміи".

Для Ростова и мѣстностей, непосредственно имъ обслуживаемыхъ, этого было мало. Тамъ стало трафаретомъ, что Осваг ругаетъ большевиковъ. Оффиціальное учрежденіе анти-большевистской Россіи, какъ это вполнѣ было ясно, обязано было подчеркивать дурныя стороны большевизма. Кромѣ того, это всѣмъ уже надоѣло. Здѣсь критика большевизма могла быть только предпосылкой, а центръ тяжести надо было помѣстить въ выводъ о преимуществахъ передъ большевизмомъ всего того, что несетъ съ собой Деникинъ.

Нужно было дополнить лекцію второй частью, содержаніемъ которой должны были стать лозунги Деникинскаго движенія. Таковымъ могъ быть призывъ къ національному подвигу и спасенію всѣхъ погибающихъ отъ большевизма и прежде всего къ спасенію самой Россіи. Несмотря на туманность и расплывчатость такого призыва, онъ, казалось мнѣ, могъ бы быть чрезвычайно сильнымъ, если бы окружающая обстановка давала нравственное право произносить пламенныя слова. Мнѣ казалось, что при Корниловѣ, представлявшемъ собой героическій періодъ антибольшевизма, ничего другого нельзя было бы и говорить. Но этотъ періодъ съ Корниловымъ и окончился. Деникинъ ли своротилъ или Деникина своротило въ сторону програмныхъ достиженій сказать трудно, но тѣмъ не менѣе обоснованіе и идеологію Деникинщины приходилось черпать уже въ програмныхъ предначертаніяхъ.

Я изучилъ программу Деникина, извлекъ изъ нея самое цѣнное: безкочную вѣру въ Учредительное Собраніе, и составилъ вторую часть лекціи. Увы, каждый разъ, какъ я ее произносилъ, какіе то задерживающіе центры начинали работать во мнѣ помимо моей воли и тормозили языкъ.

Я обвинялъ самого себя. Упрекалъ себя въ томъ, что не умѣю понять душу Деникинскаго движенія. Я искренне хотѣлъ уловить его идеологическую сторону для того, чтобы впитать ее въ себя, формулировать ее лозунгами и въ своей рѣчи внушать слушателямъ всю его обязательность, всю его духовную красоту.

Я ходилъ въ Осваго и жадно рылся въ листовкахъ, брошюрахъ и т. п. Они грудами лежали передо мной, эти ублюдки русской литературы, ея рахитичныя, немощныя дѣти...

По специфическимъ пропагандистскимъ изданіямъ нельзя, конечно, судить о литературѣ, но также несомнѣнно и то, что общая русская литература отразила также и на нихъ всю трагедію послѣднихъ десятилѣтій. Пятилѣтнія потрясенія не вывели ее изъ состоянія прострации. Здѣсь на послѣднемъ клочкѣ національной русской территоріи позорно заканчивала блестящую эпоху русская литература, давно сбившаяся съ панталыку, собственными руками сковавшая себѣ ужасную судьбу. Заболѣвъ органическивъ недугомъ, поставивъ неправильный діагнозъ, она пошла новыми путями за исцѣленіемъ. Начавъ эти исканія проповѣдью о новой красотѣ она закончила ихъ "Облаками въ штанахъ" штамповой работы. О новой правдѣ она не задумывалась.

"Жизненнаго содержанія, сюжета для искусства не нужно" — былъ возвѣщенъ боевой лозунгъ.

"Завертѣвъ слова въ вихревой пляскѣ, мы изумимъ міръ новой красотой" — проповѣдывалъ Маяковскій.

"Сами краски есть абсолютъ. Ихъ чередованія, ихъ взаимодѣйствіе — вотъ въ чемъ заключается истинная красота" — утверждалъ съ чужого голоса Бурлюкъ.

Онъ былъ увѣренъ, что эти лозунги нельзя перещеголять новизной и оригинальностью, но ошибся. На выставкѣ,*) называвшейся "трамвай № 1-ый" появились картины, гдѣ красочный абсолютъ, очевидно, въ виду недостаточной его абсолютности, пополнялся вставленнымъ въ картину папироснымъ окуркомъ, кусочкомъ бутылочнаго стекла и т. п.

"Сейчасъ я вамъ покажу портретъ. Онъ имѣетъ мало общаго съ оригиналомъ, но вѣдь это и не требуется отъ портрета" — наивничалъ на лекціяхъ превосходительный докторъ вырожденецъ Кульбинъ.

Почтенные дѣятели упраздняли всѣ авторитеты, объявляли самихъ себя "геніями", "великими", и т. д. превозносили другъ друга словесно и печатно, оболванивали публику. Они смотрѣли въ глаза другъ другу съ затаеннымъ смѣхомъ, удивляясь какъ долго не могутъ разгадать ихъ такую простую, такую глупую загадку.

Далеко во всѣ стороны разносился вой шакаловъ надъ холодѣвшимъ тѣломъ погибавшаго русскаго подлиннаго искусства.

Оно дѣйствительно умирало.

Но произошло это потому, что сама русская жизнь умерла въ одномъ лучшемъ смыслѣ. Она лишилась содержанія и вмѣсто него наполнилась мусоромъ, вродѣ картинъ на упомянутой выставкѣ, переставъ питать искусство.

Огромный міръ, соединяющій матеріальную необъятность свою съ многограннымъ духомъ, вѣнчающій ежесекундно этихъ жениха и невѣсту и выражающій ихъ на полотнѣ или печатной страницѣ посредствомъ свѣточувствительнаго міровоспріятія художника, всегда былъ, есть и будетъ во вѣки вѣковъ единственнымъ источникомъ истиннаго творчества.

Преломленный въ русской дѣйствительности онъ пересталъ давать художественные образы.

Въ ту мертвую эпоху одно лишь было достойнымъ искусства — отказаться отъ дѣйствительности и стать пророчествомъ, покуда оно не сбудется.

"Звучать, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой во дни торжествъ и бѣдъ ъ народныхъ".

Этого не поняло русское искусство и потому умирало, свидѣтельствуя собой объ общей смерти...

Деникинское движеніе рѣшительно ни въ чемъ не оздоровило русскую жизнь и потому не могло дать ему нужнаго питанія.

Н. Майеръ

---

*) Въ Петроградѣ, въ 1917 г.

О несуразности и нелѣпости

В номерѣ 5-мъ совѣтскаго журнала "Новый Мир" за 1961-й год. напечатана довольно обширная статья К. Чуковскаго подъ туманнымъ заглавіемъ: "О соразмѣрности и соотвѣтствіи". Статью составляютъ три главы изъ будущей книги автора, какъ о томъ говоритъ подзаголовокъ, содержащія критическій разборъ литературнаго и разговорнаго языка, какой сложился на нашей родинѣ за время совѣтскаго владычества.

Въ свое время на эту статью отозвался Арк. Слизской на страницахъ газеты "Русская Мысль", остановивъ свое вниманіе на крайнихъ формахъ проявленія новизны и на нѣкоторыхъ уродствахъ языка.

Статья К. Чуковскаго не можетъ не привлечь вниманія русскаго человѣка, дорожащаго чистотой и правильностью родной рѣчи, и занимательна тѣмъ, что, рисуя ея составителя человѣкомъ, любящимъ родной язкыъ, она выдаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его двойственное отношеніе къ оцѣнкѣ новыхъ словообразованій. Можно думать, что снисходительность его въ этихъ случаяхъ не имѣетъ подпочвой полной искренности.

Наиболѣе привлекающей вниманіе, какъ касающейся повседневнаго типично совѣтскаго языковаго обихода, является глава I-я, носящая заглавіе — "Старое и новое". Это — все та же тема: отцы и дѣти. К. Чуковскій, бросивъ взглядъ въ прошлое, приводитъ рядъ примѣровъ, когда новыя слова, нынѣ для насъ обычныя, возбуждали въ старомъ поколеніи чувства возмущенія и отталкиванія, напримѣръ: "чувство", замѣнившее "чувствіе"; "надо" — вмѣсто "надобно". (Надо замѣтить, что "чувствіе" живет и донынѣ въ сложныхъ словахъ: предчувствіе, самочувствіе). Къ старикамъ-протестантамъ относятся, по свидѣтельству К. Чуковскаго, кн. Вяземскій, Дмитріевъ, Булгаринъ и... Гротъ, объявившій безобразнымъ слово "вдохновлять". Признавая нынѣ и себя старикомъ, К. Чуковскій заявляетъ о непріятіи своемъ такихъ словъ, какъ "пока" — вмѣсто "до свиданія"; "я пошелъ" — вмѣсто "я ухожу" и проч., но болѣе всего отвратительны для него употребленіе слова "обратно" въ значеніи "опять"; (примѣр.: песъ... "обратно лаялъ на Марину и Тату") "въ адресъ" — вмѣсто "по адресу" и, наконецъ, падежное окончаніе "а", гдѣ по грамматикѣ слѣдуетъ быть "ы" (примѣръ: "выхода", "супа", "плана" и др.). Нѣтъ надобности останавливаться на приводимыхъ авторомъ примѣрахъ. Надо сказать, что онъ, какъ бы желая оправдать подобный произволъ въ обращеніи съ грамматикой, ссылается на происшедшія въ прошломъ подобныя же измѣненія: домы — дома; учители — учителя и т. под. Попытки противиться упомянутымъ измѣненіямъ, именуемымъ авторомъ "ухарскими формами", онъ считаетъ безплодными, но признается, что готовъ проявить снисхожденіе къ вышеупомянутымъ "пока" (или чаще — ну, пока. **Н. П.**) и "я пошелъ", убѣждая себя, что они вовсе неплохи и даже **желательны** (подчеркнуто мной) Замѣчательно, что для оправданія законности употребленія этого "я пошелъ" К. Чуковскій не смущается сослаться на духовный старорусскій стихъ четырехсотлѣтней (!) давности. Далѣе: как обходиться съ такими заимствованными словами, какъ пальто, домино, трюмо, бюро и проч.? Слова эти относятся грамматикой къ числу несклоняемыхъ. Слову "пальто" повезло: стали придавать ему падежныя окончанія — и неудивительно, такъ какъ оно означаетъ обыкновеннѣйшій предметъ нашего обихода. "И сказать ли?" — пишетъ К. Чуковскій, — "я даже сдѣлалъ попытку примириться съ русскимъ падежнымъ окончаніемъ слова **пальто.** Конечно, это для меня трудновато, и я по-прежнему **тяжко страдаю** (подч. мною **Н. П.**), если въ моемъ присутствіи кто-нибудь скажетъ, что онъ никогда не находитъ **пальта,** или идетъ къ себя домой за пальтомъ". Послѣ ссылокъ на происхожденіе слова "пальто"; на его употребленіе въ прошломъ и внедреніе въ русскій разговорный языкъ; на то, какъ русскій народъ обошелся съ другими заимствованными словами "тяжкія страданія" старика Чуковскаго как-бы утихаютъ, и онъ непрочь "помолодиться": "Почему же не склонять это слово, какъ склоняются, скажемъ, **шило, коромысло, весло?"** По мнѣнію его, слово это **"вырвалось"** (подч. мной) изъ ряда несклоняемыхъ словъ " нѣтъ никакого резона переносить его обратно въ этотъ рядъ". Спросимъ отъ себя: а почему бы не присоединить къ нему и слова "манто", столь ему родственнаго по смыслу и созвучнаго? Можно догадываться, что когда-то это произойдетъ и именно тогда, когда этотъ родъ одежды — а съ нимъ и слово, его означающее " получатъ широкое распространеніе **въ народѣ,** и "совдамы" начнутъ щеголять "въ мантахъ".

"Омоложеніе" К. Чуковскаго, достигнутое, казалось бы, такъ, легко логичными доводами, не можетъ, однако, устоять передъ другими критеріями: "всякій, кто скажетъ, напримѣръ, въ 1961 году **выбора,** сразу зарекомендуетъ себя какъ человѣкъ не очень высокой культуры". Въ желаніи остаться самимъ собою старикъ Чуковскій обнаруживаетъ похвальный консерватизмъ въ отношеніи такихъ новинокъ: "безъ пальта"; "онъ смѣялся въ мой адресъ"; "Ваше письмо было зачитано". Все это — "вѣрная примѣта безкультурья", говоритъ онъ.

Какъ крайнюю степень опакощиванія языка авторъ приводитъ случай, когда извѣстный писатель Константинъ Паустовскій услышалъ какъ-то у рѣки такія выраженія: **"Закругляйте купаться!"** и еще: **"Лимитъ** времени прошу соблюдать". Стоитъ передать часть приводимаго К. Чуковскимъ разсказа К. Паустовскаго о впечатлѣніи его отъ услышаннаго: "Я подумалъ — до какого же холоднаго безразличія къ своей странѣ, къ своему народу, до какого невѣжества и наплевательскаго (!) отношенія къ исторіи России, къ ея настоящему и будущему нужно дойти, чтобы замѣнить живой и свѣтлый русскій языкъ рѣчевымъ мусоромъ".

(Продолженіе слѣдуетъ)

Н. А. Потемкинъ

"ПОЧЕТНЫЙ ИНОСТРАНЕЦЪ"

Такой титулъ существуетъ, оказывается, въ Италіи. И получилъ его никто иной, какъ нашъ вѣрный сотрудникъ по защитѣ чистоты русскаго языка и давній читатель "Русской рѣчи" художникъ Иванъ Панратьевичъ Загоруйко.

28-го Іюля с. г. въ курортѣ Позитано, въ палаццо "Мюрат", на торжественномъ собраніи съ 300-ми приглашенныхъ, мэръ Позитано проф. Веспали, при единодушныхъ апплодисментахъ присутствующихъ, вручилъ ему золотую медаль въ ознаменованіе его долголѣтняго (32 года) и исключительно добропорядочнаго пребыванія въ Позитано.

Кромѣ этой причины послужило, по всей вѣроятности, къ организаціи этого празднества также и то, что Ив. П. Загоруйко отмѣченъ на выставкахъ среди художниковъ Италіи (коихъ множество), а на конкурсѣ 1959-го года въ курортѣ Марина ди Саванна удостоенъ даже "почетнаго диплома" и связанной съ нимъ преміи.

Радуемся такому успѣху нашего собрата и желаемъ ему съ такой же частью поддерживать и дальше званіе русскаго "почетнаго иностранца" не только въ Италіи, но и повсюду, гдѣ суждено намъ оставаться непримиримо ни совѣтчиками, ни чужестранными гражданами, а постоянно стойкими и честными русскими людьми, "почетными иностранцами".

Редакція

"ИВАНОВЪ"

Въ театрѣ ""Модерн" 15-го Сентября Саша Питоевъ представилъ "Ивановъ" Чехова, драму въ 4-хъ актахъ, созданную имъ въ 1888-мъ году. Кромѣ этой пьесы Питоевы (Людмила, Жоржъ и Саша) познакомили французскаго зрителя съ творчествомъ Чехова въ пьесахъ "Дядя Ваня", "Три сестры" и "Чайка". Эта дѣятельность Питоевыхъ, дополненная сейчасъ "Ивановымъ", является для русскаго театральнаго искусства, несомнѣнно, большой ихъ заслугой.

Прекрасная игра артистовъ (чуть-чуть переигрываетъ только Жанъ Боло въ роли Боркина слишкомъ большой непринужденностью жестовъ), искусно сдѣланныя декораціи и костюмы эпохи, прекрасно представленные извѣстной русской художницей театральнаго косюма Ритой Баянсъ, искупаютъ скучноватость этой чеховской драмы. Спектакль проходитъ легко и вызываетъ неоднократные апплодисменты.

Хотѣлось бы увидѣть также и "Вишневый садъ" во французскомъ переложеніи Питоевыхъ.

Н. М.

Крестъ на груди

(Эмигрантская повѣсть)

Часть III.

Глава VIII

Возвратясь домой Карминъ распечаталъ пакетъ. Обернутый нѣсколько разъ въ толстую бумагу тамъ оказался аккуратный деревянный ящичекъ съ выдвижной крышкой. Открывъ его Карминъ увидѣлъ лежащій въ немъ крестъ слоновой кости съ золотой цѣпочкой, со скульптурнымъ изображеніемъ распятаго на немъ Христа.

— Анна! — пронеслась мысль.

Никакого письма не было приложено къ посылкѣ, никакого адреса не обозначено. Самый крестъ и фигура Христа были совершенно такими, какими видѣлъ онъ ихъ на груди Анны, только чуть большаго размѣра.

Долго сидѣлъ Карминъ держа крестъ въ рукахъ.

"Иная долгая жизнь тяжелѣе короткой смерти" — вспомнилъ онъ письмо Анны.

Вотъ какой совѣтъ посылаетъ она ему.

— Она права, — подумалъ Карминъ, — умереть отъ себя слишкомъ легко. Буду носить, какъ носитъ она, какъ носятъ всѣ отмѣченные судьбой русскіе люди.

Онъ медленно растегнулъ воротникъ и обвилъ шею цѣпочкой.

На слѣдующій день онъ пошелъ къ Осинину.

Глава IX.

Осининъ кончалъ завтракать.

— А! вотъ и ты! — обрадованно привѣтствовалъ онъ Кармина, — хочешь ѣсть, хочешь пить?

Карминъ отказался.

— Ну что, заштопалъ дырку?

— Какую дырку?

— Которую Анна сдѣлала.

Карминъ помолчалъ.

— Ты говорилъ, что у тебя есть дѣло до меня — спросилъ онъ въ свою очередь.

Осининъ вздохнулъ.

— Ну, что жъ, давай штопать вмѣстѣ. Пойдемъ!

— Я, видишь ли, хочу тебѣ напомнить одинъ нашъ разговоръ, — началъ онъ, за кофе, въ своемъ кабинетѣ. — Помнится, ты утверждалъ однажды, что мы, здѣсь, заграницей, нуждаемся въ нѣкоторой логической поправкѣ для того, чтобы связать наше россійское начало съ нашимъ эмигрантскимъ продолженіемъ. Ты сообщилъ тогда, что эту поправку ты нашелъ. Помнишь ли, что это признаніе ты закончилъ словами "по крайней мѣрѣ для себя"?

— Помню. Что же изъ этого?

— Очень много изъ этого. Если ты нашелъ эту поправку только для себя, то ужъ изъ одного этого слѣдуетъ, что она никуда не годится. Дѣло идетъ не о твоемъ только горѣ, а о нашемъ общемъ, россійскомъ. Если свою

поправку ты могъ съ легкимъ сердцемъ бросить въ мусорный ящикъ послѣ того, какъ она перестала удовлетворять тебя, то нужно искать другую, болѣе сильную, такую, какая годится для всѣхъ насъ, русскихъ эмигрантовъ, для нашихъ общихъ "спеціальныхъ цѣлей", о которыхъ не ты ли первый завелъ разговоръ? Такую поправку, которую нельзя отбросить до тѣхъ поръ, покуда она и въ самомъ дѣлѣ не свяжемъ нашего россійскаго начала съ нашимъ эмигрантскимъ продолженіемъ. Ее я и хочу тебѣ предложить.

Они долго бесѣдовали въ тотъ разъ. Говорилъ больше Осининъ. И только прощаясь Карминъ сказалъ ему:

— Дѣйствительно, твоя поправка годится для всѣхъ насъ, и съ нашей эмигрантской точки зрѣнія она наиболѣе логична. Но... не переживалъ ли ты такого душевнаго состоянія, когда логика становится для тебя не обязательной, перестаетъ быть руководительницей твоихъ поступковъ? И не приходилось ли тебѣ спрашивать себя въ эти минуты: а въ какой мѣрѣ логична эта самая логика? не упустила ли она для того, чтобы быть въ полной мѣрѣ логичной, болѣе широкой, болѣе высокой, болѣе общей оцѣнки того, что насъ окружаетъ?

— Выворачивай. Что хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что я согласенъ съ тобой, но не такъ, какъ ты думаешь. Я согласенъ съ тобой потому, что у меня есть своя поправка, можетъ быть еще болѣе логичная, чѣмъ твоя. Тебѣ вѣдь все равно, изъ какихъ побужденій я пойду съ тобой. Она была у меня раньше, чѣмъ ты сообщилъ мнѣ свою. Это она привела меня къ тебя. Эту поправку прислала мнѣ Анна.

— Прислала Анна? Что же это за поправка?

Карминъ растегнулъ рубашку и на мохнатой груди Осининъ увидѣлъ крестъ со скульптурнымъ распятымъ на немъ Христомъ.

— Да, — пробурчалъ онъ себѣ подъ носъ — это, конечно, сильнѣе всякихъ логикъ.

— — — — —

Вскорѣ вилла, гдѣ обиталъ Осининъ, наполнилась новыми жильцами. Тамъ оказались пріемная дочь Хунхуза Валя со своей матерью, Юра Богородскій со своими родителями и Лелька со своею скрипкой. О нихъ не переставалъ заботиться Кеннель.

Осининъ же, Кармнинъ, Хунхузъ и Кромскій исчезли изъ Парижа безъ проводовъ и безъ прощаній. Вмѣстѣ съ ними исчезъ и Дмитрій.

Осинину хотѣлось взять съ собой Николая, но у Коли былъ братъ, а ему нужны были люди ни передъ кѣмъ не обязанные отчетомъ.

Конецъ

Н. Майеръ

Imprimerie S.I.P.E., 32, rue de Ménilmontant.